

РАШИНСАЙНС

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№10 2019

Казань - 2019

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №10 2019г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2019. – 152.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 – 75730).

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № Е11209.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*Р.Ф. Бекметов – к.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
Н.С. Найденова – д.филол.н., доцент; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснуллина – д.филол.н., профессор.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Рашин Сайнс, 2019 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Р.Р. Хуснулина</i> ФОНЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ КИТАЙСКИМИ СТУДЕНТАМИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	8
---	---

10.01.01– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>Т.Н. Воронина</i> СЕНОКОС В СИСТЕМЕ МОТИВОВ ПОВЕСТИ В. И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»	12
<i>С.И. Инаркаева</i> ПИСАТЕЛЬ И НАРОД КАК КЛЮЧЕВЫЕ ДОМИНАНТЫ КОНЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ В РАССКАЗЕ МУСЫ АХМАДОВА «УКРАДЕННОЕ ВРЕМЯ»	16
<i>Т.Ю. Климова</i> ГЕНОМ МЕТАТЕКСТОВОСТИ В ПОВЕСТИ В. МАКАНИНА «ПОГОНЯ» (1977)	19
<i>М.В. Мелихов</i> «ПОД ОТЕЧЕСТВЕННЫМ НЕБОМ СТРАНСТВУЮ С МИРНОЙ ДУШОЮ»: ПРИРОДА РОССИИ В ЗАПИСКАХ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ КОНЦА XVII – НАЧАЛА XVIII ВВ.	24
<i>Л.А. Нигматуллина</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕКСТОВ НОБЕЛЕВСКИХ ЛАУРЕАТОВ В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРЫ НА ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ РЕЧИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ЧИТАТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ И КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ	27
<i>И.О. Прокофьева, Г.Г. Рамазанова, Ю.Б. Тютченко</i> ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ «ЖЕНСКОЙ» ПРОЗЫ С. ЧУРАЕВОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «ЧУДЕСА НЕСВЯТОЙ МАГДАЛИНЫ»)	30
<i>О.В. Сизых, С.Ф. Желобцова</i> АВТОРСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРОВЫХ ЛОКАЦИЙ В ПОЭТИКЕ КИНОСЦЕНАРИЯ: В. СОРОКИН «МОСКВА»	35
<i>А.А. Шатовкина, Н.Ю. Желтова</i> «ЗАНАВЕС» М.И.ЦВЕТАЕВОЙ КАК ЛИРИЧЕСКАЯ АВТОПРЕЗЕНТАЦИЯ	38

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

<i>С.В. Аникиенко, М.А. Тугаева</i> РОЛЬ ЖУРНАЛИСТИКИ В ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЫКОВЕДА В.М. ЩЕГЛОВА	42
<i>А.П. Данилов, А.А. Данилов</i> ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ОСНОВ ЧУВАШСКОГО НАРОДА В ПУБЛИЦИСТИКЕ И.Я. ЯКОВЛЕВА И ЕГО ШКОЛА ЭТНИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ	45
<i>Р.В. Даутова</i> ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОГРАММ НА РЕСПУБЛИКАНСКОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ ТАССР (СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД)	48
<i>М.А. Тугаева, Ф.М. Шак</i> НЕОФИЦИАЛЬНАЯ РОК-ПРЕССА В АСПЕКТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАЧЕНИЙ СОВЕТСКОЙ РОК-МУЗЫКИ	51
<i>Г.М. Ханнанова, Л.Р. Надьришина</i> ТЕМА ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В ЛИРИКЕ Г.ТУКАЯ: МОТИВЫ И ЖАНРОВЫЕ СТРАТЕГИИ	55

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>Л.Х. Галаева</i> СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ ОРНИТОНИМОВ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ	58
<i>Ф.Г. Фаткуллина, Л.М. Салимова, Д.К. Саяхова</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ТЕКСТОВ МАССМЕДИА	61
<i>Г.Р. Фахарова</i> ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ФОРМУЛАХ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.А. БУНИНА)	64

<i>И.В. Шерстяных</i> ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТАТУС СЛОВ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	67
--	----

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>К.Н. Антонова</i> ФЕНОМЕН УБЛЕЙКА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТИ	71
<i>И.Ж. Винокурова, Л.К. Первушина</i> ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОЦЕНОЧНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ	75
<i>К.Н. Гафиуллина</i> ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С ЛЕКСИЧЕСКИМИ КОМПОНЕНТАМИ «LAW», «CRIME», «COURT», «JUSTICE»	78
<i>В.В. Гурин, Н.Р. Кириченко</i> АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «SURPRISE» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	81
<i>К.Е. Кохонова, А.Л. Буран, Ю.А. Зеремская</i> ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАЙМСТВОВАННЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КИТАЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СИСТЕМЕ АНГЛИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА	84
<i>Т.Е. Краутман</i> СИСТЕМАТИЧНОСТЬ АНГЛИЙСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В ТЕКСТЕ ЗАКОНА	87
<i>А.А. Кульева, Д.Р. Гилязова</i> ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ГЛАГОЛА TO WORK	90
<i>Е.Н. Морозова, И.Э. Федюнина</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД	94
<i>А.Ф. Петренко, С.А. Петренко, Н.А. Орлова</i> О МНОГОПЛАНОВОСТИ ПРИЕМА ПОВТОРА-ПОДХВАТА В ДИСКУРСЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	97
<i>С.А. Стройков</i> ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО ГИПЕРТЕКСТА	100
<i>А.О. Харабаева</i> ОБРАЗ ЯКУТИИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ	103
<i>Л.Г. Юсупова</i> КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА	108

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Р.К. Ахметгареева, М.К. Гулкян</i> МОДЕЛИРОВАНИЕ И ВНЕДРЕНИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ИНТЕГРАТИВНЫХ ЗАДАЧ	111
<i>Н.В. Возмищева, Г.Е. Поторочина, М.Н. Смирнова</i> К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ОБУЧЕНИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИМ АСПЕКТАМ ПЕРЕВОДА	114
<i>А.Ф. Давлетбаева</i> ОСОБЕННОСТИ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ 配 И 值得 В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	118
<i>Н.В. Зотова</i> ГРАФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ J. LANCHESTER «CAPITAL»	121
<i>Е.В. Максименко, О.Б. Анисимова, Е.В. Сивакова</i> К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	124
<i>В.И. Миколайчик</i> СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА С ДЕРИВАТИВНОЙ ФУНКЦИЕЙ В ЗАПАДНОИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ	127
<i>В.И. Миколайчик</i> «ИНВАРИАНТ» КАК ИНСТРУМЕНТ НАУЧНОГО АППАРАТА В ИССЛЕДОВАНИЯХ МООРФОЛОГИИ	131

<i>К.А. Покаякова, А.Н. Чугунекова</i> ОБРАЗ РОДИТЕЛЕЙ В РУССКОМ И ХАКАССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ	136
<i>А.Р. Шайдуллина, Э.К. Сабаева</i> ПАРЕМИИ КАК ЯЗЫКОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КАРТИНЫ МИРА: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ	139
АННОТАЦИИ	142

THE RELEASE MAINTENANCE

<i>R.R. Khusnulina</i> THE PHOENETIC ASPECTS OF PERCEPTION OF ENGLISH LANGUAGE BY CHENESE STUDENTS	8
--	---

10.01.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LITERATURE

<i>T.N. Voronina</i> HAYMAKING IN THE MOTIVE SYSTEM OF THE NOVEL BUSINESS AS USUAL BY VASILY BELOV	12
<i>S.I. Inrankaeva</i> THE WRITER AND THE PEOPLE AS KEY DOMINANTS OF THE CONCEPT OF PERSONALITY IN THE STORY OF MUSA AKHMADOV “STOLEN TIME”	16
<i>T.Yu. Klimova</i> THE GENOME OF METATEXTUAL IN THE TALE OF V. MAKANIN “THE CHASE” (1977)	19
<i>M.V. Melikhov</i> "UNDER THE DOMESTIC SKY I TRAVEL WITH A PEACEFUL SOUL» : NATURE OF RUSSIA IN THE NOTES OF RUSSIAN TRAVELERS OF THE LATE XVII-EARLY XVIII CENTURIES	24
<i>L.A. Nigmatullina</i> THE USE OF NOBEL LAUREATES’ TEXTS IN THE FIELD OF LITERATURE USED IN RUSSIAN LANGUAGE AND THE CULTURE OF SPEECH CLASSES IN A TECHNICAL UNIVERSITY AS A WAY OF FORMING READING COMPETENCIES AND COMMUNICATIVE CULTURE	27
<i>I.O. Prokofieva, G.G. Ramazanova, J.B. Tutchenko</i> POETICS FEATURES OF THE "FEMALE" PROSE BY S.CHURAEVA (BASED ON THE STORY "MIRACLES OF UNHOLY MAGDALENE»)	30
<i>O.V. Sizykh, S.F. Zhelobtsova</i> AUTHOR TRANSFORMATION OF GENRE LOCATIONS IN THE POETICS OF THE SCREENPLAY: V. SOROKIN “MOSCOW”	35
<i>A.A. Shatovkina, N.U. Zheltova</i> "CURTAIN" BY M. I. TSVETAeva AS LYRICAL AUTO PRESENTATION	38

10.01.10 – PHILOLOGICAL SCIENCES – JOURNALISM

<i>S.V. Anikienko, M.A. Tugaeva</i> THE ROLE OF JOURNALISM IN THE CREATIVE ACTIVITY OF MUSICOLOGIST VLADIMIR SHCHEGLOV	42
<i>A.P. Danilov, A.A. Danilov</i> REFLECTION OF SPIRITUAL AND MORAL FOUNDATIONS THE CHUVASH PEOPLE IN THE JOURNALISM OF I.YA. YAKOVLEV AND HIS SCHOOL OF ETHNIC JOURNALISM	45
<i>R.V. Dautova</i> FORMATION OF INFORMATION PROGRAMS ON THE REPUBLICAN TELEVISION OF THE TASSR (SOVIET PERIOD)	48
<i>M.A. Tugaev, F.M. Shak</i> UNOFFICIAL ROCK PRESS IN THE ASPECT OF THE SOCIOCULTURAL VALUES OF SOVIET ROCK MUSIC	51
<i>G.M. Khannanova, L.R. Nadyrshina</i> ON THE PERIODICAL PRINT IN TUKAY'S LYRIC: MOTIVES AND GENRE STRATEGIES	55

10.02.01 - PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LANGUAGE

<i>L.H. Galaeva</i> WAYS TO NOMINATE ORNITHONYMS IN THE INGUSH LANGUAGE	58
<i>F.G. Fatkullina, L.M. Salimova, D.K. Sayakhova</i> LINGUOCULTURAL APPROACH TO STUDYING MASS MEDIA TEXTS	61
<i>G.R. Fakharova</i> FEATURES OF FUNCTIONING VERBS OF INTERPERSONAL RELATIONS IN THE FORMULAS OF SPEECH ETIQUETTE (ON THE EXAMPLE OF WORKS OF I.A. BUNIN)	64
<i>I.V. Sherstyanykh</i> GRAMMATICAL STATUS OF WORDS OF THE CATEGORY OF STATE IN MOD-ERN RUSSIAN	67

10.02.04 - PHILOLOGICAL SCIENCES – GERMANIC LANGUAGES

<i>K.N. Antonova</i> THE PHENOMENON OF W. BLAKE IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF MULTIMODALITY	71
<i>I.Zh. Vinokurova, L.K. Pervushina</i> LINGOSTYLISTIC MEANS OF EXPRESSING EVALUATION IN INTERNET DISCOURSE	75
<i>K.N. Gafiullina</i> A LEXICO-SEMANTIC ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE ENGLISH LANGUAGE WITH LEXICAL COMPONENTS «LAW», «CRIME», «COURT», «JUSTICE»	78
<i>V.V. Gurin, N.R. Kirichenko</i> ANALYSIS OF THE LEXICОД-SEMANTIC FIELD “SURPRISE” IN THE ENGLISH LANGUAGE	81
<i>K.Y. Kokhonova, A.L. Buran, Yu.A. Zeremskaya</i> ETYMOLOGICAL ANALYSIS OF LEXICAL UNITS OF CHINESE ORIGIN IN THE SYSTEM OF THE ENGLISH LITERARY LANGUAGE	84
<i>T.E. Krautman</i> SYSTEMATICITY OF ENGLISH LEGAL TERMS IN THE LAW TEXT	87
<i>A.A. Kulyeva, D.R. Gilyazeva</i> LEXICO-PHRASEOLOGICAL SYNONYMIC PARADIGM OF THE VERB TO WORK	90
<i>E.N. Morozova, I.E. Fedyunina</i> STUDY OF ENGLISH IDIOMS FOR FINANCIAL STATE: COGNITIVE-PRAGMATIC APPROACH	94
<i>A.Ph. Petrenko, S.A. Petrenko, N.A. Orlova</i> ON MULTIPLE FUNCTIONS OF ANADIPLOSIS IN THE DISCOURSE OF A LITERARY TEXT	97
<i>S.A. Stroykov</i> LINGUOSEMIOTIC ANALYSIS OF THE ENGLISH ELECTRONIC HYPERTEXT STRUCTURE	100
<i>A.O. Kharabaeva</i> IMAGE OF YAKUTIA IN ENGLISH MEDIA	103
<i>L.G. Yusupova</i> COGNITIVE ASPECT IN RESEARCH OF LEXICAL MEANING OF THE WORD	108

10.02.19 - PHILOLOGICAL SCIENCES – LANGUAGE THEORY

<i>R.K. Akhmetgareyeva, M.K. Gulkanyan</i> MODELING AND INTRODUCTION OF PROFESSIONALLY SIGNIFICANT INTEGRATIVE TASKS IN THE EDUCATIONAL PROCESS	111
<i>N.V. Vozmishcheva, G.E. Potorochina, M.N. Smirnova</i> TO THE PROBLEM OF AXIOLOGICAL TRANSLATION ASPECTS TEACHING ADVISABILITY	114
<i>A.F. Davletbaeva</i> FEATURES OF MODAL VERBS 配 AND 值得 IN CHINESE	118
<i>N.V. Zotova</i> GRAPHICAL MEANS OF REALIZATION OF THE EMOTIVE CATEGORY IN «CAPITAL» BY J. LANCHESTER	121
<i>E.V. Maksimenko, O.B. Anisimova, E.V. Sivakova</i> TO THE ISSUE OF TRANSLATORS' COMPETENCE IN TRANSLATION OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL LITERATURE	124
<i>V.I. Mikolaichik</i> STRUCTURAL SEMANTIC TYPES OF EQUIVALENTS OF RUSSIAN POLYSEMOUS VERBS IN WESTERN IRANIAN LANGUAGES	127
<i>V.I. Mikolaichik</i> “INVARIANT” AS A TOOL OF SCIENTIFIC APPARATUS IN STUDIES OF MORPHOLOGY	131
<i>K.A. Pokoyakova, A.N. Chugunekova</i> THE IMAGE OF PARENTS IN THE RUSSIAN AND KHAKAS LANGUAGE CONSCIOUSNESS	136
<i>A.R. Shaidullina, E.K. Sabaeva</i> PAROEMIAS AS A LANGUAGE COMPONENT OF THE WORLD: LINGUOCOGNITIVE AND LINGUOCULTURAL ASPECTS	139

ABSTRACTS	142
------------------	-----

10.02.04

Р.Р. Хуснулина д-р филол. наук

Казанский национальный исследовательский технологический университет,
кафедра иностранных языков в профессиональной коммуникации,
Казань, razilya-kh@yandex.ru

ФОНЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ КИТАЙСКИМИ СТУДЕНТАМИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Вырабатывая навыки произношения английского языка, китайские студенты адаптируют китайские звуки для произнесения ряда английских. Возникает новая разновидность английского языка. В данной статье рассматриваются произносительные особенности китайской разновидности английского языка, которые в научной литературе исследованы незначительно.

Ключевые слова: *произношение, звук, разновидность, окружение, существительное, глагол.*

Все большее распространение английского языка на территории Китая ведет к его взаимодействию с языком этой страны. Однако фонетическая система китайского языка отличается от английской, что приводит к возникновению интерференционных процессов, затрагивающих и другие уровни языка. Возникает новая разновидность английского языка. В данной статье рассматриваются произносительные особенности китайской разновидности английского языка, которые в научной литературе исследованы незначительно. Как справедливо отмечает Е.Л. Бархударова, «редко встречается последовательный учет данных сопоставительной фонетики. Между тем недооценка их роли может приводить к ошибочной интерпретации особенностей иностранного акцента» [1, с.129].

Подготовка переводчиков английского языка, работающих с представителями Китая, которая ведется в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, Казанском Федеральном университете, в вузах пограничных, российско-китайских, территорий, требует наличия у них знаний о специфических чертах английского языка в их стране.

При построении речи носители китайского языка меняют произношение английских звуков, нарушая слого-ритмическую структуру изолированных английских слов и фраз. При произнесении согласных, они могут заменить одни звуки на другие, также присутствующие в их фонологической системе, подбирая среди них те, что ближе по звучанию к аналогичным звукам английского языка. Так, например, в ряде случаев звук [t] заменяется на [s], [t]. Звук [s] нередко заменяется на [c], имеющий аффрикативный оттенок. Отмечается замена звука [v] на [w].

При анализе гласных звуков, отмечены некорректные реализации дифтонгов. Например, слово coin ['kɔɪn] произносилось как ['kɔ:n]; boat как ['bɔ:t]. При наличии согласных, присутствующих в обоих языках, но имеющих в них различную дистрибуцию, в ряде случаев наблюдается неспособность носителей китайского языка к производству английских звуков, занимающих запрещенное в соответствии с правилами дистрибуции фонем в слоговом положении. Например, в слове gib, содержащем звонкий смычный [b] в конечной позиции, китайцы заменяют вышеуказанный звук на глухой смычный [p], допустимый в данном положении в слове по правилам дистрибуции фонем их родного языка. Основные нарушения слого-ритмической структуры английских слов происходят:

- в конечно-слоговых сочетаниях согласных: snakes [sn'eiks] на [sn'ekəs], happened [ˈhæpənd] на [ˈhæpənəd] (здесь и далее транскрипция слов указана по словарю Хорнби А.С. – примечание автора);

- в слогах, ядром которых является носовой сонант: kitten [ˈkɪtn] на [ˈkɪtən], written [ˈrɪtn] на [ˈrɪtən], little [ˈlɪtl] на [ˈlɪtəl].

- в начально-слоговых сочетаниях согласных: precisely [prɪsaɪslɪ] на [pɪsaɪlɪ], strange [str'ændʒ] на [ˈsten];

- в консонантных сочетаниях в середине слова: unexpectedly [ʌnɪksp'ektədli] на [ʌnɪks'ədli], hundred [ˈhʌndrɪd] на [ˈhʌndɪd];

- в конечно-слоговых сочетаниях согласных: mind [maɪnd] на [mand], seems [ˈsɪ:ms] на [ˈsɪ:m], instantly [ˈɪnstədli] на [ˈɪnstanli], last [ˈla:st] на [ˈla:t];

- на стыке слов: wants to go [ˈwɒnts tə ˈgəʊ] на [ˈwɒn tu ˈgɒ], aren't they [ˈɑ:nt ðəɪ] на [ˈɑ:n de].

Паузация нарушается на стыке слогов внутри слова: spectator [spek'tetə], repeat [rɪ'pi:t].

В соответствии с этими наблюдениями автора статьи, упрощение конечных консонантных сочетаний (минус-сегментация) является наиболее распространенным явлением при реализации английских слов носителями китайского языка. В большинстве случаев причиной данных нарушений является стремление китайцев к образованию открытых слогов или слогов без скопления согласных, то есть структур, наиболее характерных для исследуемого восточного языка.

Нарушения в организации слоگو-ритмической структуры английских слов носителями китайского языка на сегментном уровне могут приводить к изменениям на супraseгментном уровне. Наиболее распространенное из них - изменение положения словесного ударения, сводимое к нескольким типам:

а) сдвиг ударения: movement [ˈmʊvmənt], accident [ˈæksɪdent]. При этом, более или менее типичная тенденция к расстановке словесного ударения у большинства китайцев сводится к конечному ударению, что объясняется влиянием правил акцентуации китайского языка, в соответствии с которыми наиболее выделенным является последний слог слова. Изменение локализации ударения происходит также на слоге, предшествующем ударному в эталонном варианте реализации, так и на слоге, стоящем в заударной позиции в нормативном варианте английского языка.

б) избыточное ударение, то есть акцентирование более чем одного слога в многосложном слове, имеющем одно ударение в нормативном варианте английского языка: continents, population. Данный тип отклонений характерен для носителей не только китайского языка, но, судя по всему, и языков Восточной и Юго-Восточной Азии в целом.

в) неиспользование ударения для дифференциации семантики пар слов, различающихся положением ударения. В английском языке различное положение ударения в словах может дифференцировать их значение, если оно зависит только от локализации данного супraseгментного явления (record (n) [ˈrekɔd] - record (v) [rek'ɔ:d], accent (n) [ˈæksənt] - accent (v) [əks'ænt]). Так как в китайском языке ударение не обладает смысловоразличительной функцией, для китайцев представляет сложность произнесение таких пар слов. Как видим, «интенсивность тона – понятие акустическое» [2, с.21].

Различия в способах организации ритма речи в английском и китайском языках приводят к появлению явлений интерференции в английской речи носителей тайского языка на уровне ритмической организации высказывания. Данные отклонения могут быть сведены к следующим типам:

1) фонетическим нарушениям на сегментном уровне, связанным со стремлением китайцев облегчить артикуляцию сложных фонемных сочетаний, оптимизировать произносительные усилия в соответствии с правилами артикуляции их родного языка;

2) неадекватному определению количества слогов во фразе, связанному с нарушениями на сегментном уровне (плюс-сегментация, минус-сегментация и др.);

3) акцентуации служебных слов и, как следствие, увеличению их длительности; неправильному определению места ударения в многосложных словах, появлению в них избыточного ударения, приводящего к реорганизации типов ритмических структур, характерных для фразы в эталонном варианте, и к образованию новых типов ритмических структур в английской фразе;

4) возникновению избыточных пауз внутри речевого отрезка, что объясняется стремлением носителей китайского языка облегчить артикуляционные усилия в случае скопления последовательности согласных, не характерного для тайского языка.

При прослушивании китайскими студентами образцов британского звучащего текста на английском языке, сложными для восприятия представляются слоги с наличием нетипичных для китайского языка консонантных кластеров в начальной и конечной позициях. При восприятии слов с такого типа слогами тайцы ориентируются на меньшее число реально произнесенных слогов. Так, например, четырехсложные слова: *colloquial*, *fabricated*, *theatrical*, *traumatism* - были показаны как трехсложные. При восприятии пятисложных во всех случаях без исключения перцептивная интерференция проявлялась в явлении “минус-сегментация”. При этом, процент ошибок был достаточно высок: *intermediate* - 4 слога, *mysteriously* - 4 слога, *platitudinous* - 4 слога. Как отмечает Слепнев, в китайском языке «количество звуков в слоге не превышает четырех (и, щ, май, хуан)... Отдельные звуки, входящие в состав китайского слога, размещаются в нем в строгом порядке. Каждый звук занимает только отведенное ему место. В пределах одного китайского слога, например, невозможно сочетание согласных, зато возможно сочетание гласных, чего не бывает в слогах русского языка. В китайском слоге полного состава на первом месте всегда стоит согласный звук, за ним следует неслогообразующий гласный, на третьем месте находится слогообразующий гласный и в конце слога - конечный полугласный или носовой сонант (переднеязычный или заднеязычный)» [3, с.8].

В ряде случаев информантами осуществляется переразложение консонантных сочетаний, приводящее к увеличению произносимого количества слогов в слове, и, как следствие, интерференционному явлению плюс-сегментации. Например, слово *engaged* звучит как трехсложные. Как четырехсложные определены следующие трехсложные слова: *scabbiness*, *stimulate*, *schematize*, *sclerotic*. Однако следует отметить, что в китайской разновидности английского языка явление плюс-сегментации не является характерным типом перцептивной интерференции. Имеющиеся изменения данного типа в ряде случаев имеют скорее исключительный, а не закономерный характер.

При произнесении акцентно-ритмической структуры английских слов носители китайского языка показывают ряд нарушений, связанных с некорректным определением локализации ударения в слове и с изменением слоговой модели слова. Нарушения при восприятии акцентно-ритмической структуры английских слов носителями китайского языка связаны с увеличением или уменьшением количества слогов в акцентно-ритмической структуре и с переносом ударения. Очевидно, что восприятие акцентной модели английских слов аудиторами находится в непосредственной зависимости от способов формирования просодической модели слова китайского языка. Изменения, возникающие при оценке акцентно-ритмической структуры английских слов китайскими информантами, также связаны с сегментным наполнением воспринимаемых лексических единиц. Присутствие консонантных кластеров, а также вокалических сочетаний, запрещенных правилами фонетики китайского языка, провоцирует аудитивное переразложение слова носителями китайского языка, и как следствие, декларирование большего или меньшего количества слогов в слове и изменение типа эталонной ритмической структуры. В итоге наблюдается:

1) зависимость восприятия ударных слогов от местоположения во фразе; при оценке ударности/ не ударности слогов во фразе устойчивая тенденция к определению в качестве акцентированных конечных слогов или значимых слов во фразе. Данная тенденция обусловлена спецификой фразовой просодии китайского языка, в котором фразовое ударение падает на конечный слог синтагмы; позиция тона в конце синтагмы является наиболее устойчивой;

2) выделение местоимений во фразе как ударных. Этот феномен вызван отсутствием наложения строгих ограничений на ударение местоимений в китайском языке. Таким образом, в произношении носителей английского языка случаи редукции данной части речи, обычно не несущей ударение в английском языке, китайцами, как правило, не определяются.

3) признание показателей частоты основного тона и длительности; одними из основных средств достижения эффекта выделения во фразе являются просодические параметры частоты основного тона и длительности. Поэтому данные параметры являлись основным ориентиром при восприятии акцентно-ритмической структуры английских фраз носителями китайского языка.

4) изменение (уменьшение/увеличение) количества воспринимаемых ударных слогов во фразе. В случае уменьшения количества воспринимаемых ударных слогов происходит смещение ударения к концу фразы, что, характерно для просодии китайского языка. Увеличение восприятия количества акцентированных слогов английской фразы у китайских информантов происходит, в основном, за счет выделения местоимений, обычно не несущих ударения в английском языке.

5) зависимость восприятия вариантов акцентно-ритмической структуры от длины фразы; имеет место тенденция воспринимать большее количество вариантов в более длинных фразах.

Список литературы

1. Бархударова Е.Л. Основы сопоставления фонетических систем изучаемого и родного языков в контексте обучения произношению // Москва: Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2015. № 3. - С. 139-154.
2. Спешнев Н.А. Введение в китайский язык. Фонетика и разговорный язык. - СПб.: КАРО, 2003. - 256 с.
3. Спешнев Н.А. Фонетика китайского языка. - СПб., 1980. -141с.
4. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Специальное издание для СССР. - М.: Издательство «Русский язык». - 1982. - 544 с.

10.01.01– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

10.01.01

Т.Н. Воронина канд. филол. наук

Вологодский государственный университет,
институт истории и филологии,
кафедра литературы,
Вологда, myberegok@rambler.ru

**СЕНОКОС В СИСТЕМЕ МОТИВОВ ПОВЕСТИ В. И. БЕЛОВА
«ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»**

В работе представлен анализ мотивов повести В. И. Белова, связанных с сенокосными работами. Выявляются место сенокоса в сюжете и семантика данного художественного образа. Делается вывод относительно связи исследуемой трудовой операции с социальной и онтологической проблематикой повести, раскрывающейся через систему мотивов запрета и его нарушения, испытания (трудной задачи), утраты, экзистенциального кризиса и жизненного круга.

Ключевые слова: *В.И. Белов, региональный текст, деревенская проза, мотив, сенокос.*

Труд – одна из базовых мифологем деревенской прозы, а среди множества трудовых операций особое место нередко отводится сенокосу. Последнему в повести В. Белова «Привычное дело» отведено ключевое место. Творчество В. И. Белова сегодня изучают в региональном и национальном [1; 9], жанровом [4], идейно-тематическом [3; 5], языковом [10; 7; 2] аспектах, активно разрабатываются вопросы поэтики его текстов [8; 6]. Однако семантика сенокоса пока не оказывалась в фокусе внимания ученых. Цель настоящей работы – проанализировать систему мотивов повести «Привычное дело», связанных с сенокосом. Методологической основой исследования является система мотивов, предложенная В. Я. Проппом, так как видится универсальной и применимой не только к сказке.

Сенокос в повести вынесен в названия главков («И пришел сенокос», «Последний покос»), с ним связаны главные сюжетные узлы (ночные покосы, конфискация сена, отъезд Ивана Африкановича, смерть Катерины).

Развитие основного действия строится на комбинации двух пар мотивов: 1) запрет – нарушение запрета: косьба для личных нужд на колхозных землях; 2) трудная задача (испытание) – ее невыполнение (напрасный труд): от успешности заготовки сена для своей коровы зависит жизнь семьи. Решение трудной задачи возможно только через нарушение запрета, их конфликт является движущим механизмом сюжета и создает внутреннее напряжение. В эпизодах, когда Иван Африканович косит по ночам для своей коровы, акцентируется, что удовлетворение от сделанного для семьи отягощено чувством вины перед законом, в то же время раскрытие «преступления» Дрынова вызывает у последнего чувство облегчения, которое в свою очередь осложнено грузом несделанного дела.

Пара «запрет – нарушение» коррелирует с парным мотивом «обман – его раскрытие», последний актуализируется в главках «И пришел сенокос» (Иван Африканович просит сына соврать о ночном покосе / Гришка проговаривается уполномоченному), «Фигуры» (Пятак надеется обмануть проверяющих, сделав форму своих стогов «по соседским фигурам») и «Митька действует» (Дашка Путанка пытается выдать накошенное в лесу сено за убранное с загоры / ей не верят).

Наказание, неизменно следующее за нарушением запрета и связанное с раскрытием обмана, выражается в конфискации сена, сопряженной со стыдом и общественным порицанием для Ивана Африкановича. Этому сопутствует мотив предательства

(уполномоченный уговаривает Дрынова выдать односельчан в обмен на сено). В ракурсе испытания главного героя конфискация сена означает неудачу в решении задачи, что постепенно приобретает масштаб катастрофы. В связи с этим стога сена становятся образом-символом напрасного труда, тщетности усилий.

Дрыновы трижды пытаются решить трудную задачу, каждая последующая попытка требует большего количества усилий, соответственно нарастает сложность испытания. Повторная неудача с сеном приводит Ивана Африкановича в отчаяние, и он поддается на уговоры Митьки уехать из деревни на заработки. Здесь проявляется ключевой для деревенской прозы мотив ухода / невозврата и сопряженного с ним предательства. Отъезд в разгар сенокоса, когда, родня, как правило, съезжается на помощь, можно интерпретировать как предательство по отношению к семье. Это обстоятельство обрекает последнюю попытку Катерины довести дело до конца на неудачу. Расплата за предательство и непройденное испытание – череда потерь.

Мотив утраты звучит в названии главки «Последний прокос» и эпитафии к ней: «Матушка родимая, / Свеча неугасимая. / Горела, да растаяла, / Любила, да оставила» [91]. Образ-символ сгоревшей свечи как безвременно закончившейся жизни является эмоциональным камертоном последующего повествования. В заголовок вынесено слово с семантикой неполноты действия (прокос – скошенная полоса в ширину взмаха косы, чтобы скосить, например, лужайку нужно сделать несколько таких прокосов), что отсылает к уже ставшей невыполнимой задаче. А характеристика прокоса как «последнего» актуализирует ассоциации и с последней попыткой, и с последним (смертным) сроком.

В описании совместного труда матери и дочери процесс передачи навыка связан с настроением на нужный ритм, эстетикой правильного движения и удовлетворением от достойно сделанного. Здесь отчетливо звучат онтологические мотивы жизненного круга и связанной с ним преемственности: последний прокос Катерины соответствует первому прокосу Катюшки, общность имен матери и дочери подчеркивает прочность связи. Описание ночного покоса исполнено драматизма, в нем сливаются интонации радости, горя и прощания. Автор делает так, что последний удар настиг Катерину именно на лугу во время косьбы. Она торопится сделать непосильное («Вот еще бы эту полянку, как раз бы тут на стожок было. Надо ведь» [93]), ненадолго забывается в работе: «Катерина будто бы не чувствовала ни усталости, ни тошноты, косила и косила» [93]. Героиня начинает свой последний прокос, который уже не может довести до конца («оставалось взмахов с десятков, а она нечаянно, непроизвольно остановилась и выронила косу» [93]). Неполнота действия (покоса в целом), заявленная в заглавии, усугубляется неоконченностью последнего прокоса. Это можно рассматривать как метафорическое обозначение безвременно оборванной жизни. Первым предсмертным ложем Катерины становится плод ее последних усилий, оказавшихся в итоге тщетными, – скошенная луговина. В этом контексте сенокос соотносится с мотивом жертвы, применительно к данной ситуации – напрасной, т. к. сено заготовить так и не удалось, что усугубляет трагическое звучание повести.

Наказание за нарушение запрета оказывается ничтожным перед расплатой за непройденное испытание. Трудная задача для семьи Дрыновых непосильна, а последняя, третья, попытка справиться с нею в одиночку ведет к гибели героини. Условие проживания следующего года не выполнено, что влечет за собой дальнейшую цепь потерь: корову-кормилицу зарезали, Мишку с Васькой отдали в приют, Анатюшку – в училище, Катюшка должна уехать в город в няньки вслед за старшей сестрой. Оставшихся четверых детей надо будет чем-то кормить. Дом – одна из ключевых мифологем деревенской прозы, средоточие жизни, семантический центр художественного пространства. Крушение семьи символизирует распад гармонии мира. Сенокос стал испытанием на прочность, и тот, кто его не прошел, обречен на разлад.

Связанные с сенокосом мотивы напрасного труда, невыполненной задачи и утраты актуализируются в ключевой главке «Привычное дело». В самом начале похода в лес Дрынов наталкивается на место последнего покоса Катерины, видит неубранную скошенную

траву и платок жены. Поляна, хранящая следы присутствия Катерины, заставляет Ивана Африконовича вновь остро почувствовать боль потери и окончательно осознать невозвратность утраты. В то же время это напоминание о вине, немой укор в том, бросил жену в сенокос. Данный локус – начальная точка отсчета блужданий героя по лесу и в лабиринте своей души. Образ лесной луговины соотносится с состоянием жизненного тупика и выводит на онтологическую проблематику повести. Сидя на поляне, Дрынов говорит сам себе: «Надо идти. Идти надо, а куда бы, для чего теперь и идти? Кажись, некуда больше идти, все пройдено, все прожито» [11:114]. С этих вопросов начинается его трудный путь поиска смысла жизни.

Последнее упоминание сенокоса связано с мотивом жизненного круга и ответом на бытийные вопросы: «И озеро, и этот проклятый лес останется, и косить опять побегут. Тут-то как? Выходит жись-то все равно не остановится и пойдет как раньше, пусть без него, без Ивана Африконовича. Выходит все-таки, что лучше было родиться, чем не родиться» [11:121]. Мысль о непрерывности жизни и цикличности бытия образно выражена через перечислительный ряд: дети, природа, труд на земле. Из всех крестьянских работ Белов встраивает в этот ряд именно сенокос как означающее повторяемости и бессмертия. В контексте рассказанной истории, действие которой разворачивается вокруг косыбы, сена и стогов, такой выбор видится закономерным.

Итак, семантика сенокоса как вида традиционных крестьянских работ связана с ключевыми лейтмотивами повести «Привычное дело»: нарушением запрета, трудной задачей и жизненным кругом. Нарушению запрета сопутствуют мотивы обмана и его раскрытия, наказания, а также напрасного труда и стыда. Их реализация связана с социальной проблематикой произведения. В свою очередь с жизненным кругом связаны онтологические мотивы утраты, вины, жизненного кризиса, смерти и бессмертия, цикличности бытия. Эти две группы объединены движущим сюжет лейтмотивом испытания и сопрягаются в мотивах предательства, ухода, расплаты / утраты, жертвы, напрасного труда / тщетности усилий. Развитие действия идет по пути перерастания социальной проблематики в экзистенциальную, движения от лирического и комического к драматическому и трагическому.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Энциклопедия «Привычного дела» В.И. Белова», проект № 19-012-00348

Список литературы

1. *Аркатова, Т.Е.* Национальный образ мира в прозе В. И. Белова: специальность 10.01.01 «Русская литература»: автореф. дисс. на соиск. ученой степ. канд. филол. наук / Аркатова Татьяна Евгеньевна ; Благовещенский государственный педагогический университет. – Владивосток, 2008. – 26 с.
2. *Берсенева, Л.А.* Языковые средства создания комического в «Плотницких рассказах» / В. И. Белова / Л. А. Берсенева // Беловский сборник: вып. 3 / гл. ред. Г. В. Судаков. – Вологда: ВолНЦ РАН, 2017. – С. 195-197.
3. *Дворянова, Н.В.* Художественное постижение истории и современного состояния семьи в творчестве В. И. Белова 1960-1970-х годов: специальность 10.01.01 «Русская литература»: автореф. дисс. на соиск. ученой степ. канд. филол. наук / Дворянова Наталья Викторовна; Московский государственный педагогический университет. – Москва, 2008. – 24 с.
4. *Крылов, В.П.* Повесть В. Белова «Привычное дело»: жанровая структура повествования / В. П. Крылов // Художественный текст: опыты интерпретации: сборник научных статей. – Петрозаводск: КГПУ, 2007. – С. 126-141.
5. *Недзвецкий, В.А.* «Мысль семейная» в прозе Василия Белова / В. А. Недзвецкий // Русская словесность. – 2000. – № 1. – С. 17-25.
6. Повесть В.И. Белова «Привычное дело» как вологодский текст: монография / Баранов С. Ю., Воронина Т. Н., Головкина С. Х. [и др.]. – Вологда: ИП Киселев А. В., 2016. – 191 с.

7. Попов, Р.В. Лексические приметы времени в романе В. И. Белова «Все впереди» / Р. В. Попов // Беловский сборник: вып. 2 / гл. ред. Г. В. Судаков. – Вологда: Легия, 2016. – С. 176-181.
8. Сальникова, Я.В. Художественная картина мира в прозе В. И. Белова: автореф. дисс. на соиск. ученой степ. канд. филол. наук / Сальникова Яна Вячеславовна; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2011. – 21 с.
9. Судаков, Г.В. Проза В. И. Белова как образец «вологодского» текста // Г. В. Судаков // Литература в школе. – 2017. – № 9. – С. 2-7.
10. Яцкевич, Л.Г. Народное слово в произведениях В. И. Белова: словарь / Л. Г. Яцкевич. – Вологда: ВоГУ, 2004. – 216 с.

Источники

11. Белов, В.И. Привычное дело: повесть // Белов В. И. Собр. соч.: в 7 т. Т. 2: повести и рассказы / В. И. Белов. – Москва: РИЦ Классика, 2011. – С. 7-128.

10.01.01

С.И. Инаркаева канд. филол. наук

Чеченский государственный педагогический университет,
Институт филологии, истории и права,
кафедра литературы и методики ее преподавания,
Грозный, inarkaeva67@mail.ru

ПИСАТЕЛЬ И НАРОД КАК КЛЮЧЕВЫЕ ДОМИНАНТЫ КОНЦЕПЦИИ ЛИЧНОСТИ В РАССКАЗЕ МУСЫ АХМАДОВА «УКРАДЕННОЕ ВРЕМЯ»

Статья относится к ряду публикаций автора, посвященных проблеме формирования концепции личности в чеченской прозе. Материал статьи выстроен на рассказе современного чеченского писателя Мусы Ахмадова «Украденное время», в котором обнаруживаются признаки лирико – исповедального начала, проблема сопричастности писателя с судьбой народа. Ключевыми вопросами, определяющими суть концепции личности в рассказе «Украденное время», признаны вопросы мировоззренческого и духовно – нравственного контекста.

Ключевые слова: *Личность и время, современная история, писатель, творчество, проза.*

Человек в своих многосторонних связях с окружающим его миром не является чем-то застывшим, раз и навсегда данным [2, с. 5]. Этот тезис является практически ключевым для всех исследователей, которые касаются вопросов формирования концепции личности в творческой парадигме того или иного писателя. Контекст главных смысловых акцентов в рассказе чеченского писателя Мусы Ахмадова «Украденное время» также формируется вокруг этого тезиса.

Информационно-содержательной основой рассказа Мусы Ахмадова «Украденное время» [1, с.465] становятся драматические жизненные эпизоды его собственной биографии, связанные с работой писателя в качестве руководителя Центра чеченского языка, культуры и этики, обучавшего учителей родной речи преподаванию этих дисциплин в Ингушетии в трагический период военных действий в Чечне на рубеже XX-XXI веков.

Через призму собственной, авторской личности автор рассматривает судьбу личности всего своего народа. Вынесенный автором в заглавие метафорический эпитет «украденное» (время) неизбежно отсылает читателя и к интертекстуальной аллюзии из названия эпопеи «В поисках утраченного времени» (1913 – 1927) французского писателя-модерниста Марселя Пруста, однако эпитет «украденное» по сравнению с эпитетом «утраченное» у чеченского писателя приобретает дополнительную специфическую актуализацию.

«Украденное время» - это достаточно сложный (как и многие другие произведения Мусы Ахмадова), многослойный в смысловом и эмоциональном отношении текст, наполненный авторской рефлексией, пониманием неоднозначности происходящего, разности мировосприятия, размышлениями о мире и человеке, о мире и войне, о хлебе насущном.

Личность и время, личность и современная история, личность и творчество – это основной круг важнейших и глубочайших проблем, поднимаемых писателем в этом тексте. Вместе с тем это произведение отчасти производит впечатление некоего «движущегося» эскиза, наброска, включающего в свой контекст лишь только намеченные, но не вполне разработанные, высказанные, завершённые смысловые проблемные линии, в которых присутствует вероятная «закодированность», «зашифрованность» отдельных тезисов, положений, что еще больше углубляет, усложняет и «заостряет» замысел и смысл этого текста.

Сама художественная концепция личности в этом произведении так же не менее сложна и многослойна. С одной стороны, очевидно, что автор и его герой, по сути, – идентичны, что подчеркивается и указанием точного времени и места действия, должности главного (автобиографического) персонажа, и, в частности, тем, что повествование в произведении ведется от первого лица. Но вместе с тем границы этого образа, личностного художественного типа значительно шире, чем границы его прототипа, автор придает персонажу не просто расширяющие его психологический диапазон черты, но и существенно видоизменяющие его облик, придающие ему порой некую биполярность. Драма земного бытия личности и ее народа, чувство ответственности и сопричастности писателя его судьбе – лежит во главе угла идейного содержания этого произведения.

Муса Ахмадов как личность и писатель всегда особенно остро ощущает связь со своим народом в самые сложные и тяжелые моменты и периоды его исторической судьбы. Он прекрасно понимает, что именно эти периоды и ситуации могут наглядно выступать и в качестве индикатора судеб этнической личности, всех ее ипостасей – и мужчины, и женщины, и младенца, и старца – в истории и мире.

Писатель в этом произведении внешне подчеркнуто отстранен непосредственно от грозных событий реальной, современной ему действительности, он говорит о них зачастую вскользь, опосредованно, через те или иные зримые и ощутимые реалистические детали, нигде не теряя чувства меры, порой прибегая к разного рода иносказаниям и эвфемизмам, даже корректно внося в текст элементы сдержанного невеселого юмора, самоиронии, но точно передавая крайне не простой дух времени, непосредственно сказывающийся на психологических состояниях личности как автора, так и его коллег, и соотечественников в целом.

На самом деле за этой внешне нейтральной позицией автора скрывается уникальная художественно-биографическая концепция его личности, обладающая глубокой, сложной, сильной и убедительной философско-мировоззренческой, духовно-нравственной, художественно-эстетической концепцией. Эта концепция для личности Мусы Ахмадова всегда неразрывно связана с концепцией его народа, в качестве неотъемлемой частицы которого он всегда идентифицирует самого себя.

Писатель ставит и по-своему рассматривает одну из важнейших проблем художественной концепции личности – процесс диалектики соотношения этического и эстетического начал. В подтексте произведения четко писателем поставлен вопрос: Что важнее – творчество или долг? Создание художественного творения в некоей известной «башне из слоновой кости» или спасение ближних, разделение с ними всей горечи страданий? Как именно автор ответит на эти вечные жгучие и животрепещущие вопросы своим творчеством?

В подтексте, точнее, в интертексте этого произведения угадываются и тезисы Ф.М. Достоевского «Красота спасет мир» и «Гармония мира не стоит слезинки замученного ребёнка», тезис О. Уайльда «Эстетика выше этики», а также утверждение Н. Чернышевского «Во всем чувственном мире человек - самое высшее существо, потому что человеческая личность есть высшая красота в мире...» [3, с. 394].

Муса Ахмадов поочередно краткими деталями, бегло, но точно характеризует некоторые черты литературного быта Чечни то 1980 - х, то 2000- х годов, отмечая по большому счету не зависящие ни от каких исторических, Социально-политических, финансово-экономических, конъюнктурных условий и обстоятельств признаки напряженной духовной жизни, всесторонних исканий творческой личности, ее неизбывного (несмотря ни на что) интереса к вопросам философского, духовно-нравственного, художественно-эстетического характера.

Ретроспективный план документально-художественного хронотопа постоянно чередуется с планом времени непосредственного написания произведения – 2007 годом. Повествование постоянно перемещается в некий позитивный идиллический хронотоп, выражая потребность творческой личности в мире, красоте, счастье, покое, доброй светлой улыбке.

Приоритетными для личности писателя оказываются никак не материальные ценности и их утрата, а мир духовности, творчества, интеллекта, культуры. В иносказательно мифологизированной метафорической и символической форме писатель философски осмысливает проблемы противостояния Добра и Зла через проблему вечности и времени.

Писатель с сожалением констатирует, что «общая беда», которая не раз уже объединяла его народ перед лицом той или иной национальной катастрофы, в данном случае (период двух чеченских военных кампаний) не сыграла своей горькой очистительной роли некоего катарсиса, не сумела объединить личность и общество. Подобные деформации личности писатель квалифицирует с позиции практической психологии и даже психиатрии, определяя этот диагноз как неадекватное восприятие действительности.

Таким образом, в своих множественных и многообразных опытах и попытках анализа художественной концепции личности в литературе Муса Ахмадов оказывается открытым к исканиям и экспериментам разного рода. В частности, он воссоздает разные типы личности в ее взаимодействии с социумом, используя жанровый и проблемно-тематический потенциал различных граней и ипостасей литературы – от собственно беллетристического, лирического повествования до документально-публицистического, мемуарно-автобиографического типа художественной речи.

В приемах и методах моделирования концепции личности чеченский писатель использует инструментарий как собственно литературно-художественных, семантико-стилистических методов и приемов обрисовки образов, так и арсенал смежных областей человеческого познания, в особенности различных граней антропологии, включая философский, психологический, этнологический, духовно-нравственный, идеологический компоненты.

В своем произведении «Украденное время» в трактовке концепции личности он прибегает к форме известных с эпохи Плутарха (1 в. н.э.) так называемых параллельных жизнеописаний, создавая, по сути, «двойной портрет» двух самых признанных современных чеченских писателей – Мусы Ахмадова и Мусы Бексултанова. Причем эти портреты двух личностей современников созданы писателем в двух разных измерениях – в первом случае – в формате «автопортрета», во втором – собственно «портрета», что требует от автора серьезной и сложной психологической «оптики», когда два образа, два типа творческой личности существенно отличаются друг от друга и характеристикой соотношения в их типах субъектно-объектных признаков человека-личности.

Безусловным выводом из выше изложенного является вывод о том, что вклад Мусы Ахмадова во всестороннее и многоплановое рассмотрение художественной концепции личности является важной вехой в развитии современной чеченской литературы.

Список литературы

1. Ахмадов М. Деревянные куклы. – Нальчик, 2010. -579с.
2. Бабшанова Г.Н. Художественная концепция личности в прозе сибирско-татарских писателей XX века: Занкиев Я.К., Сулейманов Б.В. – Тобольск, 2009. С.7.
3. Чернышевский Н.Г. В книге «Разум сердца. Мир нравственности в высказываниях и афоризмах. – М., 1990. С. 394.

10.01.01

Т.Ю. Климова канд. филол. наук

Иркутский государственный университет,
Педагогический институт,
кафедра филологии и методики,
Иркутск, klimova-tu@yandex.ru

ГЕНОМ МЕТАТЕКСТОВОСТИ В ПОВЕСТИ В. МАКАНИНА «ПОГОНЯ» (1977)

Статья исследует уровни метатекста в прозе В. Маканина, связывающие повести «Погоня» и «Старые книги» в ансамбль «Светик-роман», и рассматривает условия его размыкания в творческую систему автора. Выделены фабула поиска счастья; синтез авантюрного жанра, притчи и анекдота; тип героя (авантюрист, срединный герой, маленький человек, писатель); культурные коды (икона, книга); мотивы портрета, несвободы, обмена, голосов, луны, а также устойчивая аксиология и приемы повествования. Комбинации этих элементов составляют фундамент авторского «я».

Ключевые слова: В.С. Маканин, метатекст, «Светик-роман», повесть «Погоня», повествовательные стратегии.

Изучение метатекста как повествовательного целого является актуальной задачей современного литературоведения, т.к. представляет творчество писателя как художественную систему. Цель предлагаемой статьи – вычленив показатели концептуальной соотнесенности повести В. Маканина «Погоня» со «Светик-романом» [4], в состав которого она включена, и с творчеством писателя в целом. Речь пойдет о нарративных стратегиях, устойчивых семантических и аксиологических связях, размыкающих границы отдельного произведения в метатекст маканинской прозы и русской литературы.

Метатекст способен «завязывать смысловые отношения на любом уровне от объема до авторства и жанра» [1, с. 14], поэтому, связь «Погони» со «Старыми книгами» обусловлена самой авантюрной интригой, отраженной в названии и в динамических элементах приключенческого жанра – погоня, обман, игра с фатумом. Формально ансамбль из историй Светика, Игоря Петровича, Волконских, богомольных старушек и их тирана Зуева монтируются повествователем. Но появление в сюжете фигуры писателя, изучающего описанную среду, сбивает фокус с авантюрного аспекта на психологический и организует сложный нарратив. В нем появляется Пролог и Эпилог, заключающие сюжет в кольцо, что придает жанру повести приметы притчи.

По условию метатекста в прежней логике должен быть выдержан и характер главной героини. Отход от амплуа пикаро в «Старых книгах» привел Светика к краху. После выхода из тюрьмы она получает в дар икону, которая постоянно ускользает из рук, – отсюда мотив погони за миражами счастья. А старинная икона по праву становится центром смыслообразования.

Способен ли символический артефакт духовности изменить статичный внутренний мир пикаро? В Прологе Светик не отступает от заданной линии авантюрного героя и соглашается принять икону «на счастье» только после того, как умирающий старик называет ее стоимость. Так в истоке повествования счастье и богатство заявлены как синонимы.

Икона отвечает условию метатекстовости еще и в силу того, что входит в набор устойчивых кодов культуры. У Маканина список символических культурных знаков возглавляет книга (текст, слово). «Евангелие» и «Книга печалей и радостей» схимника Езерского в «Старых книгах», рукопись монаха в романе «Портрет и вокруг», утраченные или отвергнутые редакциями тексты и книги, которые отмечены как спутники жизни, – характеризуют сознание В. Маканина как литературоцентричное.

В семиосферу культуры попадает и интерпретация «городского текста». Топос суетной столицы в «Погоне» противопоставлен окраинному условному «месту на земле», где законсервировались время и понятия о добре и зле. Контраст как принцип организации повествования (столица/провинция, чистоган/духовность, квартира в Москве/хибарка на Урале, вера/цинизм) соответствует оппозиционной модели репрезентации городского текста в «деревенской прозе», не утратившей лидерства в конце 1970-х гг.

Но классическую модель оппозиций Маканин расшатывает законом относительности. В нарративе это реализуется путём перекрестного сравнения героев и ситуаций. Так, на фоне «крысы» [2, с.111] Фин-Ляляева Светик выглядит натурой широкой, артистично-талантливой. Верующие старушки и Валя Тонкострунова обнажают в ней холодного дельца; а на фоне потомственной аристократки Волконской она смотрится выскочкой и хамкой.

Особое место в ряду аргументов относительности принадлежит дихотомической паре «Светик / Игорь Петрович». Образ писателя в «Погоне» принципиален тем, что образует систему сквозных персонажей: Игорь Петрович – герой романа «Портрет и вокруг» (1978) и входит в состав базовой маканинской метаконструкции «творческая личность». Ближе к финалу мелькает имя Виктора Ключарева, героя метатекста «Ключарев-роман».

С момента появления в сюжете повести Игоря Петровича становится очевидной особая заинтересованность автора в создании социально-психологического портрета писателя: вчерашний ученый, Маканин пристально вглядывается в новую ипостась, поэтому центробежный и центростремительный силовые импульсы в повествовании то и дело меняются местами, сбивая фокус с портретируемых персонажей на фигуру портретиста.

Случайную встречу со Светиком Игорь Петрович воспринимает как возможность изменить форму прежнего «я». Кризис – тот «шанс жизни» [3], который реализует тягу автора к эксперименту: чтобы выяснить, какая жизнь подлинная, нужно влезть в «новую шкуру». Герой берется за портрет спекулянта, угадывая в этой породе людей «незримую перспективу душевного очищения или большего падения» [2, с. 162], а «портрет» в метатексте Маканина становится адекватной формой познания «другого»: позиция наблюдателя освобождает портретиста от необходимости выносить приговор; коридор зеркал делает бесперспективным деление героев на положительных и отрицательных. У Маканина «истины ходят парами», отсюда тяга не к полюсу, а к середине – к срединному герою, к типичной ситуации.

Игорь Петрович по масштабу личности заметно проигрывает ученому Каратыгину, покорившему воображение Светика в повести «Старые книги»: мужчина тридцати шести лет не без таланта сосредоточен на быте и по-интеллигентски расположен к нитью. В его активе две книги, милые жена и дочь, только «счастья нет»: нигде не был, «в доме своем и зависим, и жалок, и ничтожен» [2, с. 115]. Абрисы идентичности – раб, Прометей прикованный – объясняют, почему герой мечтает сбежать из дома. Мотив несвободы мужчины в семье ввиду недооформленности в сюжете «Погони» продолжает развиваться в романах «Портрет и вокруг» и «Испуг».

На первый взгляд, мнение об Игоре Петровиче в нарративе формируется преимущественно с помощью иронии. Так, в оценке «похожей на обьевшуюся африканскую птицу» [2, с. 119] тещи он – дармод. Для Светика – «бездельник» и «писателишка» без полета [2, с. 123]; клюющий по зернышку «крохобор» [2, с. 145]; «болван» [2, с. 133]; «недоносок» [2, с. 144].

Усмешка запланирована в пьяных самоаттестациях героя: «Я художник <...> Я творец...» [2, с. 118], тем более, в эпизодах, озвучивающих тайные мечты Игоря Петровича о памятнике или памятной доске на фасаде дома.

В нескольких эпизодах несобственно-авторское повествование проецирует иронию персонажа в сферу повествователя, сокращая между ними дистанцию, например: Светик «двигает творца острым кулачком в бок» [2, с. 124]; «Творец вяло прихлебывает кофе из чашечки» [2, с. 133] и т.д.

Но задача создания объективного портрета человека пишущего решается с помощью подтекста и неоднократного определения героя. В частности, для жены и Вали Тонкоструновой – это добрый, ранимый человек, болезненно переживающий творческий застой. Сатирический пафос исключает выход героя к самоиронии, например, в реплике, сообщающей, что писатели, когда напьются, мечтают стать знаменитыми «через год» [2, с. 181].

В портрете писателя у Маканина нет примет небожителя – ни явных драм, ни тайных пристрастий. По шкале Ч. Ломброзо, – не гений, а художник средней руки, раб пишущей машинки. И в криминальном дуэте спекулянтов Игорь Петрович занимает место подмастерья: не умеет продавать, живет с оглядкой на семью, доверчив и рефлексивен.

Тогда почему именно его деловая женщина выбирает в компаньоны? Она объясняет выбор ценным качеством писателя, которое в повести не озвучено. С одной стороны, новообращенный спекулянт оказался успешным учеником: освоил маски временной идентичности, научился перепродавать дефицит, принял риск и кличку Жорик, азартно считает купюры и даже смог ударить провинившегося Зуева.

С другой стороны, для Светика это человек другой породы. Интеллигент погружен в контекст культуры и зависим от неба, в то время как Светик уверена: «и без неба проживем. Большое дело – небо!» [2, с. 121]. Врожденная порядочность заставляет писателя испытывать стыд, когда из-за иконы нужно притворяться влюбленным, хотя бывал с женщинами груб, «дерзок, и напористо прямолинеен» [2, с. 132]. Разрушая чужую семью, он теряет сон и всё чаще проговаривает свою нравственную позицию: «Мы сделали зло, Светик» [2, с. 137]; «Не видать тебе божьей матушки, Светик, грешна ты слишком!» [2, с. 159]. Писатель чувствует острую жалость к этому «загнанному и милому существу» [2, с. 163] и даже обнаруживает черты Светика в лике на иконе. А Светик мстит за обиды всем мужчинам: они «не стоят жалости. Дерьмо» [2, с. 113]; «ей плевать на этого пишущего психа» [2, с. 145]; она презирает за слабость Виллю Тонкострунова. Но общение с Игорем Петровичем прояснило Светику цель погони: деньги нужны для разбега, а потом – замуж за скромного инженера, кооператив, двоих детей и непильную работу. Артикуляция мечты резко сокращает жизненное пространство героини: метила в Наполеоны, а идентификация происходит по модели мещанского счастья. Зато в ней обнажился человек.

С моральным подтекстом в повести усиливается притчевая интонация, а с нею проясняются и повествовательные стратегии автора. И. Роднянская повествователя Маканина уподобила хроникеру из «Бесов» Ф. Достоевского: «он знает о предмете изображения куда больше, чем это можно мотивировать его житейской ролью» [6, с. 205], но не возвышается над ним.

Действительно, стабильную маканинскую модель коммуникации с читателем представляет нарратор с расширенными полномочиями. Его активность заявляет о себе в имманентных оценках. Так, притворяясь верующей, Светик говорит со старушками «лампадным голосом, сладко и елейно» [2, с. 156]; об инженере рассуждает голосом мягким, даже мятным [2, с. 175].

Во-вторых, постоянное свойство повествования – выделение «нажимной» фразы курсивом, субъективирующее нейтральность голоса повествователя.

В «Погоне» активность повествователя проявляется и в безупречно точном сцеплении эпизодов, что А. Проханов назвал «кристаллографией Маканина» [5]. Так, заключительная реплика Пролога («А после я эту хибарку на Москву выменяю!» [2, с. 107]) не только оправдывает единичное появление в повести Пашки Бурсова, но и дает сюжету ключевой эпизод, определяющий жесткую структуру возвращения, буквальной рифмы.

Наконец, константное свойство повествования – включение анекдота в притчевую интенцию, определяющую атмосферу повести в целом. Анекдот и притча соперничают в эпизоде «воскрешения» старухи Волконской и в завершающем звене сюжета погони. Икона, запланированная Светиком на счастье, сыграла с нею злую шутку. Разбогатец, героиня находит своего «нежного инженера», вживается в роль кроткой жены и ученицы

закройщика, в ней «заговорил порядочный человек, которым она вот-вот собирается быть» [2, с. 181]; Светик трепетно реагирует на красоту луны, а когда впервые остается у Разина ночевать, у нее трясутся коленки.

Но случай корректирует безупречную интуицию героини. Её избранником оказывается анекдотический персонаж – с детства пришибленный инженер Разин, стесняющийся носить имя Степан из-за несоответствия имени и облика. Разин – маканинский вариант архетипа «маленький человек» в литературе XX века. Излишек тщеславия выводит его из ряда охраняемых в литературе «беззащитных» героев в число лишенных рефлексии, как Разин, мелочных, как Шустиков в «Голосах», завистливо подражательных, как Тетелин в «Андеграунде...». Разин становится орудием мести судьбы героине, пренебрегшей небом: он разметал богатства Светика по карманам «обаятельных людей», разбил её машину и мечты о тихом счастье.

Метаморфозы жалкого Семена в удальца Степана и возвращение к исходной точке «у разбитого корыта» реконструируют канву «Сказки о рыбаке и рыбке». Насмешку над широкими жестами квази-героя усиливает видение настоящего атамана, гнев которого к авторской оценке добавляет мотив суда истории над самозванцем: «...Имя мое, собака, позоришь» [2, с. 201].

Оскорбленная невниманием судьбы, Светик запускает механизм обмена квартир, а с ним в метатексте упрочивается и мотив обмена: по следам повести Ю. Трифонова у В. Маканина появляется рассказ «Полоса обменов» и повесть «Отдушина», сюжет которой опирается на ситуацию обмена.

Пушкинская сказка играет важную роль в реализации идеи возвращения на круги своя: «творец» вернулся к своей печатной машинке, Светик – к роли деловой женщины. Парадокс в том, что грешная героиня больше приобрела, чем потеряла: у нее квартира в Ялте, уважение и должность «золотой рыбки» в обменном бюро – теперь она сама вершит судьбы людей.

Заключительное звено конструкции обмена – переселение Семена Разина в ту халупку на Урале, где старик вручил Светику икону, – достраивает сюжет сказки Пушкина и остов притчи на тему воздаяния. Но жалость к недотепам не позволяет автору вычеркнуть никчемного героя из бытия. Медиатором связи времен у Маканина обычно бывают безгрешные отроки («Голоса») и творческие люди («Отставший», «Утрата», «Удавшийся рассказ о любви»). А здесь пространство и время распаиваются перед никчемным Разиным: он слышит яростные голоса голытьбы, призывающей к действию, «распрямляется и кричит зычно и грозно: “Сарынь на кичку!”» [2, с. 217].

Таким образом, автор-интеллектуал ведёт не к выводу, а к парадоксу, что расширяет сферу компетенции читателя, подключает его к поиску решения.

К устойчивым приметам метатекста у В. Маканина также следует отнести жалость к неудачникам и использование принципа аверса и реверса в создании портретов. Наконец, это рифмующиеся ситуации и мотивы, которые образуют сюжетно-образную вязь, прорастая друг в друге. Периферийные микрообразы могут представлять метатекст в силу повышенной символической нагрузки в других произведениях. Например, луна в «Погоне» – это средство сравнительной характеристики, в «Голосах» – сигнал метафизического подтекста, а в «Испуге» – инструмент психоанализа; голоса из метафоры в «Погоне» оформляются в архетип в повести «Голоса» и в творческий принцип автора – выбирать «партии» не из хора героев эпохи, а из случайных жителей улиц. Как следствие практически каждый текст В. Маканина содержит геном, репрезентирующий все творчество в целом.

Список литературы

1. *Киселев В.С.* Метатекстовые повествовательные структуры в русской прозе конца XVIII – первой трети XIX века: Монография. Томск: ТГУ, 2006. 544 с.
2. *Маканин В.С.* Погоня // В. С. Маканин. В большом городе: Повести. М.: Современник, 1980. С. 103-317.
3. *Олифирович Н.И., Малейчук Г.И.* Репарация и самовосстановление: от симбиоза к сепарации // Журнал практической психологии и психоанализа №2. 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://psyjournal.ru/articles/psihoana-liz-i-kognitivno-povedencheskaya-terapiya-konkuriruyushchie-paradigmy-ili-obshchaya?page=12> (дата обращения 5.09.2019).
4. Первая повесть метатекста анализируется в статье: Климова Т.Ю. Принципы организации художественной целостности в метанарративе В. Маканина «Светик-роман». Статья первая. Традиции плутовского жанра в повести В. Маканина «Старые книги» (1976) // Векторы развития филологии в контексте модернизации современного филологического образования: матер. всерос.науч.-практ. конф. с междунар. участием «XXV Кудрявцевские педагогические чтения» (Иркутск, 6-10 сентября 2018 г.) [Электронный ресурс]. Иркутск, 2018. С.183-192.
5. *Проханов А.* Кристаллография Маканина // Литературная Россия № 30. 1979 [Электронный ресурс]. URL: <https://litrossia.ru/item/7555-alexandr-prohanov-kristallografia-makanina/> (дата обращения 5.09.2019).
6. *Роднянская И.* Сюжеты тревоги. Маканин под знаком «новой жестокости» // Новый мир. 1997. №4. С.200-212.

10.01.01

М.В. Мелихов д-р филол. наук

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина,
институт гуманитарных наук,
кафедра русской филологии,
Сыктывкар, melikhovm@mail.ru

**«ПОД ОТЕЧЕСТВЕННЫМ НЕБОМ СТРАНСТВУЮ С МИРНОЙ ДУШОЮ»:
ПРИРОДА РОССИИ В ЗАПИСКАХ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ
КОНЦА XVII – НАЧАЛА XVIII ВВ.**

В статье рассматриваются особенности художественного мира путевых записок авторов конца 17– начала 18 вв. В. Атласова, С. П. Крашенинникова. Их произведения имеют важное значение для изучения истории жанра путевых заметок, предшествовавших жанру литературного путешествия.

Ключевые слова: *путевые записки, описания природы, картина мира в записках путешественников, документальность.*

XVIII век вошел в историю русской культуры как переходный от средневековья к новому времени – период. С конца XVII века в искусстве и литературе России происходит медленный, но необратимый процесс секуляризации всех сфер жизнедеятельности человека, что нашло выражение в особо пристальном внимании к окружающему миру. В это время происходит и своеобразное открытие писателями и читателями новой темы – темы природы, которая в литературе XIX в. становится одной из приоритетных. Отношение к природе в литературе XVIII в. было неоднозначным. Первая половина века – время победы рационалистического мышления и прагматического подхода к природе. Она воспринималась как объект научного описания и познания, источник материальных благ. В это время предпринималось комплексное научное исследование как самой центральной России, так и вновь открытых территорий, организованы десятки научных экспедиций, составлены подробные карты и описания России и ряда европейских и азиатских государств. Такие естественнонаучные сочинения представляют интерес не только как источники фактического материала узкой естественной направленности, но и как важнейшие документы, отразившие эволюцию русской научной мысли переходного периода. Особенно популярными в это время становятся два жанра: дневники и записки о путешествиях. В них с наибольшей очевидностью отразился процесс изменения взглядов общества на окружающий мир, на природу, в которой к концу века стали видеть не только “мастерскую”, но и источник эстетического наслаждения и объект поклонения. В то время как «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина известны всем, им посвящено множество исследований, произведения В. Атласова и С. Крашенинникова, старших современников основоположника русского сентиментализма, предметом специального исследования еще не были.

Записок и дневников о странствиях по России и Европе русских путешественников, на которые, особенно в конце XVII в., сказывается влияние жанра хождений (или хожений), сохранилось немного. Важнейшая особенность этих произведений – их документальность, точность описаний и почти полное отсутствие тропов, без которых невозможно представить себе литературное путешествие сентиментализма. Пространство, окружающее их автора (это объекты природные – леса, озера, реки, горы, и рукотворные – парки, храмы, дворцы, дома) воспринимается им как своеобразные «уроки» для изучения, а свою главную задачу он видит в том, чтобы подробно описать все, что видит, и, по возможности, даже исследовать увиденное. К запискам (или отчетам) путешественников обычно прилагались карты маршрутов, рисунки гор, вулканов (“огнедышащих гор”), растений, деревьев, птиц, животных, насекомых, рисунки людей, обитающих на той или иной территории в их национальных костюмах, с характеристикой их религиозных верований и т.п. Неумоимого

исследователя не останавливают никакие препятствия: он их просто не замечает и никогда ничего не сообщает о своих чувствах, о своем настроении, тяге пути, о личном мнении по поводу увиденного. Цель его – создание подробной картины окружающего мира во всей совокупности природных объектов от малейшей травинки и до почвы, на которой эта травинка растет, от реки, озера, животных – и до царя этой природы – человека – с его миром (языком, мифологией, промыслами и т.п.).

Записки профессиональных путешественников, путешественников-ученых всегда имели ряд специфических особенностей в оформлении, помогающих читателю (и коллеге–ученому, и обычному любопытному человеку) лучше запомнить прочитанное и обратить внимание на важнейшие факты. Повествование в них ведется в хронологической последовательности путешествия, обязательно указываются год, месяц, число, место, населенный пункт, озеро, река, гора, лес, на полях помещается дополнительная информация, часто дублирующая заголовок (название населенного пункта, озера, реки, горы, леса), ключевые слова и понятия в том случае, если автор рассуждает на ту или иную тему, чаще всего о специфике данной местности с характеристикой состояния земледелия или промыслов и т.д.

Влияние средневековых хождений наиболее заметно на “Скасках” Владимира Атласова, повествующих о путешествии на Камчатку (1696). Владимир Атласов, обычный казак, знакомит свое начальство с новой российской территорией: сообщает о маршруте путешествия, причем пройденные расстояния он измеряет не верстами, а днями пути, конного или водного, сообщает о порогах на реках, о труднопроходимых горных хребтах, о времени таяния льдов в бухтах Камчатки. Внимание Атласова, как и его предшественников и последователей, привлекают только необыкновенные явления природы. Так, рассказывая об одном из камчатских вулканов, поразивших воображение наивного путешественника, и не зная русского эквивалента к слову “вулкан”, он сравнивает его с “сенным стогом”. Данный ландшафт – самый подробный в “Скасках”, и поэтому приведем его полностью: “А от устья итти вверх по реке неделю есть гора, подобна сенному стогу, велика гораздо и высока, а другая близ ея же – подобна сенному стогу и высока гораздо: из нее дым идет, а ночью искры и зарево. А сказывают камчадалы: буде человек взойдет до половины тое горы, и там слышит великой шум и гром, что человеку терпеть невозможно... А из-под тех гор вышла река ключевая – в ней вода зелена, а в той воде как бросят копейку – видеть глубину сажени на три” [1. С. 15].

С незначительными изменениями схема описания ландшафта будет встречаться и в других записках о путешествиях до конца XVIII в. Постепенно будет увеличиваться объем информации, ее качество, изменится лексика, возрастет точность описаний, но в целом и стиль ландшафтных описаний, и позиция автора – беспристрастного созерцателя на протяжении ближайших десятилетий не изменятся.

Сходной (с учетом разного уровня образования) были принципы отбора материалов. Первым в России профессиональным путешественником–ученым был С.П. Крашенинников, оставивший документальное научное описание Камчатки (1733–1743). В отличие от своих предшественников, казака В. Атласова, С. П. Крашенинников получил европейское образование, состоял при Академии наук, в 1745 г. был адъютантом, а в 1750 г. – профессором ботаники. «Описание земли Камчатки» (далее: «Описание...») практически не изучалось филологами, очевидно ввиду специфического – естественнонаучного – содержания книги. «Описание...», по сути дела, является развернутой, но почти лишенной эстетической функции информацией о природе Камчатки. Цель автора – составить предельно точный, объективный «портрет» огромной территории, неизвестной научному миру не только Европы, но и России. С. П. Крашенинникова интересуют не только экзотические элементы природы. Он спокойно и размеренно повествует обо всем, что видит: о траве, деревьях, горах, реках, насекомых и животных, людях, их обычаях и нравах, национальных одеждах, названиях территориальных объектов, причем как на русском, так и на языке камчадалов. При случае передает топонимические легенды коренного населения и легенды русских поселенцев.

Примером такого – универсального по своему характеру географического и топонимического описания – может послужить рассказ о вулкане Шивелуч. Обширный

фрагмент текста, содержащий это описание, показателен во многих отношениях, и главное в нем – это своеобразное соединение научной и литературной лексики. Крашенинников предстает здесь не только как ученый-географ, но и как этнограф или филолог, проводящий сравнительный анализ мифологии разных народов. По его мнению, мифология камчадалов сходна с мифологией древних греков и отражает один уровень развития народов, расположенных на противоположных сторонах земного шара: «Верстах в полутрете от Хапичи следует Еймолонреч ручей, по одному тому достойный примечания, что течет из-под высокой горы Шивелуч, которая стоит верстах в 20 от берегу Камчатки, по левую ее сторону. Камчадалы, которые на басни такие же художники, как старинные греки, всем знатнейшим горам и ужасным по их мнению местам, каковы, например, кипячие воды, горелые сопки (вулканы – М.М.) и прочия, приписывают что-нибудь чудесное, именно: горячие ручьи населяют вредительными духами, огнедышащие горы душами умерших...» [2, с. 9]

Большая часть описаний С. П. Крашенинникова однофункциональна: они преследуют только одну цель – дать характеристику возможностей практического использования того или иного природного объекта в будущем. В таком плане – рекомендательном – выполнено, например, описание устья реки Камчатки. Автор сообщает точные координаты (широту, долготу, протяженность), а затем сообщает о том, что и сама река, и заливы у ее устья удобны для стоянки кораблей [2, с. 13]. Аналогичным образом построены и описания озера Нерпичьего: автор приводит два варианта названия (русское – Нерпичье, камчадалское – Колко-Кро), сообщает, что в озере живут нерпы, дает информацию о транспорте, на котором можно добраться до озера (это или собачья упряжка, или верховая лошадь) [2, с. 9].

В отличие от своих предшественников, только фиксировавших увиденное, С.П. Крашенинников понимал свою задачу шире. Его, как и И.И. Лепехина позже, интересует абсолютно все, что только можно узнать о неведомых землях. Например, рассуждая о происхождении вулканов и природе землетрясений, он предлагает свою версию этого загадочного для того времени явления природы, объединив в ней научную гипотезу с местной легендой. В его интерпретации происхождение двух озер – Кайнач и Кульхколянн – вулканическое, и местная легенда, связывающая их появление с вулканом Шивелуч, отчасти права. В соответствии с легендой, озера образовались как следы от двух шагов Шивелуча, переменившего свое место. Он утверждает, что на месте озер раньше были горы, но вследствие вулканической деятельности они провалились [2, с. 15].

В описаниях природы, сделанных С.П. Крашенинниковым, практически отсутствуют прилагательные, нет (и причина понятна) художественных украшений речи. Они просты, безэмоциональны. Отличает его «Описание...» только многоплановость, многотемность, соединение различных пластов информации: наряду со сведениями о флоре и фауне он вводит информацию этнографического характера, а завершающая четвертая часть его труда посвящена истории освоения Камчатки, Т.о., С.П. Крашенинников создает уникальное, в своем роде энциклопедическое сочинение, содержащее исчерпывающую информацию о неведомой большинству россиян земле Камчатке. Его опыт по части описания природы, сама композиция книги, стиль будут впоследствии приниматься в расчет всеми путешественниками XVIII – XIX вв. и, безусловно, иметь важное значение и для беллетристов.

Записки и дневники русских путешественников конца XVII – начала XVIII веков показали, что их тексты, несмотря на ограниченные возможности языка, на недостаточное образование или строго научные цели, являются важным результатом осмысления русскими авторами природы своей страны, места человека в ней, усложнения и совершенствования их словарного запаса для создания впечатляющих картин природы, отсутствовавших в литературе предшествующего периода.

Список литературы

1. Атласов В. Сказки // Две «Сказки» Владимира Атласова об открытии Камчатки / изд. подгот. Н. Оглоблин. М., [б.г.].
2. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. Т. 1–3. СПб., 1755.

10.01.01

Л.А. Нигматуллина канд. педагог. наук

Казанский государственный архитектурно-строительный университет,
экономический факультет,
кафедра иностранных языков,
Казань, nigmatullinal1971@mail.ru

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕКСТОВ НОБЕЛЕВСКИХ ЛАУРЕАТОВ
В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРЫ НА ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА И
КУЛЬТУРЫ РЕЧИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ
ЧИТАТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ И КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ**

Произошли изменения за последние десятилетия в таких разновидностях русского языка, как язык художественной литературы, политики, публицистики, средств массовой информации. Речью СМИ во многом создает современное общественное настроение, формирует массовое сознание, современную речевую культуру и отношение к самой речи.

Задача современности - посредством введения в учебный процесс новых пособий, включающих тексты выдающихся мастеров слова (а именно Нобелевских лауреатов в области литературы) повысить речевую культуру и престиж русского языка в целом.

Ключевые слова: *Нобелевские лауреаты, коммуникативная культура, культура речи, культурный уровень, художественная литература, учебный процесс, средства массовой коммуникации.*

Уровень культуры речи в современном мире испытывает катастрофический упадок. Причины этого значительного падения ни столько филологические, сколько социальные и общекультурные.

Грамотность населения снижается, в целом наблюдается обеднение лексикона и фразеологических ресурсов. Проблема значительна тем, что все вышеназванные явления получили небывалый размах в последние десятилетия.

В связи с бурным ростом массовых коммуникаций в лексикон были добавлены тысячи новых слов, отразивших перемены, происходившие в российском обществе за последние годы. Они отражаются в средствах массовой информации и, естественно, находят свое выражение и в жаргоне, который представляет собой вызов культурной жизни.

За прошедшие десятилетия перемены произошли в разновидностях русского языка, а именно в языке художественной литературы, в политике, в публицистике, в средствах массовой информации. Речью СМИ во многом создает современное общественное настроение, формирует массовое сознание, современную речевую культуру и отношение к самой речи. Существенное влияние средства массовой информации оказывают также на формирование «языкового» вкуса и языкового идеала.

Невольно, встаёт вопрос, а способны ли средства массовой информации, на сегодняшний день, быть орудием воздействия на речевую культуру, и вообще быть эталоном правильной, грамотной литературной речи?

Снижение культурного уровня настолько стало масштабным, что вызывает беспокойство не только у многих филологов и литераторов, но даже молодых людей, которые стремятся не поддаваться влиянию новых веяний и пытаются сохранить наш родной язык.[1.68]

Под влиянием современных средств массовой информации молодёжь перестает анализировать, думать, так как получает сжатую готовую информацию. Для того чтобы речь была по-настоящему культурной, она должна быть не только правильной, но и богатой, что во многом это зависит от лексических знаний. Для этого необходимо постоянно пополнять свой словарный запас новыми словами или читать произведения разных направлений.

Литературный язык современного общества нуждается в защите, мы должны беречь его от засорения «жаргонизмами», иноязычными заимствованиями, от всего, что ведёт к его оскудению.[2.32]

Художественная литература на сегодняшний день утрачивает свою роль законодателя норм русского литературного языка. Ориентиры теперь – телевидение, Интернет и радио, поэтому на СМИ ложится большая ответственность. Они должны не только затрагивать проблемы культуры речи, разбудить в обществе интерес к родному слову, но и стать языковым эталоном. Чтобы люди поняли, что владеть русским языком не только нужно, но и престижно.

Введение в канву занятий по русскому языку и культуре речи текстов Нобелевских лауреатов в области литературы посредством использования пособия « Нобелевские лауреаты в области литературы» во многом поможет решить задачи повышения культуры речи среди студентов, показать красоту, могущество, ширь неограниченных возможностей, богатство языка.

В пособии представлены отрывки из произведений Тони Моррисон, Герты Мюллер, Орхана Памука, Жозе Сарамаго, Светланы Алексиевич и других выдающихся мастеров слова. В предисловиях приводятся отрывки из нобелевских речей авторов, например, после чтения материала Тони Моррисон предлагаются следующие вопросы и задания:

- Проанализируйте Нобелевскую речь Тони Моррисон.
- О чем мечтает юная негритянка?
- Как влияют расовые предрассудки на героев романа?

Порассуждай на тему: «Идеал красоты белых американцев и мое отношение к этому». Ответ напиши в виде сочинения-рассуждения.

Нобелевским комитетом присваивается премия за особые достижения в разных областях науки, в том числе и по литературе. 2015 год стал особенно памятным, так как Нобелевский комитет среди всех претендентов отдал предпочтение белорусской писательнице, пишущей на русском языке. Она известна студентам своими произведениями, посвященным Великой Отечественной войне. Самые известные - это «У войны не женское лицо», «Цинковые мальчишки» и другие. Чтение произведений Светланы Александровны Алексиевич способствует формированию патриотизма, активной гражданской позиции у студентов. В сборнике помещены сочинения-рассуждения, написанные по произведениям Алексиевич. Также в течение года студенты продолжили знакомство с другими Нобелевскими лауреатами. Все впечатления оформлены в виде отзывов, многие из которых размещены в пособии.

Итогом каждого раздела является написание сочинений-рассуждений. Студенты искали ответы на сложные вопросы, поставленные писателями, нобелевскими лауреатами. Самые оригинальные работы опубликованы в данном пособии.

Тексты отличаются жанровым и тематическим разнообразием. Студенческие работы не прошли строгого конкурсного отбора. Тем не менее, они представляют художественный интерес, в работах присутствует тонкий юмор и настроение самих студентов. Примерами могут служить следующие работы: «В мире достаточно различных премий, церемоний вручений, торжественных награждений. Подробнее хочу рассказать о Нобелевской премии; а конкретно по литературе, и о вполне конкретном литераторе. Конечно же, это знаменитый Эрнест Хемингуэй. Данное произведение не только прославило на весь мир имя писателя, но и повлияло на присуждение ему Нобелевской премии по литературе в 1954 году. Формулировка нобелевского комитета: «За повествовательное мастерство, в очередной раз продемонстрированное в «Старике и море». Действительно, мастерство американского писателя удивляет, вдохновляет, заставляет задуматься. В «Старике и море» он постарался передать свой накопившийся опыт, свои знания, поделиться своей философией. По признанию самого писателя, повесть «Старик и море» вполне могла бы стать большим романом с множеством действующих лиц и сюжетных линий. Однако всё это уже было в литературе до него. Хемингуэю же хотелось создать нечто иное: повесть-притчу, повесть-

символ, повесть-жизнь. И это ему великолепно удалось. Думаю, «Старик и море» никого не оставляет равнодушным, прочитав произведение, может, у кого-то меняется мировоззрение, кто-то начинает задумываться, кто-то действовать, а значит, Хемингуэй добился своей цели». Ляукина Полина, группа 5СТ102[136]

«С детства вокруг меня были книги. Полки в нашем доме, в доме у бабушек и дедушек были заполнены книгами, начиная с детских сказок до больших словарей. В такой атмосфере, где каждый в удобном случае берет в руки какое-нибудь издание и перечитывает его, трудно не полюбить литературу. Конечно, я очень отличаюсь от родителей, которые много читают. У меня другое увлечение, от которого я просто без ума: это танцы. Но иногда так хочется окунуться в волшебный мир только со своими мыслями и представлениями. Я беру в руки книгу.

При прочтении новой книги или уже давно любимой, я сама выбираю себе героя, сама живу его или ее жизнью, представляю, кто из моих близких мог бы быть тем или другим. В реальной жизни же наоборот, я сравниваю поступки людей с поступками и характерами литературных героев и нахожу много одинаковых. Литература присутствует в жизни любого человека, просто у некоторых на уровне школьной программы, у других заполняют всю жизнь.

В моей жизни литература, благодаря родителям, преподавателям имеет большое значение. Книги позволяют развиваться. В этом, мне кажется их первостепенное назначение. Из книги я черпаю знания и пользуюсь ими в жизненных ситуациях, больше узнаю, много думаю, чувствую красоту или сложности нашей жизни.

Когда дочитываю последнюю страницу и закрываю книгу, меня переполняют разные эмоции: вдохновение, разочарование или пустота. Но это настоящие эмоции!» Валеева Наиля, группа 5ТГ103[3.139]

Таким образом, работа с текстами выдающихся мастеров слова способствует не только обогащению словарного запаса и привитию творческих способностей, но и формированию важных для будущей профессии коммуникативных компетенций. Вопросы и задания после текстов заставляют задуматься над сложными проблемами нравственно-этического порядка, что тоже во многом способствует формированию читательских компетенций, коммуникативной культуры студентов и в целом гармонично развивает как личностей.

Список литературы

1. Мальцева А.Д., Трегубова О.А. Актуальные вопросы культуры речи // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 11 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/11/59220> (дата обращения: 25.03.2019).
2. Петровская Л.Ю., Никифор Г. Проблема культуры речи в современном обществе // Молодой ученый. — 2016.
3. «Нобелевские лауреаты в области литературы», Гулканян М.К., Нигматуллина Л.А., пособие по русскому языку и культуре речи для студентов-бакалавров КГАСУ, С153, Издательство КГАСУ, 2018г.

10.01.01

И.О. Прокофьева канд. филол. наук, Г.Г. Рамазанова д-р филол. наук, Ю.Б. Тютченко

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Институт филологического образования и межкультурных коммуникаций,
кафедра русской литературы,
Уфа, kafedralit@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ «ЖЕНСКОЙ» ПРОЗЫ С. ЧУРАЕВОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «ЧУДЕСА НЕСВЯТОЙ МАГДАЛИНЫ»)

В данной статье выявляется специфика «женской» прозы уфимского писателя С. Чураевой, раскрывается своеобразие сюжета и композиции, системы образов, функции библейских мотивов, идейно-эстетического содержания рассказа «Чудеса несвятой Магдалины».

Ключевые слова: *уфимская «женская» проза, система образов, библейские мотивы, своеобразие сюжета и композиции.*

«Женская» проза в России – это относительно молодое явление, которое стало самостоятельным лишь в 1980-х годах. Изучению феномена «женской» прозы посвящены работы многих литературоведов, литературных критиков, писателей, среди которых М. Абашева, М. Арбатова, П. Басинский, Н. Габриэлян, Е. Гессен, О. Дарк, И. Жеребкина, В. Киякова, Н. Мильман, Н. Перова, М. Рюткенен, О. Славникова, Н. Старцева, Ю. Тарантул, Е. Трофимова, Е. Щеглова, А. Улюр и многие другие.

Большинство исследователей выделяет следующие общие особенности, характеризующие феномен «женской» прозы: злободневность тематики и проблематики произведений женщин-писательниц; изображение нового типа героя и «другой» реальности, где женщина выступает не только главным действующим лицом, но и выразителем авторской идеи; разрушение устойчивых моделей женственности и мужественности; натуралистичность и даже жёсткость бытовых картин и описаний; замена «мужчиноцентрической» мифологемы «женоцентрической»; экспрессивность и публицистичность стиля повествования и многое другое.

Например, О.В. Гаврилина утверждает, что «женская» проза «в широком смысле – это все произведения, написанные женщинами... И в узком понимании – это круг текстов, в основе которых лежит собственно женский взгляд на традиционные общечеловеческие проблемы» [2, с. 106]. С.В. Барашкова в свою очередь объясняет возникновение «женской» прозы востребованностью женского взгляда на мир, желанием читателя видеть в современной литературе героиню, «стремящуюся самодостаточно самоопределиваться в жизни» [1, с. 99]. Т.А. Ровенская убеждена, что специфика «женской» прозы связана с тем, что она «решает целый комплекс таких задач, как самоидентификация, преодоление культурно-идеологических стереотипов и комплексов, поиск материнского языка и т.д.» [7].

Существует и диаметрально противоположная точка зрения, в соответствии с которой феномена «женской» прозы не существует и произведения писательниц нужно рассматривать в контексте их творчества сугубо индивидуально. Так, Т. Мелешко в своей работе объединил все взгляды на «женскую» прозу и определил, что она «постепенно превращается в массовое явление культуры, но не становится категорией литературоведения» [4].

Спектр таких противоречивых мнений свидетельствует о том, что феномен «женской» прозы вызывает большой интерес исследователей, но само понятие не нашло сегодня окончательного теоретического оформления.

Всё же, безусловно, в литературе существуют сугубо женские темы, отражающие те сферы жизни, которые остаются абсолютно закрытыми и непостижимыми для мужчин, и одна из этих сфер – таинство появления новой жизни – рождение ребёнка. И более глубоко прочувствовать, и адекватно отобразить это может только женщина-писательница.

Именно такому таинственному и непостижимому чуду – появлению на свет новой жизни – посвящён рассказ уфимской писательницы С. Чураевой «Чудеса несвятой Магдалины». Этот текст является одной из шестнадцати глав ещё полностью неизданного романа «Shura_Le».

Писательницей было опубликовано всего несколько глав будущего романа (в журнале «Бельские просторы» г. Уфа). Но только одна из них («Чудеса несвятой Магдалины») была издана отдельно как самостоятельный, целостный, озаглавленный автором рассказ и в «Бельских просторах», и в журнале «Октябрь». Именно в этом произведении наиболее ярко проявились черты «женской» прозы, в целом несвойственные прозе С. Чураевой.

Цель настоящей статьи – выявить основные черты поэтики рассказа «Чудеса несвятой Магдалины». Научная новизна нашего исследования определяется тем, что произведения С. Чураевой до сих пор мало изучены, хотя её проза, на наш взгляд, является одним из самых ярких явлений в современной уфимской литературе.

В целом сегодня творчеству уфимского автора посвящено чуть более десятка статей. Особенности же поэтики рассказа «Чудеса несвятой Магдалины» горячо обсуждались клубом «Гамбургский счёт» журнала «Бельские просторы» (г. Уфа, 2010 г.) и были раскрыты И.О. Прокофьевой в статье «Женское Евангелие от С. Чураевой (на материале рассказа «Чудеса несвятой Магдалины»)» (2013 г.) [3; 5; 6].

Обратимся непосредственно к анализу рассказа. Всё повествование насыщено библейскими аллюзиями, которые и создают глубинный, метафорический план произведения. Одним из ключевых образов, структурирующих весь рассказ, становится образ яблока. Библейский образ, символизирующий искушение, предстаёт в чураевском тексте в бытовом ракурсе, реальном, обыденном.

У главной героини рассказа, девочки неопределённого возраста, не наделённой именем, аллергия на яблоки – ей нельзя их есть, но её неудержимо тянет отведать *запретный плод*. Она съедает яблоко, предложенное вполне реальным *искусителем* Сашкой, затем выпивает что-то непонятное и, впад в беспамятство, не замечает, что над ней надругались, её изнасиловали. Она забеременела, но не подозревает об этом. Всё, что с ней происходит в дальнейшем, для нее пугающе и непостижимо. Беременность она воспринимает как смертельную болезнь, рак, который поселился в её животе именно потому, что она, вопреки воле родителей, ела яблоки. Она считает, что наказана смертельной болезнью за непослушание. Родители, на шестом месяце наконец заметившие беременность дочери, избивают её и ведут в роддом, чтобы избавиться от «позора», но девочка чудом рождает живого младенца, называет дочь Магдалиной. Такова краткая фабула произведения.

Композиция произведения достаточно сложна, в повествовании представлена действительность, словно преломленная в двух ракурсах. Главным объектом изображения становится внутренний мир бесконечно одинокого ребёнка, оставшегося один на один с пугающей и непостижимой реальностью. Показаны впечатления героини, её мысли, порождённые этими впечатлениями, субъективные ощущения, физиологические (порой натуралистические) подробности, связанные с её состоянием, красочный мир грёз девочки. Внутренний мир героини в изображении С. Чураевой предстаёт многомерным, сложным и подвижным калейдоскопом. Здесь видим некоторые приёмы показа «потока сознания»: внутренний монолог, нарративное повествование.

Страх становится доминирующей эмоцией у героини. Она боится спросить о чём-то у взрослых, боится признаться в чём-либо, ведь все попытки к общению, сближению обречены, все её слова воспринимаются либо искаженно, либо их попросту игнорируют. Когда родители постигли ужасающую тайну дочери, они от бессилия и отчаяния начинают избивать её. В ответ девочка плачет и кричит, но они её не понимают: «– Йаубювас! – изо

всех сил, как заклинание, прокричала девочка распухшими неудобными губами. – Йатожеубювас! Йаубювас!

– Ах, она ещё грозитя! – Мама с рычанием трясла её, красную, слюнявую, мерзкую, вылупившую безумные глаза в слипшихся мокрых ресницах» [9].

Диалог показателен: он доказывает, что люди не слышат и не понимают друг друга, а если и «слышат», то только то, что хотят услышать. Несчастный ребёнок, которого так и не услышали, остаётся один на один со своей болью, отчаянием, ведь всю ночь она «беззвучно шептала пересохшим ртом: «Я-люблю-вас-я-люблю-вас-я-люблю-вас-я-люблю-вас...» [9].

Второй ракурс изображения – реальный мир, мир взрослых, которые не пытаются понять запутавшуюся девочку, а лишь грубо вторгаются в её мирок, беспепелляционно принимая жёсткие решения. В произведении мастерски воссоздаётся атмосфера всеобщей озлобленности и неблагополучия. Реальный мир предстаёт в повествовании страшным, враждебным, холодным. Соприкосновение с этим миром ничего хорошего не несёт. В нём царит насилие, принимающее различные обличья. Добрый мальчик Сашок оборачивается циничным искусителем и насильником, родители жестоко бьют ничего не понимающую девочку, изнемогающую от чувства вины и любви к ним, потом в её мирок вторгается злющий врач. В больнице девочка не видит ничего, кроме жестокости, там царят свои законы: ненависть к мужчинам, виновникам всех страданий женщин, цинизм, которые соседствуют с тихим грязным развратом. Вполне соответствует этому миру грубая и бранная лексика в речи персонажей («шалава», «блудня», «хайлать» и др.).

В рассказе поднимается сугубо женская тема таинства возникновения новой жизни и рождения ребёнка, рассматриваются драматические коллизии, предлагаются две модели отношений между матерью и дочерью: «мать – девочка», «девочка – новорождённая Магдалина».

Отношения матери и дочери строятся по принципу диктаторства, контроля и полного подавления дочери, насилия со стороны матери («*Мама душила её...*», «*Мама начала её бить. Била по лицу, с размаха, ладонью. Орала и била*» [9]).

Жестокость и агрессия порождают страх девочки, она прячется в невидимую скорлупу, уходит в мир своих странных грёз. Вопреки всему, в ней продолжает жить абсолютная любовь дочери к собственной матери, исключительная и безоглядная вера в материнские слова и заботу. Таким образом, нельзя не отметить актуальную в современном социуме модель отношений, когда ребёнок, имеющий родителей, является социальной сиротой. При этом описанная модель отношений универсальна, она свидетельствует о тотальном одиночестве человека, неспособного достучаться, докричаться до самых близких людей.

Как уже отмечалось, девочка воображает, что у неё рак, никто не объясняет, что произошло с ней на самом деле. И в связи с этим рефреном в рассказе звучит тема смерти: «...**обмирала** вся, как опоссум, и представляла, что уже **умерла**», «она ложилась ... и представляла себе, как это – **умереть?**», «Девочка готова была **умереть** немедленно...», «...если человек всё равно уже **умирает**, разве ж его можно ругать?» и т.д. [9].

Если обратиться к христианскому символическому пониманию слова «смерть», то увидим, что смерть – это «смена МИРа». «Умирать» – значит «уйти от МИРа», в котором сейчас приходится находиться [8, с. 602]. Для девочки смерть является вариантом ухода от страшного мира, где она для всех «идиотка», «дегенератка», «просто дура», окружённая толпой враждебных людей [9].

«Космическое одиночество», – сказал однажды папа кому-то; странная фраза, ведь в космосе столько всего: и звёзд, и комет, и планет...». Данное высказывание является ключевым для понимания текста, ведь человек в рождении и в смерти, как в открытом космосе, одинок [9]. Девочка не могла сформулировать это – она просто летела в безвоздушном пространстве, одна. Образ девочки глубоко метафоричен. Каждый человек одинок, живёт в мире своих затаённых страхов и фантазий, не имея смелости и возможности ни с кем поделиться.

Схема отношений «мать и дочь» во втором варианте – «девочка – новорождённая Магдалина» – наполняется совершенно другим содержанием. Грубо и натуралистично автор описывает таинство рождения, противопоставляя мир внешний и внутренний. Внешний мир безобразен, в нём всё смешалось воедино: грязь, кровь, понос, и даже чудо рождения ребёнка вызывает отвращение.

В сценах, описывающих схватки и роды, особенно много упоминаний смерти, ведь появление новой жизни отчётливо обозначает границу бытия и небытия: «девочка почуяла смерть», «смерть схватила её», «смерть не спешила», «кажется, что всё хорошо, что смерти нет», «смерть дёрнула её с удвоенной силой» [9]. Вопреки всему, в схватке со смертью побеждает жизнь. Уставший от мучительных родов полурёбенок вдруг становится матерью, и всё повествование начинает наполняться светом и нежностью, одиночество сменяется надеждой. Героине кажется, что наконец-то Бог, приняв обличье «бородатой и усатой от старости, толстой коротышки» санитарки, впервые позаботился о ней, проявил «божественное милосердие» [9].

Мама Магдалины восхищённо рассматривает лысого, гадкого, похожего на худую курицу малыша. Таинство рождения для С. Чураевой – награда, которую надо заслужить испытанием смертью. «Детей дают тому, кто <...> раскаивается в ошибках и терпит» [9].

Героиня чудом переместилась в другой мир, где она почувствовала гордость за себя и за малыша. И несмотря на то, что мир вокруг остался таким же грубым и неприятным, она уже не будет прежней, она начала чувствовать себя принцессой, когда заворачивала в пелёнку помытые волосы, и твёрдо отвечала матери, что не оставит своего малыша.

В рассказе возникает третий мир – «девочки и её ребенка», в котором устанавливается человеческая связь, они будто «замкнуты» в капсуле взаимного притяжения, в мирке, в котором теплится любовь. Рождение Магдалины целиком меняет девочку: в ней появляются силы противостоять матери, смелость и огромное желание быть «мамой» («Она – мама. Это – настоящий малыш», «...Но это мой ребёнок») [9]. Пусть героиня и «дегенератка» в глазах взрослых, но она полна добра и сострадания, в ней нет духовной ущербности, которая есть у «нормального» мира взрослых. Вопреки всему, девочка забирает ребёнка и идёт к бабушке – старику, по прозвищу Синяя Борода, – появляется надежда, что Магдалина и её мама не будут безнадежно одиноки и брошены во Вселенной.

Библейская история грехопадения, древняя и вечная, как сам мир, разворачивается в декорациях современной жестокой действительности, приобретая совершенно другое качество, становясь своеобразным приговором этой самой действительности. Но самым парадоксальным в рассказе уфимского автора является то, что грехопадения девочки не было, её сознание осталось девственно чистым в этом жестоком мире на протяжении всего рассказа. И в отличие от всех персонажей, которые её окружают, героиня – единственная – обладает великим врождённым даром любви, врождённым, но утраченным другими особями женского пола материнским инстинктом.

«Финал рассказа открытый: будущее матери и ребёнка вряд ли безоблачно и радостно. Видимо, главным для автора является сама история невероятного или даже слишком типичного для нынешнего времени рождения человека. Великое чудо Бога – человек – перестал быть чудом сегодня» [7, с. 138].

Данное произведение С. Чураевой можно считать классическим образцом «женской» прозы. Писательнице удалось передать то чудо волшебного преображения мира, которое каждой своей клеточкой ощущает женщина, испытавшая таинство рождения ребёнка, женщина, ставшая живым звеном в бесконечной цепи жизни и любви.

Список литературы

1. *Барашкова С.В.* Особенности поэтики современной женской прозы // Вестник ЯГУ, 2009. – Том 6. № 2. – С. 98–102.
2. *Гаврилина О.В.* Чувство природы как один из способов создания образа героини в женской прозе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2009. – № 2 (26). – С. 105–114.
3. Гамбургский счёт: обсуждение рассказа Светланы Чураевой «Чудеса несвятой Магдалины» // Бельские просторы. – 2012. – № 4. – С. 160–169.
4. *Мелешко Т.* Современная отечественная женская проза: проблемы поэтики в гендерном аспекте (Основные подходы к изучению женской прозы). – [Электронный ресурс]. URL: www.a-z.ru/women_cd1/html/br_gl_2 (дата обращения: 9.09.2019).
5. *Прокофьева И.О.* Женское Евангелие от С. Чураевой (на материале рассказа «Чудеса несвятой Магдалины») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 8 (26). Ч. 1. – Тамбов: Изд-во «Грамота», 2013. – С. 135–138.
6. *Прокофьева И.О.* Современная уфимская проза: состояние и функционирование: Монография. – Уфа: «Печатный домъ», 2016. – 214 с.
7. *Ровенская Т.А.* Переход от личности к культурному феномену. К проблеме рассмотрения женской прозы 80–90-х годов. – [Электронный ресурс]. URL: <http://www.biophys.msu.ru/scripts/trans.pl/rus/cyrillic/awse/CONFER/NLW99/084.htm> (дата обращения: 15.09.2019).
8. Христианство: Энциклопедический словарь. Т. 2: Л – С / Ред. кол.: С.С. Аверинцев (гл. ред.) и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. – 671 с.
9. *Чураева С.Р.* Чудеса несвятой Магдалины // Октябрь. – 2012. – № 12. <http://magazines.russ.ru/october/2012/12/c23-pr.html> (дата обращения: 3.08.2019).

10.01.01

¹О.В. Сизых канд. филол. наук, ²С.Ф. Желобцова канд. филол. наук

Северо-Восточный федеральный университет,
филологический факультет,

¹кафедра русской и зарубежной литературы,²кафедра русской литературы XX века и теории литературы,
Якутск, 777ruslit@mail.ru, oso-06@mail.ru

АВТОРСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРОВЫХ ЛОКАЦИЙ В ПОЭТИКЕ КИНОСЦЕНАРИЯ: В. СОРОКИН «МОСКВА»

Статья посвящена актуальной проблеме анализа поэтики киносценария как художественного текста. Новизна статьи связана с исследованием авторской трансформации жанровых локаций современным писателем В. Сорокиным. Киносценарий «Москва» входит в значимый ряд произведений 90-х годов русской литературы, представляющий сложный, противоречивый этап литературного процесса. Авторы статьи раскрывают стиль художника, манеру осмысления действительности, отмечают спорные позиции и его вклад в расширение жанрового пространства киносценария.

Ключевые слова: киносценарий, В.Г. Сорокин, «Москва», жанр, хронотоп.

В современном литературоведении идет непростой процесс переосмысления теоретических дефиниций, позволяющий систематизировать, уточнять и дополнять канонический опыт теории литературы. В этом смысле возвращение к произведениям, ставшими для определенного периода литературного процесса символом жанрового открытия, является актуальным и востребованным для критика и читателя. В 90-х годах XX века литературная критика констатировала жанр киносценария, в котором активно работали многие прозаики от Ю. Мамлеева, В. Войновича, В. Токаревой, Т. Толстой до А. Битова, В. Маканина, Л. Петрушевской и Вик. Ерофеева. Сюжеты и конфликты, в которых состоялась жизнь их героев, отражали противоречия рубежного времени, психологический кризис личности, чутко откликаясь на атмосферу ожидания перемен. Креативная авторская установка выводит на первый план манеру творчества художника, участвующего в жанровом формировании новой прозы.

Творчество В. Сорокина как прозаика неординарного эпатажного, но, безусловно, талантливого больше известно широкому кругу читателей, и зрителям альтернативных литературных проектов телевизионных каналов. Писатель инвертирует архетипические образы, не укладывающиеся в традиционный эстетический потенциал русской классической литературы. Он обращается к эсхатологии, мифам инициации, сказовой форме повествования, метафорической образности, с различной степенью условности изобразивших пространство Москвы. Автор-постмодернист пытается осмыслить феномен Москвы, уникально воссоздать картины жизни, обнаруживая особое художественное мышление, неоднозначно воспринятое литературной общественностью (А. Генис и Б. Парамонов [2], А. Латынина [3], В. Шевцов [5] и др.). Анализ поэтики киносценария «Москва» [4] высвечивает трансформацию универсальных признаков текста на границе прозы, драматургии и лирики в сторону переосмысления исконных представлений об одухотворенности златоглавой столицы, переворачивая ценностные ориентиры, отвергая осмысленность бытия в целом. М.М. Бахтин, размышляя о пересечении времени и пространства в художественном произведении, ввел термин «хронотоп», понимая под ним «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе, мы будем называть хронотопом» [1]. Метаповествование В. Сорокина доминантно строится на категориях «метаморфоза» и «хаос», доводя привычную локацию до абсурда. В сценарии появляется модный ресторан с ироническим

названием «Серебряный век»: «Хорошенький ресторан, его недавно перестроили из Центральных бань», в котором соседствуют «венечки, шампанское и Вивальди» [4].

В теории литературы обозначение места действия продолжает оставаться общепринятым при анализе текста. Топонимический выбор В. Сорокиным столичного пространства позволяет мифологизировать его. Заполняя грязной водой московские улицы и дворы, он намеренно разрушает поэтический миф о достаточном сохранении культуры конца второго тысячелетия и пишет о необходимости формирования единого духовного центра. Следует отметить, что значимым результатом философских изысков В. Сорокина становится реинтеграция любого дискурса как черты его стиля. В целом, автор обращает внимание на нравственный распад общества. Поэтому древняя столица России, предстающая в песне «Широка страна моя родная...» в рамках киносценария приобретает неоднозначное звучание в описании номера «люкс» гостиницы «Москва», в котором оказываются главные герои. В данном случае образ-аллегория влечет за собой устойчивые ассоциации, снижающие высокую семантику «московского текста», превращая город в заезжий двор как место действия, снимая «центральные» координаты. В киносценарии появляется социальный аспект и временной срез постперестроечного общества. Следующим художественным средством, при помощи которого создается временное пространство Москвы, становится взгляд на город сверху. Авторы статьи считают, что в данном случае сорокинская аллюзия на круговую организацию хронотопа, с одной стороны, наполняя многосмысленностью восприятие знакомых площадей, скверов, домов, памятников, с другой – воспринимается как недостаточно продуманная. По-новому выстроенный московский континуум мотивирует поведение персонажей, структурирует сюжетные ходы, например, поступки героини Ольги, которая подобно многим обращается в ночном клубе к экстрасенсу. Следует отметить, что подобное прямолинейное следование реальным фактам снижает художественный уровень текста.

Универсальный библейский код по-своему используется В. Сорокиным, моделирующим московское пространство как сакральный сад в некоторых ремарках: «Сад возле клуба. Вечер», «Сад возле клуба. Ночь», «Такой отличный сад, а вы его не используете» [4]. В сцене разговора во время завтрака, где представители 90-х годов разворачивают ретробеседу, пародирующую разговор персонажей в пьесах А.П. Чехова «Вишневый сад» и «Дядя Ваня». Обращение к чеховским традициям помогает писателю создать атмосферу переходного времени, поисков настоящего. Мотивно-образная игра киносценария объясняет извечную конфликтность человеческих отношений, из которых состоит движение жизни.

Поисковый опыт В. Сорокина представляет собой попытку включить в киносценарий тип взаимодействия текстов, осмысленный как гипертекстуальность. Мотив сада провоцирует сцену «Сад возле клуба. Утро... За большим столом сидят Майк и Маша. Стол накрыт белой скатертью, богато сервирован... Рядом со столом на траве стоит медный самовар с трубой. Из трубы идет дымок...» [4], строящуюся на противоречии «духовного» и «материального».

Духовная дезориентированность героев в смысловом «московском» пространстве – ведущая черта современного столичного менталитета, состояния общества. Примечателен эпизод экскурсии на прогулочном катере по Москве-реке, предваренный значимой фразой: «Вот это столица нашей родины – Москва», за которой следует перечень – условная топонимическая группа, адекватная представлению персонажей: «Это гостиница «Россия». Самый крупный отель в Европе... А это Кремль... Это кинотеатр «Ударник». Это Храм Христа Спасителя... Это кондитерская фабрика «Большевичка»... Это Третьяковская галерея» [4]. Происходит посмодернистская мифологизация топоса.

Авторское субъективное стремление обсудить проблемы смысла жизни реализуется в особом взгляде на «московский текст», в формах характеров персонажей, натуралистических приемах, символике, эпатаже, эксцентризме, что нарушает монополию общепризнанного, авторитетного в искусстве и жизни. При этом продолжает оставаться противоречивым, но востребованным опытом художественных поисков писателей-постмодернистов в жанре киносценария.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 томах. М.: Языки славянских культур, 2012. – Том 3. – С. 341.
2. Генис А., Парамонов Б. Аллегии Сорокина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.srkn.ru/criticism/allegorii-sorokina> (Дата обращения 28.08.2019).
3. Латынина А. Пагу из прошлогоднего зайца [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.srkn.ru/criticism/latynina.shtml> (Дата обращения 28.08.2019).
4. Сорокин В.Г. Москва [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.srkn.ru/texts/moskva.shtml> (Дата обращения 18.08.2019).
5. Шевцов В. Лед тронулся? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.srkn.ru/criticism/shevtsov2.shtml> (Дата обращения 28.08.2019).

10.01.01

А.А. Шатовкина, Н.Ю. Желтова д-р филол. наук

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»,
факультет филологии и журналистики,
кафедра русской и зарубежной литературы, журналистики,
Тамбов, stary_cherdak@inbox.ru, nata_zheltova@mail.ru

«ЗАНАВЕС» М.И.ЦВЕТАЕВОЙ КАК ЛИРИЧЕСКАЯ АВТОПРЕЗЕНТАЦИЯ

В статье исследуется специфика художественного и историко-биографического пространства концептуального стихотворения М.И. Цветаевой «Занавес», входящего в эмигрантскую книгу поэта «После России». В работе метафора «занавеса» рассматривается как способ многоплановой самопрезентации личности поэта. Обращается внимание на тот факт, что Цветаева использовала свои яркие впечатления от знакомства с книгой Б. Пастернака «Сестра моя жизнь» как повод для творческой саморефлексии как в стихотворении «Занавес», так и в статье «Световой ливень». Доказывается, что «Занавес» является фактически лирическим переложением содержания «Светового ливня».

Ключевые слова: литература русского зарубежья, «После России» М.И. Цветаевой, стихотворение «Занавес», статья «Световой ливень», Б.Л. Пастернак.

Книга М.И.Цветаевой «После России» (1928) – лирическая летопись жизни поэта, оказавшегося за пределами родины. В произведении чрезвычайно близки между собой художественное и биографическое, что отражает своеобразие творческого кредо поэта. Творческая установка Цветаевой – превращение стихов в дневник – «имела важные последствия» (М.Л.Гаспаров): «...Она затрудняла подачу материала: в стихах, которые пишутся день за днём, <...> – как же их подавать, подряд, по переключке дней, или циклами, по переключке тем?» [2, с. 629-630].

Возникающая проблема, вероятно, не была окончательно решена Цветаевой и в последней лирической книге, поскольку некоторые произведения, не вписываясь в дневниковую последовательность, снабжались авторскими приписками: «Стихотворение перенесено сюда из будущего, по внутренней принадлежности» [6, с. 137]. Однако возврат к пережитым впечатлениям отражался также на общей композиционной структуре книги, одним из ведущих мотивов которой является мотив ожидания встречи Цветаевой с Б.Л.Пастернаком.

Стихотворение «Занавес», созданное в период активного эпистолярного общения поэтов представляет собой образец цветаевского перетекания «искусства в быт, и быта в бытие» [1, с. 569]. Этапы такого перетекания становятся явными, если соотнести документально-эпистолярные источники произведения и его параллельный субъектный план, который вводится Цветаевой с помощью семи вставочных конструкций (О.Г.Ревзина): «Можно сказать, что скобки обладают большей парадигматической глубиной, вводят в высказывание как бы две плоскости...» [4, с. 467].

Вставочные конструкции в стихотворении «Занавес» позволяют представить единство смыслового содержания как результат лирической автопрезентации статьи поэта «Световой ливень» (1922), посвящённой книге Пастернака «Сестра моя жизнь» (1922) (изначально в названии книги тире отсутствовало) [3, с. 455]. Пастернак первым написал письмо Цветаевой с хвалебным отзывом на ее «Вёрсты» (1921) и сопроводил его собственной книгой «Сестра моя жизнь». Таким образом, в эмигрантских литературных кругах Цветаева была первым читателем книги, полученной из Советской России.

Потрясённая творчеством поэта, Цветаева за четыре дня (с 3 по 7 июля 1922 года) подготовила статью-рецензию «Световой ливень» о своеобразии поэтического почерка Пастернака, и с головой окунувшись в заочное общение с ново-обретённым собратом по перу, тут же ввела образ поэта в пространство собственной лирики. Т.Венцлова поступок

Цветаевой комментирует следующим образом: «...Пастернак действительно был – или мог оказаться – её “равносильным”, “равномощным”, “равносушим” собеседником (“Двое”))» [1, с. 566].

В стихотворении «Занавес» через образную самоидентификацию Цветаева лирически переосмысливает процесс «открытия» читателям-эмигрантам Пастернака и его книги «Сестра моя жизнь», уже состоявшийся с выходом статьи «Световой ливень»: на тот момент поэт был единственным в Русском Зарубежье обладателем книги Пастернака (до выхода в 1923 году её второго издания в Берлине).

Первые строки стихотворения «Водопадами занавеса, как пеной –/Хвоей – пламенем – прошумя» [5, с. 97] демонстрируют уже завершённый процесс. Не голосовое – шумовое звучание сконцентрировано в осуществлённом действии. Истоки водопадного занавеса относятся к «первострочно» озаглавленному стихотворению «Светло-серебряная цвель» берлинского периода, реализуя поступательно-возвратную мотивно-образную динамику в архитектонике книги: «И занавес дохнёт – и в щель/Колеблющийся и рассеянный//Свет... Падающая вода чадры» [5, с. 20-21]. Однако в семантическую многозначность водопада-занавеса может быть включён образ ливня как обильного и мощного истечения воды или света – разница между ними в данном случае не принципиальна.

Образ пены семантически связывает стихотворение «Занавес» с предыдущим «Луна – лунатику»: «Я – душа твоя: Урания». Уранией в этом случае именуется Афродита небесная. Образная многозначность стихотворения связывает пену с Афродитой, символизируя процесс «рождения из пены морской». Образ хвои, разведённый интонационным тире и строчным переносом, является прямой противоположностью пене-рождению, олицетворяя смерть. Образ пламени как промежуточное звено между рождением и смертью представляет образ жизни лирического «я».

Заключительные строки первой строфы: «Нет у тайны у занавеса от сцены:/(Сцена – ты, занавес – я)» [5, с. 97], реализуя единство театрального пространства как причастность к одному процессу, в соответствии с предыдущими образами жизненных этапов свидетельствуют о субъектной аналогии в творческо-жизненном воплощении. Более того, параллельный авторский план свидетельствует о субъектном взаимодействии лирического «я»-занавеса и героя «ты»-сцены.

Вторая строфа «Занавеса»: «Сновиденными зарослями (в высоком/Зале – оторопь разлилась)/Я скрываю героя в борьбе с Роком/Место действия – и – час» [5, с. 97] – это один из способов общения Цветаевой, о котором она упоминала в письме Пастернаку: «Мой любимый вид общения – потусторонний: сон: видеть во сне. А второе – переписка. Письмо, как некий вид потустороннего общения, менее совершенное, нежели сон, но законы те же» [8, с. 23].

Особая форма «сновиденности» в лирическом отклике на пастернаковскую книгу в собственной книге Цветаевой имеет «первострочное» заглавие «Неподражаемо лжёт жизнь» и датировано следующим днём после завершения работы над статьёй «Световой ливень» (8 июля 1922 год). Однако в письме Пастернаку стихотворение имело самостоятельное заглавие «Слова на сон»: «Тогда было лето, и у меня был свой балкон в Берлине. Камень, жара, Ваша земная книга на коленях. <...> – Я тогда десять дней жила ею» [8, с. 25]. Последнее замечание Цветаевой связано с подготовкой статьи: неопределённостью издательства и временем публикации («Место действия – и – час»). «Утаивание» героя – автора «Сестры моей жизни» как и самой книги (жизнь: «борьба с Роком») – обусловлено ревностным отношением Цветаевой к обнародованию факта общения поэтов. Уже в статье она обращается к автору за формальным разрешением представить «Сестру мою жизнь» читательской аудитории: «Пастернак, возьмите меня в поручители перед Западом – пока – до появления здесь Вашей “Жизни”» [7, с. 231-232].

Авторский параллельный план – вставочная конструкция: «(в высоком/Зале – оторопь разлилась)», т.е. недоумение и замешательство «высокого зала» с интонационным и ритмическим акцентом на прилагательном, также имеет документальную основу.

Недоумение в связи со «скрытностью» демонстрирует не читательский зал «Запада», а «горный», о котором Цветаева упоминает в письме Пастернаку, с восхищением отзываясь об очередной книге поэта «Темы и вариации» (1923): «Есть другой мир, где Ваша тайнопись – детская пропись. Горные Вас читают шутя. Поднимите голову ввысь: там – Ваши читатели. “Политехнический зал”» [8, с. 32] (в нём Цветаева впервые слушала Пастернака).

Следующий фрагмент «Занавеса»: «Водопадными радугами, обвалом/Лавра (вверился же! знал!)/Я тебя загораживаю от зала/(Завораживаю – зал!)» [5, с. 97] образами «водопадных радуг» и «лаврового обвала» передаёт эмоционально-оценочную характеристику готовящейся статьи и её содержания: «– Ливень: всё небо на' голову, отвесом: ливень впрямь, ливень вкось, – сквозь, сквозняк, спор световых лучей и дождевых. <...> Пастернак – большой поэт. Он сейчас больше всех: большинство из сущих *были*, некоторые *есть*, он один *будет*» [7, с. 233] (курсив М.Ц. – А.Ш., Н.Ж.).

Вставочные конструкции представлены образным соответствием со стихотворением «Слова на сон»: «Радуйся же! – Звал!» [5, с. 17] – инициатором эпистолярного «оклика» был Пастернак. В стихотворении «Занавес» фраза звучит в форме динамического преобразования его «зова» в «доверенность». Во второй авторской вставке используется образное сравнение из того же стихотворения: «столь/Заворожимы у нас, тел/Души» [5, с. 18] – «завораживание зала» представляется очередным подготовительным этапом.

Четвёртая строфа демонстрирует предвкушение и волнение лирического «я», связанные с завершением работы над книгой Пастернака, в процессе которой использовалось мастерство «я»: «Тайна занавеса! Сновиденным лесом (ср.: «сновиденными зарослями»)/Сонных снадобий, трав, зёрн.../(За уже содрогающей завесой/Ход трагедии – как – шторм!)» [5, с. 97]. Примечательно образное видоизменение занавеса в завесу. В книге «После России» в стихотворении «Ночь» образ завесы реализует негативную семантику помехи в творческом мировосприятии: «Зримости сдёрнутая завеса!» [5, с. 89].

Метаморфическое преобразование занавеса в одноимённом стихотворении демонстрирует аналогичную ситуацию. Ценность его в период работы над статьёй обуславливалась торжественной и почётной миссией «оберега» от случайностей постороннего вмешательства в творческий процесс лирического «я». Теперь занавес становится помехой, скрывающей результат творчества, содержание которого возводится в ранг высокого театрального жанра и соотносится с предельным чувством его переживания.

Пятая строфа: «Ложи, в слёзы! В набат, ярус!/Срок, исполнься! Герой, будь!/Ходит занавес – как – парус/Ходит занавес – как – грудь» [5, с. 98] представляет наступление условного времени для публичной демонстрации результата работы лирического «я». Примечательна противоречивость предполагаемой реакции публики: чувствительность восприятия читателей в «ложах» противопоставляется гневному неприятию читателей в «ярусах». При этом нервное напряжение занавеса, достигшее гиперболических пределов «паруса», композиционным нисхождением возвращает занавес в рамки одушевлённого восприятия – волнующейся «груди».

Шестая строфа: «Из последнего сердца тебя, о недра/Загораживаю. – Взрыв!/Над ужа'–ленною – Федрой/Взвился занавес – как – гриф» [5, с. 98] демонстрирует выход статьи. Строфические образы перекликаются с представленными ранее в книге «После России»: «над ужа'–ленною» (графическое оформление как динамического процесса; ср. разрыв слова в цикле «Скифские»: момент полёта и попадания стрелы в цель – «Каспий-/ского») – образ Эвридики, возлюбленной Орфея, погибшей от укуса змеи. Представление, разыгрываемое на сцене-пространстве книги Пастернака, в образ «ужаленной» – ушедшей возлюбленной автора «Сестры моей жизни» включает лирическую героиню-«Эвридику» из стихотворения Цветаевой «Эвридика – Орфею». Орфей в стихотворении символизирует типологический образ поэта, дополненный смысловым содержанием эпистолярного общения, возникшего между Цветаевой и Пастернаком: «Не надо Орфею сходить к Эвридике/И братьям тревожить сестёр» [5, с. 64] (образ поэтического «безземельного братства» – один из доминантных в «После России»).

Душевное «забвение» поэта, обусловленное эмиграционными обстоятельствами, было нарушено Пастернаком: «занавес», взвившийся Федрой – значимым образом в творчестве Цветаевой, – свидетельствует о духовном перерождении лирического «я» (смерть Федры как высшая форма существования души). Графические нюансы строфического оформления вызывают трудности в интерпретации: образы «ужаленной» и «Федры», разведённые поэтом интонационным тире, иногда трактуются как единые. Фактически здесь присутствует двойное сравнение: взмывание Федрой перерождённого «я»-«занавеса» и взмывание «я»-«занавеса» в образе грифа – не мифологической птицы-грифона, а цензурного знака, «снимающего» условную секретность с творчества Пастернака.

Седьмая строфа: «Нате! Рвите! Глядите! Течёт, не так ли?/Заготовливайте – чан!/Я державную рану отдам до капли!/(Зритель бел, занавес рдян)» [5, с. 98] демонстрирует душевные переживания лирического «я», связанные с выходом статьи: резкие и короткие реплики «я»-«занавеса» – это воинственное поведение вследствие ожидаемой критики-обвинения в чрезмерной страстности эмоционального тона статьи. Образ «державной раны» – цветаевская боль-гордость за Россию: семантическая связь позволяет представить параллельный субъектный план образами зрителей-белоэмигрантов, а противостоящего им в своей запальчивости и пристрастии «я»-«занавес» – «рдяным», – раскрасневшимся не только от волнения, но и от враждебной реакции критики за восторг и любовь «я» к литературе «советской» окраски.

Заключительная строфа стихотворения: «И тогда сострадательным покрывалом/Долу, знаменем прошумя/Нету тайны у занавеса – от зала/(зала жизнь, занавес – я) [5, с. 98] – это душевное состояние лирического «я» после всего случившегося. Прошумев знаменем, занавес не закрывается, а тихо опускается, исполнив главную задачу (инверсионное строение фразы). Вдохновенность и запальчивость «я», «прошумев знаменем», утихла с чувством сострадания к читателям-зрителям, искавшим и видевшим «тайную окраску» там, где существует одна поэзия. Но тайны (как скрытого умысла) у занавеса и нет. Вставочный комментарий подтверждает, что образ «я» аналогичен образу-занавесу в жизни.

Лирическое «я», используя собственные творческие методы («водопадами занавеса», «сновиденными зарослями», «водопадными радугами», «обвалом лавра», «сновиденным лесом сонных снадобий, трав, зёрн»), в ходе развития сюжета маскирует их значимость шумовым выражением («прошумя»), что свидетельствует о первостепенности чужого творчества. В этом ракурсе отсутствие тайны осмысливается как предельная искренность творческого выражения «я»-занавеса.

В стихотворении «Занавес» через образную самоидентификацию Цветаева лирически пересоздаёт процесс «открытия» Пастернака и его книги «Сестра моя жизнь» читателям-эмигрантам, уже состоявшийся с выходом статьи «Световой ливень». Пространственная авто-образность «я» имеет вертикальное устремление: сцена-«ты» и зала-жизнь – это плоскость горизонтальной развёртки, в то время как «я»-занавес, находясь на границе и не нарушая её ни в творческую, ни в жизненную сторону, движется по вертикали.

«Я»-занавес выступает в доминантной позиции при принятии решения о знакомстве читателей-эмигрантов с пастернаковским творчеством. Своеобразное «первенство» Цветаевой в поэтическом союзе с Пастернаком благодаря её эмоционально-обострённому мировосприятию будет сохраняться и дальше, отразившись в лирическом цикле «Магдалина».

Список литературы

1. Венцлова Т. Собеседники на пиру. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 624 с.
2. Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. 4. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – 720 с.
3. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 1. – М.: Слово/Slovo, 2003. – 576 с.
4. Ревзина О.Г. Безмерная Цветаева. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2009. – 594 с.
5. Цветаева М.И. После России. 1922 – 1925. – Paris: YMCA-PRESS, 1976. – 164 с.
6. Цветаева М.И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 2. – М.: Эллис Лак, 1994. – 591 с.
7. Цветаева М.И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5. – М.: Эллис Лак, 1994. – 720 с.
8. Цветаева М.И., Пастернак, Б.Л. Души начинают видеть. – М.: Вагриус, 2004. – 717 с.

10.01.10– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

10.01.10

С.В. Аникиенко канд. искусствоведения, М.А. Тугаева канд. филол. наук

Краснодарский государственный институт культуры, консерватория,
кафедра музыковедения, композиции и методики музыкального образования,
Краснодар, kafedra.mk@mail.ru

**РОЛЬ ЖУРНАЛИСТИКИ
В ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЫКОВЕДА В.М. ЩЕГЛОВА**

В статье рассматривается публицистическое наследие музыковеда В.М. Щеглова (краснодарский период деятельности ученого). Делается вывод о преемственности традиций русского музыкального просветительства в его журналистском творчестве.

Ключевые слова: *В.М. Щеглов, музыкальная журналистика, музыкальное просветительство, региональная музыкальная культура.*

В современном научном мире все больший интерес вызывают вопросы развития региональной музыкальной культуры. Выступления музыкальных деятелей прошлого в прессе не только отражают процессы, происходившие в музыкальной культуре, но и являются примерами развития музыкальной журналистики.

Одним из ярких музыкальных деятелей, связанных с региональной журналистикой, был Владимир Михайлович Щеглов (1917–1978), музыковед, член Союза композиторов СССР, кандидат искусствоведения, доцент. В числе его учеников народные артисты СССР Борис Штоколов и Юрий Гуляев, композиторы народный артист России, председатель Союза композиторов России Владислав Казенин, Вадим Биберган, Наталья Оралова и другие.

Мы отмечали [1, с. 56], что архив ученого утерян. В Государственном архиве Краснодарского края документы Щеглова также не составляют единого целого и фрагментарно рассредоточены по различным фондам. Это составляет определенную трудность для их изучения. Часть документов введена в научный обиход [3]. Попытка их осмысления сделана в 2017 году [1; 3 и др.].

В этой связи публицистическое наследие музыковеда представляет интерес не только для музыковедов, но и для ученых-лингвистов. Однако публицистическое наследие ученого остается практически вне поля зрения исследователей.

Музыковед неоднократно обращался к средствам массовой информации для пропаганды музыкального искусства, озвучивания своей позиции о деятельности композиторской организации, информировании о крупных событиях в музыкальной жизни региона. Щеглов был автором около 30 критических и просветительских статей [2].

Выпускник Уральской консерватории, Щеглов сделал первые шаги в журналистике в Свердловске. Опубликованные в 1950-е годы в областных газетах, его публицистические материалы представляют собой крупные аналитические статьи, посвященные различным аспектам музыкальной науки. Так, встрече оперных музыкантов и критиков Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Свердловска в Перми была посвящена статья «Памятная встреча» [6]. Неординарное событие – обсуждение постановки оперы С. Прокофьева «Семен Котко», осуществленной Пермским театром оперы и балета, – подняло широкий круг вопросов музыкально-театрального исполнительства (в послевоенные годы Пермский оперный театр называли «студией советской оперы»).

Наиболее значимой статьей Щеглова того времени можно назвать аналитический очерк «Высшая форма хорового искусства. Заметки музыковеда», посвященный развитию академического хорового искусства в стране [5]. Проанализировав исторический путь русского хорового пения, автор не побоялся сделать смелый вывод: «В течение долгого

времени роль его [академического хорового пения – С.А.] ... в музыкальном образовании явно недооценивалась как Министерством культуры СССР, так и отделами культуры на местах. Художественное руководство филармоний предназначало хоровым капеллам чисто служебную роль, не стимулировало их творческого роста. В концертном их репертуаре ... господствовали простейшие песенно-куплетные формы хоровой музыки»[5]. Такой бескомпромиссный, смелый взгляд на проблемы культуры и музыкального образования был характерен для журналистского стиля Щеглова этого периода.

С 1961 года Щеглов работает в Краснодаре. С этого времени в его журналистской стилистике произошли заметные изменения. Сократилось число аналитических статей и сильно уменьшился в объеме каждый опубликованный материал. Среди публикаций Щеглова появляются статьи, посвященные киноискусству, которые отсутствовали в его «уральский» период творчества.

По воспоминаниям учеников музыковеда, такие кардинальные изменения были связаны в первую очередь с политикой краевой газеты «Советская Кубань», выражавшей мнение руководителей краевой партийной организации в области культуры и искусства. Щеглов тяжело переносил отказ публиковать его острые полемические статьи.

Вместе с тем, как было установлено исследователем О.В. Чудной [4], для публицистического наследия Щеглова краснодарского периода оказалось характерным отражение его творческих и научных интересов.

Среди увлечений музыковеда было искусство кино. Познания Щеглова в этой области были глубоки и обширны. Его старший брат Михаил был одним из первых в стране кинооператоров и работал в группе Георгия Александрова, снимая многие известные всем фильмы. Он воспрепятствовал желанию брата идти по его стопам. Тем не менее Владимир Михайлович сохранил любовь к киноискусству.

Не случайно поэтому Щегловым в Краснодаре был организован студенческий музыкальный лекторий: один раз в неделю перед киносеансом в детском кинотеатре «Смена» студенты института культуры проводили беседы о музыке. А к самой крупной группе публикаций в краснодарской краевой прессе Щеглова 1960-1970-х годов относятся отклики на художественные фильмы («Аппассионата», «Золотой теленок») и материалы о деятельности отечественных и зарубежных кинорежиссеров и артистов (Я. Протазанова, З. Цибульского).

Щеглов (вместе с известным кубанским композитором Г.М. Плотниченко и Н.М. Хлопковым) был инициатором создания в Краснодаре отделения Союза композиторов СССР. Став заместителем Председателя отделения, он активно пропагандировал творчество кубанских композиторов, рассказывал о планах молодой композиторской организации. По его мнению, деятельность новой организации не должна ограничиться только творческими отчетами композиторов. «Предметом пристального изучения, – считает Щеглов, – станут вопросы традиций и новаторства, народности и современности музыкального языка, вопросы мастерства». А композиторы «должны стать пропагандистами классических образцов русской, советской и зарубежной музыки» [7]. Первоочередной задачей отделения вновь созданного отделения Союза композиторов Щеглов считает необходимость сплотить вокруг себя все музыкальные силы города и края.

Щеглов-журналист уделял внимание и музыкальному театру. Его внимание привлекали как спектакли гастролирующих в Краснодаре театров, так и постановки местного театра оперетты.

Так, мюзикл «Хелло, Долли!» в Краснодарском театре оперетты в 1976 году стал первым опытом работы коллектива в этом жанре. При этом возникли определенные трудности. В распоряжении театра оказался неудачный литературный перевод. Партитура также была неполной. Однако в своей рецензии Щеглов, отмечая все недочеты в постановке, считает, что «заслуживает внимания уже сам факт обращения театра к новому для него жанру»[8]. Нужно просто искать новые, более сложные постановочные решения и смелее идти по избранному пути.

Анализ публицистических материалов Щеглова показал, что в них присутствуют элементы музыкальной журналистики, музыкальной критики и музыкального просветительства. Все статьи имеют ярко выраженную просветительскую направленность и рассчитаны на широкую, в большей части неподготовленную читательскую аудиторию.

Публицистические материалы Щеглова представляют значительный интерес для изучения истории музыкальной культуры регионов, являясь живым свидетельством происходящих процессов.

Таким образом, журналистика в творчестве В.М.Щеглова занимала значительное место. Публицистические высказывания музыковед не только отразил круг его творческих интересов, но и продолжили традиции музыкального просветительства, заложенные русскими композиторами и музыкальными деятелями в XIX веке.

Список литературы

1. Аникиенко С.В. У истоков кубанского музыкознания (документы А.А. Слепова и В.М. Щеглова в фондах Государственного архива Краснодарского края): к 100-летию со дня рождения // Культурная жизнь Юга России. – 2018. – № 3 (70). – С. 54-57.
2. В.М. Щеглов: библиографический указатель / сост. Н.Н. Гаврюшенко // В.М. Щеглов: музыкант-просветитель, педагог, ученый (к 100-летию со дня рождения). В 3-х т. Т. 2. Опыт научной биографии, труды В.М. Щеглова, документы о деятельности и научные работы студентов. – Краснодар, 2017. – С. 54-61.
3. В.М. Щеглов: музыкант-просветитель, педагог, ученый (К 100- летию со дня рождения): в 3-х т. – Краснодар, 2017.
4. Чудная О.В. Музыкально-просветительская деятельность В.М. Щеглова: краснодарский период : Выпускная квалификационная работа / Краснодар. гос. ин-т культуры ; науч. рук. С.В. Аникиенко. – Краснодар, 2019. – 66 с.
5. Щеглов В.М. Высшая форма хорового искусства. Заметки музыковеда // Уральский рабочий. – 1958. – 13 февр.
6. Щеглов В.М. Памятная встреча // Вечерний Свердловск. – 1960. – 8 июня.
7. Щеглов В.М. Песня строить и жить помогает // Советская Кубань. – 1966 – 1 нояб.
8. Щеглов В.М. Поиск требует смелости: Мюзикл «Хелло, Долли!», поставленный в Краснодар. театре оперетты // Комсомолец Кубани. – 1976. – 13 мая.

10.01.10

А.П. Данилов канд. ист. наук, А.А. Данилов д-р ист. наук

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова,
факультет русской и чувашской филологии и журналистики,
кафедра журналистики,
Чебоксары, danilov.andrey@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ОСНОВ ЧУВАШСКОГО НАРОДА В ПУБЛИЦИСТИКЕ И.Я. ЯКОВЛЕВА И ЕГО ШКОЛА ЭТНИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

В работе проанализированы особенности отражения духовно-нравственных основ чувашского народа в публицистике И.Я. Яковлева и деятельность его школы этнической журналистики. Особое внимание уделено активной издательской и переводческой деятельности И.Я. Яковлева. В работе анализируется деятельность Симбирской чувашской школы, ее выпускников, впоследствии работавших в редакциях газет и журналов.

Ключевые слова: *И.Я. Яковлев, этническая журналистика, средства массовой информации, Чувашия, история, культура.*

В огромном творческом наследии патриарха чувашского народа И.Я. Яковлева заметное место занимает издательская и публицистическая деятельность. Актуальность темы исследования определяется тем, что созданная И.Я. Яковлевым Симбирская чувашская школа подготовила целую плеяду талантливых журналистов и несомненно повлияла на развитие журналистики в современных условиях. Открытая в 1868 г. школа для чувашских детей, преобразованная в октябре 1917 г. в Симбирскую чувашскую учительскую семинарию, с 1 сентября 1920 г. в Чувашский институт народного образования, затем в Чувашское педучилище, на протяжении 88 лет была кузницей не только учительских кадров. Многие из выпускников впоследствии успешно трудились в периодической печати [1, с. 1]. В своей профессиональной деятельности им помог большой издательский и журналистский опыт Учителя И.Я. Яковлева. Цель исследования – на системном уровне проанализировать особенности отражения духовно-нравственных основ чувашского народа в публицистике И.Я. Яковлева и деятельность его школы этнической журналистики.

Литература о И.Я. Яковлеве, как научная, так и художественная, обширна, однако констатировать, что все стороны многогранной деятельности патриарха чувашской культуры исследованы полностью, не можем. Даже претендующий на полноту «Указатель книг, брошюр, статей и заметок на русском языке о чувашах», подготовленный священником А. Ивановым в 1907 г., указывает только на следующие публикации И.Я. Яковлева: 1. «По поводу заметки земского начальника С.Я. о земских инородческих школах» (Симбирские губернские ведомости. 1894. № 26); 2. «Протоиерей Алексей Иванович Баратынский» (Там же. № 47); 3. «О школьном образовании чуваш» (Городской и сельский учитель. 1897); 4. «Чувашская учительская школа в Симбирске и женское училище при ней» (Православный благовестник. 1893. №11); 5. «Соображения о распространении женского образования между чувашами» (Там же. № 1) 6. «Симбирская чувашская учительская школа и женское при ней училище» (Церковные ведомости. 1893. № 24); 7. «Отчет о временных педагогических курсах, устроенных при Симбирской чувашской учительской школе в 1891 году для учителей чувашских начальных училищ» (Симбирск. 1899); 8. «Статья И. Яковлева против употребления чувашского языка в школах» (Симбирские губернские ведомости. 1868). Авторство последней публикации вызывает сомнение [2, с. 242].

В этот список не включено, например, первое газетное выступление И.Я. Яковлева – историко-этнографический очерк «Чувашский праздник учук» (Симбирские губернские ведомости. 1867. 28 мар., 4 апр.). Данная публикация имеет не только научное значение, но и интересна для широкого круга читателей. Автор показал глубокое знание народных традиций и обычаев, выступил страстным защитником общественных и культурных интересов своего народа.

Вся жизнь И.Я. Яковлева проходила в борьбе. В условиях постоянной клеветы, как лицо «политически неблагонадежное», он ведет судебные процессы с клеветниками, полемизирует с оппонентами со страниц печати. Поэтому для его публикаций в прессе характерна прежде всего полемичность. Любое большое дело он начинает с обсуждения в прессе. Так было и при создании чувашского алфавита, при открытии Симбирской чувашской школы и сети сельских школ для населения.

И.Я. Яковлев всегда вел активную издательскую и переводческую деятельность. В 1896 г. он издает на чувашском языке переведенную самим же книгу «Первая всеобщая перепись населения Российской империи». Чуть позже выходят книги «Краткий очерк развития Симбирской чувашской учительской школы» (1908); «Отчет о состоянии сельскохозяйственной фермы Симбирской чувашской учительской школы за 1912 г.» (1913); «Война и чувашская школа в Симбирске» (1915). Книги И.Я. Яковлева о поднятии уровня крестьянского хозяйства: «Отчет о состоянии земледельческой фермы Симбирского общества, переданной в ведение Симбирской чувашской учительской школы, с 15 марта 1893 г. по январь 1894 г.» (1895); «Краткий очерк Симбирской чувашской учительской школы» (1908); «Отчет о состоянии сельскохозяйственной фермы Симбирской чувашской учительской школы за 1912 год» (1913); «Отношении инспектора чувашских школ Казанского учебного округа в Буинскую земскую управу от 3 октября 1899 г.» и др. Конечно, самым значительным явлением в издательской деятельности И.Я. Яковлева стал выход «Букваря для чуваш» (при жизни автора выдержало 33 издания) [3, с. 62].

Таким образом, как подчеркивает известный исследователь творческого наследия И.Я. Яковлева И.Я. Тенюшев, литературно-публицистическую деятельность патриарха можно разделить на 4 периода: 1. Начальный период (1867–1875 гг.); 2. Период выработки программы национального возрождения чувашей (1875–1893 гг.); 3. Творчество народного просветителя в годы усиления гонений на чувашские школы (1894–1917 гг.); 4. Литературная деятельность в 1917–1922 гг. [4, с. 71]. В последние годы жизни И.Я. Яковлев писал в основном произведения мемуарного характера, значительное место среди которых занимают воспоминания «Моя жизнь».

Еще при жизни И.Я. Яковлева в Симбирской чувашской школе учились известные деятели чувашской литературы Константин Иванов, Таэр Тимкки, С.С. Семенов (Сорокин), Васся Анисси, Метри Юман, Николай Шубосинни, Мария Ухсай, Василий Митта, Федор Павлов и другие, произведения которых впервые увидели свет именно в периодической печати [5, с. 5].

Симбирская чувашская школа в разное время имела разные названия: школа, семинария, техникум, училище. До закрытия (1956 г.) имела статус Ульяновского чувашского педагогического училища. Как бы не менялись названия, школа всегда старалась сохранять традиции И.Я. Яковлева. Ученики гордились его именем, добрый дух патриарха всегда присутствовал в ее стенах. Даже неполный перечень выпускников Симбирской чувашской школы, впоследствии работавших в редакциях газет и журналов, показывает, насколько сильно было влияние этого учебного заведения на развитие духовной культуры народа. Среди выпускников и работников Симбирской чувашской школы можно выделить известных журналистов: Миронов Павел Миронович (1861–1921 гг.), Петров Дмитрий Петрович (Метри Юман) (1885–1939 гг.), Семенов Тимофей Семенович (Таэр Тимкки) (1889–1916 гг.), Репин Кузьма Васильевич (1897–1923 гг.), Васильева-Княгинина Анисия Васильевна (Васся Анисси) (1893–1975 гг.), Кирюшкина (Разубаева) Евдокия Степановна (1919 г.р.), Ухсай Яков Гаврилович (1911–1986 гг.), Петров Константин Константинович,

Милюдин Илья Николаевич (1923 г.р.), Обдиркин Герасим Емельянович (1900–1985 гг.), Кирюшкин Иван Сергеевич (1919–1996 гг.), Романов Алексей Ильич (1927 г.р.), Богатов Александр Михайлович (1935 г.р.), Тухтаманов Владимир Севостьянович (1935 г.р.), Гордеев Александр Петрович (1938 г.р.) [6, с. 12].

Исследователям еще предстоит составить полный список выпускников Симбирской чувашской школы, проявивших себя на журналистской стезе. Однако уже сейчас можно с уверенностью сказать, что традиции яковлевской школы в чувашской журналистике живы и сегодня. Рассмотренные выше материалы позволяют сделать вывод о большом влиянии педагогического и творческого наследия И.Я. Яковлева на развитие всех сторон духовной культуры чувашского народа, в частности на становление профессиональной журналистики. Яковлевская школа журналистики помогла становлению и развитию современной системы средств массовой информации как Чувашской Республики, так и диаспоры. Это крайне важно с учетом того, что около половины чувашского населения проживает за пределами республики. Мы должны поднять идеи патриарха чувашской культуры в новых условиях на новый уровень, задача их воплощения в жизнь стала потребностью каждого патриота своего народа.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Чувашской Республики в рамках научного проекта № 19-412-210003

Список литературы

1. Гладкова А.А., Лазутова Н.М., Тихонова О.В., Черевко Т.С., Данилов А.П., Данилов А.А., Батришина Д. Н. Этнические СМИ России : содержательный анализ (на примере СМИ республик Татарстан и Чувашия) // Медиаскоп. – 2018. – № 1. – С. 1.
2. Данилов А.А., Данилов А.П., Данилова М.Г. Медиатекст веб-формата в современной новостной журналистике Чувашии // Ашмаринские чтения: сб. тр. X междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 20–21 октября 2016 г.) / сост. и отв. ред. О. Г. Владимирова, А. М. Иванова. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. – С. 242.
3. Данилова М.Г., Данилов А.А., Эшкерт А.М. История региональной журналистики в лицах: журналист-фронтовик, редактор, общественный деятель и исследователь М. И. Иванов // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 62.
4. Данилов А.П., Данилов А.А. История становления и развития журналистского образования в Чувашском государственном университете имени И. Н. Ульянова // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 2. – С. 71.
5. Матросов И.М., Леонтьев А.П. Первая чувашская газета «Хыпар» 1906–2006. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. – С. 5.
6. Минеева Е.К. Становление Марийской, Мордовской и Чувашской автономий в 20-30-е годы XX века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Минеева Елена Константиновна. – Чебоксары, 2008. С. 12.

10.01.10

Р.В. Даутова д-р ист. наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций,
кафедра телепроизводства и цифровых коммуникаций,
Казань, RVagiz@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОГРАММ НА РЕСПУБЛИКАНСКОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ ТАССР (СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД)

В статье представлены результаты исследования основных этапов развития информационных программ на Татарском телевидении в советский период. Автор проанализировал новостные передачи и итоговые информационные журналы республиканского телевидения и выявил основные тематические направления и жанровые формы.

Ключевые слова: *новости, республиканское телевидение, репортаж, телевизионный журнал, публицистичность, оперативность.*

История Татарского телевидения неразрывно связана с историей становления и развития информационных программ, которые сыграли важную роль в изменении отношения советских зрителей к телеэкрану.

«Последние известия» - это первая регулярная передача Казанской студии телевидения, начавшей свое вещание в ноябре 1959 года. Выход новостной программы в эфир был сопряжен со множеством проблем объективного характера. К этому моменту на советском телевидении еще не сформировалось понимание специфики телевизионных жанров и телевизионного текста. Нередко зачитывались материалы, передававшиеся до этого по радио. Были проблемы и местного характера. Невозможность выезда за пределы студии (не было передвижной телевизионной станции), отсутствие второй телевизионной камеры, слабая задействованность киносъемочной группы – все это ограничивало возможности редакторов, которые готовили выпуски к эфиру. Первые новостные передачи были построены в форме фоторассказа, фоторепортажа, беседы в студии. Например, в одном из выпусков зрителям были предложены фоторепортаж с открытия Республиканской выставки достижений народного хозяйства ТАССР, фоторассказы о Лаишевском районе, о только что вышедшей в свет книге «История коммунистической партии Советского Союза» и т.д.

В 1960-м году Казанская студия телевидения наконец получила передвижную телевизионную станцию, а значит, появилась возможность снимать репортажи – жанр, без которого невозможно представить телевизионные новости. Самый первый телерепортаж с использованием ПТС вышел в эфир в июле 1960 года. Первые внестудийные передачи были проведены с Компрессорного завода Казани и с Республиканской выставки достижений народного хозяйства [1]. Об одном из репортажей, вышедшем в эфир в «Последних известиях» 27 сентября 1960 года, рассказала на своих страницах газета «Советская Татария». Это был репортаж о трудовых победах коллектива гидротипного цеха Химического завода имени Куйбышева[2].

Именно с этого момента начинает меняться отношение зрителей к телеэкрану: в первые годы телевидение воспринималось как средство передачи звуко-изобразительного образа, впоследствии – как средство передачи зрелища «несочиненного» (А.Я.Юровский) [3]. Телевизионные сюжеты, являясь изображением реального мира, начинают восприниматься как некий документ, без которого уже невозможен показ «Последних известий». В новостной передаче (в дальнейшем название выпуска новостей несколько раз менялось:

«Новости дня», «Теленовости» и т.д.) стали появляться постоянные рубрики. Ставится задача более полного использования киносъемок и ПТС, планируется привлекать к подготовке телепередач кинолюбителей. О возможности использования кинолюбительских съемок говорилось и в рецензии Главного управления по местному вещанию Гостелерадио СССР на «Последние известия» Казанской студии телевидения за июль – сентябрь 1962 года. В рецензии также указывалось на недостаточно грамотный язык телеинформаций и т.д.[4].

Одной из характеристик контента ежедневных новостей Татарского телевидения в советский период является приоритет официальной и столичной информации. Местным событиям отводилась лишь треть времени выпуска, что естественно, не могло устраивать ни местные власти, ни телезрителей[5].

Постепенно эта пропорция меняется в сторону увеличения объема местных новостей. Встала задача отбора и обработки информации – первостепенных, оперативных, и таких, которые требовали более тщательного углубления и анализа. Возникла необходимость создания информационных телевизионных журналов. На Татарском телевидении появилась передача «Вечерняя Казань». Телезрители с нетерпением ждали каждый выпуск этого еженедельного субботнего тележурнала. Секрет успеха был в демократичности формы подачи и в злободневности вопросов, поднимавшихся в передачах. Под постоянной рубрикой «Субботняя почта» зачитывались письма телезрителей на злобу дня, копии некоторых писем затем отсылались в организации и учреждения для получения ответа. Авторы журнала шли в рейды, готовили критические репортажи с места событий, анализировали сложные вопросы, приглашали в студию компетентных специалистов, от которых зависело решение той или иной проблемы. Первый ведущий программы Ю. Зайцев стал популярной личностью в городе, олицетворяя собой боевую критическую тележурналистику. Большая заслуга в популярности тележурнала «Вечерняя Казань» принадлежала его режиссеру Ю. Циммерлингу. Сформировалось понимание того, что подобный журнал помогает углубляться в такие вопросы, о которых в телевизионных новостях можно дать только короткую информацию, стали использоваться аналитические жанры телевизионной публицистики.

Крупномасштабной акцией Татарского телевидения стал также цикл «Эстафета районов», посвященный 100-летию со дня рождения В.И.Ленина. Цикл был создан по образцу еженедельного обзора ЦТ «Эстафета новостей». Показывалась жизнь районов республики в разных аспектах: социальная сфера, сельское хозяйство, культурная жизнь и т.д. Для работников студии это был длительный, изнурительный марафон, в котором участвовали практически все редакции. Передачи «Эстафеты районов» шли в прямом эфире, а это требовало высокой организации труда всех задействованных в передаче людей.

Постепенно становится ясно, что для подготовки информационных программ должна быть создана самостоятельная редакция. В 1966 году старший редактор Казанской студии телевидения А.Файзрахманов поднимает этот вопрос на заседании телевизионной секции Всесоюзного совещания по проблемам радио- и телеинформации в Москве[6]. В 1983 году с таким же вопросом обращается в Гостелерадио СССР председатель Госкомитета по телевидению и радиовещанию ТАССР И.Хайруллин: «...есть необходимость выделить редакции информационных программ (информационная программа «Татарстан», еженедельник «Вечерняя Казань», «Новости», корреспондентские пункты в г.г. Брежнев, Альметьевске) из состава Главной редакции общественно-политических передач и создать самостоятельную Главную редакцию информации и корреспондентской сети»[7]. В письме был сделан акцент на специфику двуязычного вещания и указано на увеличивающийся объем местной информации, для обработки и подготовки которой к эфиру необходима автономная структура.

Хотя региональное телевидение к началу 1980-х годов уже играло более значительную роль в системе российского телевидения, чем это было в 1960-е годы, а в августе 1983 года было принято Постановление ЦК КПСС «О повышении содержательности и оперативности информационных программ телевидения»[8], – Гостелерадио СССР ответило татарским

телевизионщикам отказом. Вот что написал в ответе заместитель председателя Госкомитета СССР Г.Сорокин: «...создание Главной редакции информации и корсети только в Татарском Госкомитете поставит его в исключительно неравное положение по сравнению с другими комитетами, имеющими аналогичный и даже больший объем вещания и ведущими передачи на национальных языках»[9].

С 1 января 1984 года открылась новая ежедневная информационная программа «Татарстан» на двух языках. Решение о необходимости такой программы было принято 21 сентября 1983 года в Постановлении Татарского ОК КПСС «О повышении содержательности информационных программ телевидения» [10]. Передаче придавалось большое значение, поэтому творческую команду подбирали тщательно. Режиссером была назначена Л.Нигматова, старшими редакторами – Н.Ганиев и Л.Мосягина, редакторы – Ю.Зайцев, Р.Магдеев, Ф.Мухаметов, М.Юсупов и В.Гарифуллин. Дикторы – Р.Набиуллин и Л.Загидуллина. Программа длилась 30 минут, однако за это время зритель должен был увидеть 12-15 тематических страниц. «Горячие новости» из других городов республики поступали в эфир прямо с трапа самолета[11]. В подготовке выпусков принимали участие практически все редакции студии. Сочетание информационности с аналитичностью, высокий уровень публицистичности, оперативность и компетентность, большой процент местного материала – это главные ориентиры «Татарстана». Появление подобной программы можно считать этапным событием в истории Татарского телевидения и предвестником тех форм новостей, которые существуют в настоящее время.

Список литературы

1. НА РТ, Ф. Р-4493, оп.1, д.394.
2. День мира на телеэкране // Советская Татария. – 1960. – 30 сентября.
3. Юровский А.Я. Телевидение – поиски и решения / А.Я. Юровский. – М.: Искусство, 1984, – С.74.
4. ЦГА ИПД РТ, Ф.848, оп.1, д.1, л.14.
5. Даутова Р.В. Телевидение Татарстана: от прошлого к настоящему. - Казань: ЗАО «Новое знание». 2010. – С.150
6. ГА РФ, Ф.6903, оп.1, д.905, л.75.
7. НА РТ, Ф.Р-4493, оп.2, д.5684, л. 21.
8. ЦГА ИПД РТ, Ф.15, оп.10, д.56, л.л.8–10.
9. НА РТ, Ф.Р-4493, оп.2, д.5684, л. 27.
10. НА РТ, Ф.Р-4493, оп.2, д.5683, л.170.
11. Долин В. 30 минут в эфире / В. Долин / Вечерняя Казань. – 1984. – 2 февраля.

10.01.10

М.А. Тугаева канд. филол. наук, Ф.М. Шак д-р искусствоведения

Краснодарский государственный институт культуры,
факультет консерватория,
кафедра музыковедения, композиции и методики музыкального образования,
факультет телерадиовещания и театрального искусства,
кафедра звукорежиссуры,
Краснодар, marina_tugaeva@mail.ru, fedorshak@gmail.com

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ РОК-ПРЕССА В АСПЕКТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАЧЕНИЙ СОВЕТСКОЙ РОК-МУЗЫКИ

В статье рассматриваются социокультурные аспекты функционирования неофициальной музыкальной прессы как фактор становления и развития советского рока. Особое внимание уделяется соотношению официальной и так называемой тематической прессы в освещении музыкальных событий в контексте смена политического строя, отмены цензуры и развития новых экономических отношений.

Ключевые слова: неофициальная пресса, рок-музыка, цензура, андеграунд, тематическая пресса, советский рок.

Становление советского рока было наделено элементами стихийности. Колоссальную самобытность, обретенную отечественной сценой впоследствии, следует объяснять в первую очередь тем, что многие из венчавших структуру западной рок-музыки социальных и экономических процессов обошли советскую сцену стороной. Содержательная специфика русского рока детерминировалась тоталитарным режимом, обеспечившим жанру социокультурную плотность и протестный вектор.

1970-е годы следует назвать периодом первичного накопления смыслов, временем, в котором отечественный рок начал обретать художественную самостоятельность и самобытность языка. Социокультурный меридиан рока всё ещё находился в стадии становления, и ему только предстояло проявить себя в будущем. Статус музыкантов не отличался постоянством, поскольку некоторые из них вели несколько амбивалентное творческое существование, предполагающее работу в официальных легитимизированных властью и неофициальных форматах, как-то филармонические ВИА и неформальные рок-коллективы. Группы «Машина Времени», «Рубиновая атака», «Воскресение», «Удачное приобретение», «Мифы», «Россияне», «Санкт-Петербург» выступили своего рода фундаментом рока 70-х.

Медленная актуализация процессов гласности и свободомыслия, последовавшая в 1980-е годы, внесла ряд изменений в структурные особенности рок-сцены. Если десятилетием ранее практически вся деятельность представителей рок-культуры рассматривалась как идеологически вредная, то уже к 1980-м годам цензура явным образом меняет своё отношение к некоторым образцам чуждой ей ранее творческой активности. Чиновниками от культуры того времени был выработан толерантный метод ранжирования рок-музыки, основанный на избирательном подходе. Его суть весьма точно описывается А. Цукером. Группы-эпигоны вроде «Круиза», «Арии», «Чёрного Кофе», «представлявшие собой копии от сценического имиджа до специфического саунда популярных групп типа «Блэк Сабат», «Металлика» – никаких гонений не испытывали» [2, с. 9], в свою очередь прессинг, идеологическое неприятие выпало на долю той музыки, «которая не только не подражала, но и не имела ни малейших возможностей подражать западной, а была плоть от плоти частью нашей жизни, духовной и материальной, нашей советской культуры» [там же]. В этом высказывании А. Цукер схватывает важное свойство, позволяющее адекватно

верифицировать социокультурный бэкграунд рок-культуры 1980 г. Аранжировки, символизм песен, а также имиджевые особенности, которых придерживались группы «Круиз», «Ария», «Чёрный Кофе», основывались на несколько упрощённой семантике. Особенности позиционирования, имиджа и сценической активности этих коллективов на первый взгляд отличались от «застёгнутой на все пуговицы» и загнанной в рамки социалистических норм советской эстрады. В действительности же, несмотря на кожаную одежду, металлические заклёпки и хаотичные конструкции, призванные заменить причёски, члены «Круиза», «Арии» и других подобных коллективов транслировали вполне безобидные, прямолинейно считываемые подростками витальность и романтизм. Их поэзия была лишена символических маркеров, недомолвок, колких политических и социальных аллегорий. Если же убрать из творчества перечисленных выше коллективов внешнюю бутафорию, несоблюдение принятого на социалистической эстраде «дресс-кода», абстрагироваться от «тяжёлого» гитарного саунда, непривычно звучащего на фоне социалистического мейнстрима, вроде легендарных «Носиков-Курносиков» – перед нами предстанут всё те же безобидные ВИА, поющие о любви и самоутверждении. Очевидно, что среди представителей партийного истеблишмента было немало адекватных людей, в полной мере сознававших, что подобная музыка по определению не может представлять угрозу режиму. Именно этим можно объяснить тот факт, что к середине десятилетия представители хард-рока стали частью филармонического пространства СССР.

Во второй половине 1980-х годов на страницах изданий «Крестьянка» и «Работница» появляются расширенные музыкальные рубрики, в которых успели засветиться многие представители конформистской части рок-сцены того времени. Важно понимать, что это событие произошло не в периферийных изданиях, а в выходившем миллионными тиражами печатном мейнстриме СССР. Публикация в столь крупных журналах не критически ориентированных материалов по неформатной культуре подтачивала систему изнутри. Для социалистического режима подобные взаимодействия с гласностью, безусловно, были тождественны игре с огнём. Либерализация, последовавшая в 1980-е годы, была наделена высокой степенью избирательности. Представители цензуры, несколько ослабившие былую хватку, тем не менее, продолжали тщательно отслеживать разновидности протестной культуры, идеологически антогонизировавшие с системой. И если обладавшим романтической инаковостью «Круизу» и «Арии» суждено было получить легитимацию, то перед наделённым специфическим нонконформизмом и самобытностью творчеством А. Башлачёва, П. Мамонова, Б. Гребенщикова, М. Науменко, К. Кинчева, ставшим, по сути, энтелехией советского рока, был выставлен идеологический заслон.

Рост популярности жанра у молодёжной аудитории способствовал необходимости выпуска тематической прессы, ориентированной на освещение музыкальных событий. Во второй половине 1970-х и 1980-е гг. свет увидели издания, в силу неофициального статуса и производственных издержек обладавшие трудноопределимой классификацией. Наибольшую значимость среди них обрели «Урлайт», «Рокси», «Ухо», «Сморчок», «Зеркало» и «Рио», производившиеся машинописным и фотоколлажным способом. Существовало несколько отличий, придававших советской рок-прессе уникальные особенности. Отсутствие доступа к типографическим методам производства, а также нелегальный статус не позволили самиздату выйти на самоокупаемость. Вероятность получения прибыли за счёт сбыта тиража оставалась мизерной. Авторы рок-журналов могли быть уподоблены волонтерам, работающим на общих началах во имя определённых идейных принципов.

Страницы многочисленных подпольных журналов выступали полем для доморощенной, бессистемной рефлексии, продуцируемой пассионарными любителями рока. Стремясь к интеллектуализации, авторы взаимодействовали с различными гуманитарными парадигмами. Наибольшей концентрацией интеллектуальной риторики отличались тексты позднесоветского периода. Так, в статье «Опавший трактат, или логико-философские листья» Н. Лукас развивает достаточно дискуссионные социокультурные размышления, приписывая движению андеграундной рок-музыки Советского Союза ряд вымышленных

качеств. В названии нетрудно уловить прямые аналогии с запрещённым в СССР сочинением философа Серебряного века В. Розанова «Опавшие листья». Пассионарная энергия десятков и сотен творцов, работавших на ниве подпольной рок-журналистики, порождала совершенно разные тексты. В редких случаях их стилистика, аргументация и теоретический уровень удерживались на высоком уровне, однако доминирующими всё-таки оставались произвольные суждения.

При анализе специфики рок-прессы следует уделить внимание проблеме определённой лексической зажатости, свойственной её авторам. Для более полного раскрытия этой проблемы обратимся к некоторым особенностям социалистического реализма. Интегрированные в изнаночную сторону соцреализма элементы нравственных норм не позволяли этому значимому явлению отечественного искусства выйти на новый уровень достоверности бытописания. Герои романов – колхозники, кочегары, пионеры, индустриальные рабочие, изъяснялись абсолютно неестественным языком, избавленным от ненормативных построений и живых интонаций. Они как бы выпадали из естественной разговорной среды. Происходило вполне очевидное разрушение легитимности приходящего, утрата реальности лексической ткани. В неформальной советской литературе 1970–1980-х годов возникла представительная волна сочинителей, допускавших значительный объём художественных вольностей. Достаточно вспомнить кандидата филологических наук Виктора Ерофеева, романы которого пересыпаны обценной лексикой и детальными описаниями сексуальности. Подобные тенденции можно видеть и в романе «Русская красавица» (1980–1982). Далее они продолжают своё развитие в советском и постсоветском творчестве В. Ерофеева. В связи с этими наблюдениями следует по-новому взглянуть на советскую андеграундную прессу, проявлявшую невероятную скаредность в употреблении эксплицитных выражений, столь необходимых для придания рок-тексту колоритности.

Феномен андеграунда требовал идейной последовательности. Логично было ожидать, что для усиления контркультурного эффекта авторы, пишущие для рок-изданий, воспользуются обширным лексиконом русского мата, тем самым выйдя на предельную стадию противопоставления своей деятельности официозу советской культуры. Причины, по которым этого не произошло, скрыты в избыточной литературоцентричности, а также гипертрофированных амбициях, свойственных рок-движению. Отсутствие шор, демонстрируемое искушённым Ерофеевым, едва ли могло быть разделено создателями андеграундной прессы, поскольку уровень образованности, социальный опыт и, как следствие, степень внутренней свободы, в первом и втором случаях значительно разнились. Рок-публицисты Авторы не хотели маргинализироваться, напротив, многие из них были поглощены интеллектуальным пижонством. Притязания на самозначимость и статус публикаций расходились с требованиями, заложенными в понятие андеграунда.

Отдельные издания, выходившие в период, предшествующий распаду СССР, находились ближе к сниженному культурологическому дискурсу, нежели к андеграунду. Их авторы были увлечены задачами построения интеллектуальной несущей конструкции, с помощью которой содержательность Гребенщикова, Науменко, Макаревича или того же Кинчева могла быть опосредована философской пропедевтикой Гегеля и Маркузе. Однако советскую рок-культурологию ждала судьба, аналогичная историческому фатуму, постигшему философию Серебряного века – оба этих, безусловно, несоразмерных друг другу явления были остановлены необратимыми историческими переменами, произошедшими в социальном и политическом бытии нашей страны.

В связи со сказанным выше показательным будет рассмотреть сентенцию, изреченную советским «контркультурщиком» Н. Лукасом. «Сов-рок – совокупность культурных кодов, знаковая система, прочесть которую до дна невозможно» [1], после чего мыслитель воспекает осанну элитарности рока, который, по его мнению, «не может быть популярен, ибо "читать" его (слушать), то есть интерпретировать, узнавая заложенные в нём культурные коды, могут в нашей необразованной стране очень и очень немногие» [там же]. Лукас высказывается об отечественной рок-сцене, как если бы она сплошь и рядом состояла из

синкретических арт-роковых экспериментов в духе KingCrimson, сложноструктурированной поэзии, символизма и зрелого декадентства. В действительности коллективы, творчество которых было наделено концептуальными значениями и требовало последующей расшифровки культурных кодов, в процентном соотношении оставались в меньшинстве. Постмодернизм С. Курёхина, смесь джазовой фразировки, спонтанности и абсурдистской поэзии «Вежливого отказа», отдельные панк-коллективы, славные своей маргинальной риторикой – вот немногие примеры истинной рок-элитарности, отчасти свидетельствующие в пользу реплики, изречённой Лукасом. В то же время уровень декодирования, необходимый для понимания творчества «ДДТ», «Алисы», «Машины Времени», «Наутилуса Помпилиуса» сводился к набору весьма односложных социокультурных противопоставлений «мы» (*слушающий субъект*) и «они» (*тоталитарная власть, официальная культура, общество, родители*), провести которые был способен как терроризируемый гормональным фоном «ломающийся» подросток, так и более взрослый, наделённый социальным опытом, гражданин.

К концу 1980-х годов популярность рока достигла своего пика, в то время как его социокультурные коды стали во всё большей степени затрагиваться смысловой инфляцией. Испытывая хроническую усталость от официальной культуры, отечественный слушатель, искавший новые внесистемные образцы музыкальной культуры, находил их в первую очередь в рок-музыке. Противопоставление рока советской эстраде вызывало у проделывавших эту ментальную операцию людей ощущение инаковости, преодоления советской культуры, ведущего, как многим тогда казалось, к изживанию из себя коннотаций пресловутой «совковости».

Значительным ударом по идеологическим установкам рок-прессы, существовавшей в переходный между социализмом и капитализмом период, стал отказ от кустарной печати в пользу типографских методов. Очередной выпуск журнала «Контркультура», вышедший в 1991 году, предварялся достаточно симптоматичной петицией. В обращении к читателю редакция сетовала, что выпускаемый кустарными методами журнал эволюционировал до типографского станка. Это качественное изменение, по их мнению, было равносильно предательству изначальных деклараций. У некоторых представителей контркультурного андеграунда столь активное возрастание популярности рок-музыки вызывало реакцию, близкую к когнитивному диссонированию. Смена политического строя предвещала развитие новых экономических отношений и отмену цензуры. У работавших для андеграундных журналов авторов, равно как и рядовых слушателей, полагавшихся преимущественно на критерии инаковости и противопоставления себя корпусу официальных культурных практик, означенные выше тенденции провоцировали тяжёлую культурологическую интоксикацию. Перестройка завершилась, началось время перемен.

Список литературы

1. Лукас Н. Опавший трактат, или логико-философские листья» // 333. № 3. 1989. Режим доступа: <http://www.fedy-diary.ru/Gold/333/zzz3-3.htm>
2. Цукер А.М. Даниил Хармс и советский рок-абсурдизм. Ростов н/Д. Южный музыкальный альманах. 2011 (2). – С. 8-16.

10.01.10

Г.М. Ханнанова, Л.Р. Надыршина канд.филол.наук

ГУ Институт языка, литературы и искусства им.Г.Ибрагимова АН РТ,
отдел текстологии, отдел национального образования,
Казань, ghan2003@mail.ru, lejsan84@mail.ru

ТЕМА ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В ЛИРИКЕ Г.ТУКАЯ: МОТИВЫ И ЖАНРОВЫЕ СТРАТЕГИИ

В статье исследуется лирика Г.Тукая, посвященная татарской периодической печати. Основное внимание акцентируется на функционально-семантическом анализе мотивов в корпусе стихотворений, объединенных темой периодической печати, определена жанровая природа стихотворений этой тематической группы.

Ключевые слова: *Г.Тукай, лирика, мотив, тема периодической печати, жанровая стратегия.*

Татарский поэт Габдулла Тукай (1886-1913) в начале XX века был известен и благодаря своей журналистской деятельности. Он работал в таких периодических изданиях как «Эль-Гаср эль-Джадид», «Уклар», «Фикер», «аль-Ислах» «Яшен», «Ялт-Йолт» и др.).

Современному состоянию татарской периодической печати, ее проблемам и перспективам Г. Тукай посвятил значительное количество публицистических статей. Говоря словами Ф.Агзамова, «Г.Тукай мы с полным правом можем назвать историком периодической печати» [1, с.8].

Вместе с тем периодическая печать зачастую становится темой стихотворений Г.Тукая: поэт живо откликался на открытие новых татарских газет и журналов, выражал свое отношение к издателям, выступал с критикой отдельных периодических изданий.

Актуальность данной статьи обусловлена тем, что до сих пор не определены основные мотивы поэзии Г.Тукая, развиваемые в рамках различных тематических рядов. В частности, в научно-исследовательской литературе не получили всестороннего освещения мотивы, связанные с темой периодической печати. В большинстве случаев этот корпус стихотворений рассматривался как составная часть просветительской тематики.

Научная новизна статьи состоит в том, что в ней исследуются жанровые стратегии в стихотворениях, посвященных татарской периодической печати.

Целью статьи является функционально-семантический анализ мотивов в корпусе стихотворений, объединенных темой периодической печати, а также жанровый анализ стихотворений этой тематической группы.

Для реализации данной цели были поставлены следующие **задачи**: 1) определить корпус стихотворений, принадлежавших к теме периодической печати; 2) выявить мотивы стихотворений Г.Тукая, принадлежащих к данной тематической группе; 3) определить жанровую природу этих стихотворений.

Г.Тукай ещё в Уральске, будучи погруженным в повседневную журналистскую работу, хорошо понимал возможности и миссию национальной прессы. Им создаются сочинения, посвященные отдельным газетам и журналам и их издателям: «Однажды у нас Камил аль-Мутыги...» (1905), «Стихотворение» (1905), «Редактору» (1906), «Не только в честь газеты “Фикер”» (1906), «Корреспондентам журнала “Уклар” » (1906) и другие. Роль газет и журналов в просвещении и прогрессе нации, прославление людей, внесших большой вклад в их издание, стали одной из тем в творчестве Г.Тукая уральского периода.

Большинство стихотворений Тукая данной тематической группы представляют собой сочинения панегирического характера. В свое время, известный деятель татарской культуры первой трети XX века Дж.Валиди, характеризуя раннее творчество поэта, писал о том, что

ранние стихи Тукая не только по форме, но и по содержанию носили восточный характер, и начал он с панегириков. В новых исторических условиях, по словам Дж. Валиди, Тукай адресовал свои панегирики не религиозным деятелям, а авторам, редакторам, национальным деятелям [2, с.186].

Эта тенденция наблюдается уже в первых стихах Тукая. Приветствуя начало издания в Санкт-Петербурге газеты «Нур» (1905-1914), он пишет посвященное этому событию стихотворение «Стихотворение» (1905). Произведение написано в приподнятом духе как панегирик новому изданию. В нем преобладают мотивы, свойственные начальному этапу творчества Тукая: распространение знаний и просвещения, путь нации к прогрессу [5, с. 46-47].

Начало выхода в свет газет «Фикер» и «Тавыш», журнала «Уклар» также было встречено поэтом с восторгом («Не только в честь газеты “Фикер”, 1906; «Корреспондентам журнала “Уклар” », 1906).

Отдельные стихи Г. Тукай посвящает деятельности издателей, редакторов и рядовых сотрудников газет и журналов. Часть из них написана в восточном панегирическом стиле: в таких стихотворениях как «Однажды у нас Камил аль-Мутыги... » (1905), а также «Разумный... » («Решде вар... », 1906), «Редактору», (1906) и др. автор использует характерные для восточной поэтики приемы: лексика этих стихотворений (как и вся ранняя лирика поэта) изобилует арабо и персоязычными заимствованиями: *хәблел-мәдид* (долгая вервь), *би-хәблилләһи җәмига* ([держитесь] все за вервие Аллаха), *дөхтәриләр* (девушки), *тәфһим идәр* (разъяснит) («Однажды у нас Камиль аль-Мутыги...», 1905); использует коранические аллюзии (например, в стихотворении «Что говорят те, кто сотрудничает в «Эль-гаср-эль-джадиде»?» (1906) Тукай, возвеличивая всех прогрессивных людей, участвующих в издании и распространении первого татарского журнала, уподобляет их Исафилю (одному из четырех самых приближенных к Аллаху ангелов).

Другая часть стихотворений, посвященных теме периодической печати, носит либо сатирический характер, либо написана в духе инвективы. Таковы, например, стихотворения «Видели?» (1907) и «Богачу, спекулирующему типографией» (1907): в первом поэт дискредитирует журнал «Дөнья вә мәгыйшәт» (для дискредитации издателей и редактора журнала не стесняясь использует бранную лексику) [3, с.409], во втором – высказывает свое негативное отношение к Муртазе Губайдуллину, прекратившего деятельность татарских периодических изданий Уральска.

Жанровые стратегии, сформировавшиеся в уральский период творчества поэта, сохраняются и в стихотворениях казанского периода. Тема периодической печати нашла отражение в стихах «Из жизни редакции одной газеты» (1907), «То-сё» (1908), «Любовный стих – как конь деревянный...» (1908), «О журнале “Яшен”» (1909), «Двери приемной...» (1911), «Анг» (1912) и др.

В стихотворениях этого периода Тукай все так же восторженно встречает начало выхода новых газет и журналов («О журнале “Яшен”», 1909; «Анг», 1912). Правда, изменяется стилистика этих стихотворений: если в ранних стихах Г. Тукай активно использовал арабо и персоязычную лексику, то в названных произведениях она практически отсутствует, что свидетельствует об эволюции поэтического стиля Г. Тукая. Как и в ранних стихах, Тукай в этих произведениях выступает как критик негативных явлений в татарской общественной жизни («Из жизни редакции одной газеты», 1907).

В стихотворениях сатирического характера татарский поэт использует эстетические возможности жанра татарского фольклора «кыска җыр» («короткая песня»). Таковы его стихотворения «Двери приемной» (1911) и написанные в разные годы собрания «коротких песен», публиковавшиеся под названием «Авыл җырлары» (всего в период с 1908 по 1911 год Г. Тукаем было написано пять таких собраний). Первая часть таких «коротких песен» в большинстве случаев представляет собой традиционный фольклорный текст (семантически не связанный со второй частью); вторая – авторский текст, содержащий сатирические аллюзии на события, связанные с жизнью татарской периодической печати:

*Ак Иделнең аръягында атлар йөри чабында;
«Чүкеч» сабын кимреп жылый, «Яшен» суккан чагында [4, с. 12]
За рекой Белой резвятся кони;
«Чукеч» грызет свою рукоятку, когда «Яшен» мечет молнии.*

(Подстрочный перевод авторов статьи)

В приведенном в качестве примера фрагменте из стихотворения «Авыл жырлары (өченче көлтә)» (1909) присутствует сатирическая аллюзия на взаимоотношение двух известных в начале XX века сатирических татарских журналов – «Чукеч» и «Яшен». Очевидно, что в этом фрагменте Г. Тукай, используя прием языковой игры (поэт обыгрывает семантику названий журналов: слово «чүкеч» означает «молоток», «яшен» – «молния»), девальвирует деятельность одного из журналов и возвышает другой.

Таким образом, в стихотворениях Г. Тукая, объединенных темой татарской периодической печати, обнаруживаются две жанровые стратегии: в основе первой – восходящее к традициям средневековой восточной поэзии панегирическое восхваление деятелей татарской культуры, способствовавших открытию и развитию татарских газет и журналов; второй – сатирическое изображение их противников, а также инвектива, направленная против отдельных консервативных издателей.

*Статья написана при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики
Татарстан в рамках научного проекта № 18-412-160012*

Список литературы

1. Әгъзамов Ф. Тукай – журналист. Казан: Татар. кит. нәшр., 1986. 271 с.
2. Вәлиди Ж. Тукаев хакында берничә сүз // Тукай – ядкярләрдә: 2 томда / Төзүчеләр: Р.Ф. Исламов, Ж.С. Миңнуллин. Казан: Жыен, 2015. 2 т.: мәкаләләр, шигърьләр, төрлеләр. Б. 184-192.
3. Ибрагимов М. «Лишь служение народу признаю за счастье я...» (Поэзия Г.Тукая уральского периода) // Габдулла Тукайның тормыш һәм ижат хроникасы өчен материаллар (1886-1907) = Материалы к хронике жизни и творчества Габдуллы Тукая (1886-1907). Казань, 2018. С. 357- 411.
4. Тукай Г. Авыл жырлары (өченче көлтә) // Тукай Г.М. Әсәрләр: 6 томда / 2 т.: шигъри әсәрләр (1909-1913) /төз., текст., иск. һәм аңл. әзерл. З.Р.Шәйхелисламов, Г.А.Хөснетдинова, Э.М.Галимжанова, З.З.Рәмиев. – 2011. 384 б.
5. Ханнанова Г.М. Г.Тукайның башлангыч чор лирикасында матбугат темасы: төп мотивлар һәм жанр төрләре // Фәнни Татарстан. – 2018. – №3. – Б.46-53.

10.02.01 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

10.02.01

Л.Х. Галаева канд. филол. наук

Ингушский государственный университет,
кафедра ингушского языка,
Магас, galaeva-lema@mail.ru

СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ ОРНИТОНИМОВ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье отражены основные понятия лексической номинации слов, рассмотрены способы номинации птиц в ингушском языке.

Важным является тот факт, что изучение способов номинации дает возможность раскрыть закономерности образования наименований. Это, в свою очередь, способствует выяснению происхождения названий, утративших свои первичные значения.

Ключевые слова: орнитомы, принципы номинации, названия птиц, цветовые особенности, термины.

В ингушском языке орнитологическая лексика до сих пор не подвергалась комплексному изучению. Впервые предпринята попытка рассмотрения способов номинации орнитонимов в ингушском языкознании.

Способ номинации – это прием осуществления, реализации принципа номинации. Для создания новых слов используются различные способы. Одним из наиболее широко распространенных во всех языках способов номинации является прямой способ, образование наименования происходит непосредственно, путем прямого отражения признаков и особенностей предмета.

При всем сходстве принципов, тем не менее, “каждый язык имеет свою особую систему номинации” [1], располагает определенными номинативными средствами и способами, посредством которых именуются предметы.

В орнитологической лексике ингушского языка по принципам прямой номинации выделяются следующие группы:

1. В первую подгруппу входят названия птиц, в основу которых положен один из важнейших отличительных признаков птиц - **место их обитания**.

В наименованиях данной семы в качестве определительных компонентов чаще всего выступают:

а) меттига ц1ераш 'названия местностей', такие, как хьу 'лес': хьунхьазилг 'лесной щегол', хьункхопелгкотам 'лесная трехперстка', хьунц1олг 'зяблик', хьунмоакхьазилг 'лесная завирушка' и др.

лоам ^гора": лоаман аьрзи 'горный орёл', лоаман глаж 'горный гусь', лоаман ч1агарг 'горная ласточка', лоаман вирхьазилг 'юрок, вьюрок', лоаман готахьазилг 'горная трясогузка' и др.

берд, тарх 'скала': бердхьазилг 'скалистая овсянка', тархкхокха 'скалистый голубь', тархч1агарг 'скальная ласточка' и др.

г1омарал 'пустыня': г1омар хьаргла 'пустынный ворон', г1омарчкьорд 'пустынный жаворонок', г1омарбовлг 'пустынная совка', 'буланая совка', г1омармоаш 'пустынная куропатка' и др.

В зависимости от того, где обитают, гнездятся или где чаще всего бывают, птицы подразделяются на водоплавающих, наземных, болотных и т.д. В связи с этим выделяются орнитонимы, которые указывают именно на эту принадлежность. К примеру, названия с определяющими словами **лаьтта 'земля'**: лаьттан бекарг 'земляная кукушка', лаьттан хьазилг 'земляной воробей'; хий **'вода'**: хинхьазилг 'оляпка', хинсув 'крячка' и т.д.

Водоплавающие птицы, исходя из того, в каких именно водоемах они обитают, получили различные наименования, определяющими компонентами которых являются следующие лексические единицы:

хий 'река': хинбоабашк 'чибис', хинзарзар 'речной сверчок', хинбоабашк 'речная утка'.

ушал 'болото': ушалкер 'болотный лунь', ушалбов 'болотная сова', ушалзхъазилг, 'камышница', ушалкотам 'болотная курица', ушалбоабашк 'лысуха' и др.

форд 'море': фордаоалхазар 'морская чайка', фордаързи 'орлан', фордаглаж 'лебедь-кликун', 'кайра', фордагламарбоабашк 'морской песочник', фордакотам 'гагара' и др.

б) баъцовгла цлеш 'названия растительности':

буц 'трава': баъцамелъа 'коростель', баъцахилг 'зеленушка' и др.

эрз 'камыш': эрзкотам 'камышница', эрзсихсарг 'пеночка-камышевка', эрзхъазилг 'камышевка' и др.

Во вторую подгруппу входят наименования, мотивацию которых составляет признак - **ареал распространения**. В качестве определяющего компонента выделены названия:

фордаш 'морей': каспера довха 'каспийский улар' и др.

глайренаш 'островов': Филиппинера маймалашдуарг 'филиппинский обезьяноед', гавайера шоршал 'гавайский дрозд, гимаалаера вирхъазилг 'гималайский вьюрок' и др.

хиш 'рек': амазона дистбларалелхарг 'амазонский попугай' и др.

частей света: глайбухъера фордазлок 'северная олуша', махбоалехъа новцлог 'восточный соловей', къулбехъара новцлог 'южный соловей' и др.

3. Дуача хламага хъежжа цлеш 'наименования птиц, образованные в связи с особенностями питания'

Данный тип семантической мотивированности включает такие широко употребляемые орнитонимы, аързи-фуашдуарг 'орел-яйцаед', сира кхопашъюарг 'серый личинкоед', чкъаърийдуарг 'цапля', чкъаърий дуа бов 'рыбная сова', чкъаърий дуа миккхал 'рыбный филин' и т.д.

Кроме того, в орнитологической лексике немало общих наименований и названий семейств, указывающих на объект питания. В основном образованы они по схеме «**объект питания + глагол даа**». К примеру, маймалашдуарг 'обезьяноед', чкъаърий дуа бов 'рыбная сова, чкъаърий дуа миккхал 'рыбный филин' и т.д.

В некоторых орнитонимах указывается не только объект, но и способ питания, что наблюдается в таких названиях птиц, как модзхъазилг 'медосос', модзлувшарг (от глагола лувш 'сосать'; букв. 'мед сосет'), 'медосос';

4. Бессага хъежжа цлеш 'наименования птиц, образованные в соответствии с цветовыми особенностями'

Необходимо отметить, что в орнитонимах цвет - одна из самых важных описательных характеристик птиц. Самыми распространенными в орнитонимах ингушского языка оказались следующие цвета:

клай 'белый': клай глайрглаж 'лебедь', клай сигалхийкхухъарг 'белый аист', клай глаж 'белый гусь', клай глайрагла 'белый журавль', клай моаша 'белая куропатка', клай бов 'белая сова' и др.

лаържа *^черный': лаържа мецхилг 'черный стриж', лаържа къайг 'черная ворона', лаържа сигалхийкхухъарг 'чёрный аист', лаържа чкъорд 'чёрный жаворонок', лаържа маккхал 'чёрный коршун', лаържа шоршал 'чёрный дрозд' и др.

цле'красный': цле глаж 'огарь', цле маккхал 'красный коршун', цле жалкъорг 'красная шурка', цле кер 'красный ястреб', цле гоамазлок 'красный фламинго' и др.

мора, бора'бурый, коричневый': бора злокалгали 'бурый пеликан', мора куриша оалхазар 'коричневый калао', бора петархъазилг 'бурый пуховка', бора кхокха 'бурый голубь' и др.

кера 'рыжий': кера бов 'ястребиная сова', кера лаба 'рыжий сокол', кера хъазилг 'рыжий воробей', и др.

лажагла 'желтый': лажагла готахазилг 'жёлтая трясогузка'.

сира 'серый': сира алг1ашк 'серый скворец', сира сийлг 'серая славка', сира чкъярийдуарг 'серая цапля', сира ц1ирц1ир 'серая синица', сира чкъярд 'серый жаворонок', сира боабашк 'серая утка', сира фордаолхазар 'серая чайка';

Рассмотрены некоторые названия птиц, в основе которых лежит цвет оперения птицы. Кроме того, в ингушском языке очень много орнитонимов основой которых является цвет, характерный только для какой-нибудь определенной части тела птицы. В связи с этим выделяется вторая подгруппа, куда относятся названия птиц, образованные по модели *«родовое название» + «видовое название, представляющее собой характерный цвет какой-либо части тела птицы»*. [2] Такие орнитонимы появились, в основном, вследствие калькирования русских названий птиц. Некоторые из них заимствованы русским языком из европейских языков. Итак, различными цветообозначениями выделяются в орнитонимах ингушского языка следующие части тела птиц:

а) корта 'голова'

В этой подгруппе преобладают белый, красный, черный, желтый, рыжий, синий цвета. Например, корта-1ажаг1а готахъазилг 'желтоголовая трясогузка', корта 1аържа сийлг 'черноголовая славка', корта-сира-маълхахъазилг 'седоголовая овсянка', крта-ц1е-хенахц1окъеттарг 'красноголовый дятел',

б) ц1ог 'хвост'

Самыми распространенными из положенных в основу наименований оказались белый, красный, синий цвета, что наблюдается в орнитонимах ц1ец1огдарг 'горихвостка', к1айц1огдола аързел 'орлан белохвост', сийнац1огдарг 'синехвостка' и т.д.

д) ткъам 'крыло': ткъам-баъцара бирг1а 'зеленокрылый трубач', ткъам-к1ай бирг1а 'белокрылый трубач', ткъам-ц1е ц1огдоацарг 'краснокрылый тинаму',

ткъам-к1ай гоалз1окарг 'белоголовый клест' и т.д.

ж) букъ 'спина': букъ-к1ай хенахц1окъеттарг 'белоспинный дятел', кара букъ-1аържа тушоллотам 'черноспинный удод', букъ-1ажаг1а чолхахъазилг 'желтоспинная мухоловка', букъ-ц1е чкъярий дуа бов 'темноспинный альбатрос' и др.

Таким образом, как показывает языковой материал, мотивационные признаки орнитонимов разнообразны и многочисленны. Самыми значительными оказались следующие признаки, по которым названы птицы: место обитания, цвет оперения, объект питания, величина, особенности частей тела и т.д.

Список литературы

1. *Торопцев И.С.* Лексическая мотивированность // Уч. зап. Орловск. пед. ин-та. Т. 22. 1964. С.76-77
2. *Сафина Э.И.* Названия птиц в татарском языке. Автореф. диссер. к-та. фил. наук. Казань-2005,
3. *Языкознание. Большой энциклопедический словарь.* М.:Большая Российская Энциклопедия,1998.

10.02.01

Ф.Г. Фаткуллина д-р филол. наук, Л.М. Салимова канд. филол. наук, Д.К. Саяхова

Башкирский государственный университет,
Факультет башкирской филологии и журналистики,
кафедра русской и сопоставительной филологии,
Уфа, fluzarus@rambler.ru; sali-lira@yandex.ru; dsayakhova@gmail.com

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ТЕКСТОВ МАССМЕДИА

В статье рассматриваются особенности изучения текстов современных СМИ с точки зрения лингвокультурологии. Подчеркивается, что при всём многообразии точек зрения на методы изучения языка СМИ можно обнаружить нечто объединяющее их, а именно – признание стилистического своеобразия массмедийного текста, ориентированного на передачу социально значимой информации, представленной как выражение языковыми средствами жизненной позиции автора.

Ключевые слова: *массмедийные тексты, публицистический стиль, медиалингвистика, лингвокультурология, образ автора.*

В последние годы особую актуальность приобретает изучение языка СМИ, что связано с признанием их ведущей роли в формировании мировоззрения граждан и в целом – общественного мнения. СМИ занимают центральное место в общественной и языковой жизни, взаимодействуют с социальными институтами, с родами и видами литературы и, самое важное, – влияют на литературную речь во всем её многообразии. В последние десятилетия, «говоря о роли СМИ в динамике языковых процессов, необходимо подчеркнуть, что мы имеем в виду не только и не столько изменения, вызванные внедрением новых информационных технологий, сколько качественные преобразования в общей лингвокультурной ситуации», – утверждает Т.Г. Добросклонская [1, 11].

Отметим здесь давно признанный учёными факт обновления языка современности через сферу средств массовой информации. С другой стороны, язык СМИ, тематически не ограниченный, включает в себя и культуру. Таким образом, «взгляд на язык как фактор культуры, обладающий способностью отражать, сохранять и накапливать культурозначимую информацию, а также влиять на динамику культурного контекста, имеет огромное значение для анализа текстов массовой информации» [1, 221]. В этой связи следует подчеркнуть особую значимость культурологического подхода к толкованию текста массовой коммуникации, который позволяет выявить общие и специфичные черты культуры отдельных наций и всего человечества в целом.

В нашей статье, выполненной в рамках лингвокультурологии, особое внимание уделяется рассмотрению особенностей языковой картины мира, представленной в текстах массмедиа. На наш взгляд, СМИ – это ключевой фактор в создании современной картины мира, поскольку именно в них отражается многообразие сегодняшнего мира в том или ином медиаформате. Здесь следует отметить некоторое пересечение понятий «языковая картина мира», «публицистическая картина мира» и «информационная картина мира». Публицистическая – создаётся языковыми средствами, отражает позицию автора медиатекста, формирует мировосприятие носителя языка и в то же время влияет на литературный язык, а информационная – отражает национально-культурные особенности мировосприятия и систему ценностей.

Рассмотрим подробнее важнейшие категории массмедийного текста.

Автор в публицистике играет подчеркнуто доминирующую роль, именно его мировоззрение, жизненная позиция, желание поделиться с читателем социальной информацией, рассмотренной с определённой точки зрения, можно считать «стилеобразующим компонентом содержательной структуры всего текста» [2, 58], точнее – «важнейшей стилеобразующей категорией публицистического текста» [5, 458]. Эффективность публицистической речи, по наблюдениям Н.И. Клушиной, зависит не только от эксплицитного выражения авторской позиции, «... но и от имплицитных стратегий и тактик убеждения, умелого использования лингвистических приемов воздействия, намеренно выбранных авторов для воплощения своей интенции, но не замечаемых адресатом, как правило, "бессознательно", интуитивно относящимся к языку и воспринимающим любой публицистический текст как объективное изложение фактов действительности» [3, 80]. Присутствие автора в тексте ощущается также благодаря использованию прецедентных феноменов, процесс включения которых в язык СМИ последние годы активизировался (заголовки прецедентных текстов в виде фразеологических единиц, паремий, крылатых выражений, известные современникам – пользователям – части рекламных текстов, литературные строки, строчки из песен и под.).

Важнейшей задачей автора в процессе создания публицистического текста признаётся выбор точного слова, способного убедить, подтвердить, доказать или опровергнуть то, что, на взгляд публициста, недостоверно. Публицистика располагает разного рода лексемами, которые активно используются авторами при создании публицистической картины мира: публицистическими терминами, публицистическими метафорами, ономастическими метафорами и ярлыками.

Таким образом, автор массмедийного текста – это сложная категория, которая как языковая личность умеет создавать тексты и характеризуется отношением к действительности и связанным с ним отношением к речи. При анализе понятия «автор» необходимо учитывать прежде всего родовые, типические черты категории «автора», которые создаются временем». Следовательно, понятие «автор-публицист» определяет как стиль конкретных текстов, так в целом и стиль эпохи, того или иного периода.

Автор выступает как средоточие экстра- и интралингвистических факторов, благодаря чему осуществляется его воздействие на язык и речь. В речи ярко отражаются индивидуальные языковые особенности личности, её своеобразная стилевая манера [6]. Т.Г.Добросклонская отмечает, что в рамках медиалингвистики как междисциплинарной области знания «... при изучении медиаречи исключительное значение приобретает лингвокультурологический подход или уровень описания» [1, 223], в частности весьма употребительным можно назвать термин «"культурологический контекст". Описание культурологического контекста текста массовой коммуникации состоит из рассмотрения материала нескольких уровней – денотативного, коннотативного, ассоциативного, метафорического.

В современной медиалингвистике тексты СМИ анализируются с точки зрения выполнения им функции воздействия. Идеологемой можно назвать воздействие языковыми средствами на читателя с помощью заранее выбранной идеи. В этом случае следует отметить некоторую близость, но не тождественность понятий «идеологема» и «концепт»: «Основное отличие идеологемы от концепта лежит в заданности идеи, её обращённости в будущее, в то время как концепт складывается исторически, постфактум и обладает исторической семантикой, воплощенной в его "этимологической памяти"» [3, 82].

Далее, изучение убеждения с помощью оценки опирается на стилистическую концепцию о социальной оценочности медийного публицистического текста.

Важнейшей задачей автора в процессе создания публицистического текста признаётся выбор точного слова, способного убедить, подтвердить, доказать или опровергнуть то, что, на взгляд публициста, недостоверно. По определению Н.И.Клушиной, «публицистическая номинация включает в себя часть знаний об объекте, которая, будучи воспринятой

адресатом, перерабатывается его сознанием и становится частью его индивидуальной картины мира» [3, 92]. Среди отличительных черт языка газеты Г.Я.Солганик называет социальную оценочность, коммуникативную общезначимость, особый характер экспрессивности.

Автор публицистического текста часто использует в качестве средства привлечения внимания, убеждения и воздействия на читателя прецедентные феномены. Лингвистические наблюдения над прецедентностью в массмедиа показывают, что это явление двустороннее. С одной стороны, использование прецедентных феноменов характеризует языковую личность создателя текста, с другой – как элемент языковой игры автора, своеобразной проверкой знаний культурного фонда пользователей.

Публицистика располагает разного рода лексемами, которые активно используются авторами при создании публицистической картины мира: публицистическими терминами, публицистическими метафорами, ономастическими метафорами и ярлыками. «Всё это передается через риторико-композиционные приёмы построения текста ..., которые не только вмещают в себя авторское эмоциональное восприятие описываемых событий, но и оказывают мощное воздействие на психоэмоциональную сферу личности адресата, так как являются средствами суггестивного влияния на подсознание читателя» [3, 98].

Итак, публицистический текст всегда обладает воздействующим характером, что находит выражение в парадигме лингвистических стратегий убеждения. Анализ этих средств может стать ещё одним аспектом изучения публицистического текста. Для характеристики личности автора публицистического текста важно оценить степень близости с читателем, обладающей способностью усилить убедительность произведения, его действенность. Таким образом, наблюдения над языком публицистического произведения содержат интересный материал для описания языковой личности его автора.

Перечисленные аспекты изучения языка текстов массовой коммуникации представляют несомненный научный интерес и определяют дальнейшие пути развития антропоцентрически ориентированной лингвистики (в том числе и медиалингвистики).

Список литературы

1. *Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: Уч. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 264 с.
2. *Кайда Л.Г.* Эффективность публицистического текста. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 183 с.
3. *Клушина Н.И.* Публицистический текст в прагматическом аспекте // *Язык массовой и межличностной коммуникации.* – М.: Медиа-Мир, 2007. – 576 с.
4. *Лисоченко О.В.* Риторика для журналистов: прецедентность в языке и речи: Уч. пособие. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 318 с.
5. *Солганик Г.Я.* Общая характеристика языка современных СМИ в сопоставлении с языком СМИ предшествующего периода // *Язык массовой и межличностной коммуникации.* – М.: Медиа-Мир, 2007. – 576 с.
6. *Фаткуллина Ф.Г.* Основные функциональные признаки медиатекста // *Межкультурная ↔ Интракультурная коммуникация: теория и практика обучения.* – Уфа, РИЦ БашГУ, 2013. – С. 414-420.

10.02.01

Г.Р. Фахарова канд. филол. наук

Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма,
факультет сервиса и туризма,
кафедра иностранных языков и языкознания,
Казань, gylnara86fah@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В ФОРМУЛАХ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА
(НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.А. БУНИНА)**

В статье анализируются особенности функционирования глаголов межличностных отношений в формулах речевого этикета на примере произведений И.А. Бунина. Актуальность данного исследования обусловлена изучением глагольных форм с позиции лингвистики текста. Обращение к текстам произведений И.А. Бунина позволяет воссоздать многослойную картину взаимоотношений между людьми и выявить особенности авторского стиля.

Ключевые слова: глаголы межличностных отношений, формулы речевого этикета, положительное отношение.

Лексико-семантическая группа глаголов межличностных отношений, с одной стороны, отличается частотностью употребления, так как конструирует жизненно важные типовые ситуации, с другой – она несет на себе отпечаток национального и индивидуально-авторского мировидения, в силу чего концентрация на этой лексико-семантической группе представляется актуальной.

Изучению особенностей функционирования глаголов межличностных отношений посвящены работы Т.П. Акимовой [1], Н. А. Гоголиной [5], М.В. Румянцевой [8], Г.Р. Фахаровой [9], М.В. Фроловой [10] и др.

Целью данного исследования является описание особенностей функционирования глаголов межличностных отношений в формулах речевого этикета на примере произведений И. А. Бунина. Новизна работы связана с выявлением особенностей авторского употребления языковых средств.

В последнее время исследователи проявляют повышенный интерес к вопросам русского речевого этикета. В частности, работа А.Г. Балакая посвящена принципам описания русского речевого этикета [2], в исследовании О.Н. Коломыцевой русский речевой этикет выступает средством формирования языковой личности [6], в работе Н.И. Формановской рассматриваются коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения.

В ходе исследования были отмечены случаи особого употребления глагольных конструкций в форме вежливого обращения, вежливой просьбы, несогласия, а также этикетные формулы, выраженные преимущественно формой императива глаголов межличностных отношений *благодарить, извинить (извиниться/извиняться), изволить, помиловать, простить*. В составе формул речевого этикета они выполняют особую коммуникативную функцию, т.к. являются средством установления и поддержания контакта в общении. Употребление данных глаголов не только выражает отношение говорящего к адресату речи, но и указывает на социальный статус, классовую принадлежность участников общения.

Нами отмечены случаи употребления глаголов межличностных отношений в формулах речевого этикета, отобранных из текстов И.А. Бунина, которые описаны с точки зрения различных мотивировок выражения положительного отношения:

1) поздравление: *Улыбается рассеянно, будто занятая только своим делом: – С чем вас и поздравляю* [4, с. 526]. Как правило, положительное отношение к адресату выражается говорящим с помощью словесной формулы *поздравляю*, которую принято произносить в том случае, когда происходит событие, приятное для адресата. В приведенном контексте глагол *поздравляю*, используемый в речи замужней женщины по отношению к другу мужа, имеет несколько ироничный оттенок.

2) благодарность: *Благодарю и Вас за то, что Вы дали мне возможность выдумать Вас* [4, с. 92]. Положительное отношение к адресату выражается с помощью словесной формулы *благодарю*, которая произносится, как правило, в том случае, когда произошло приятное для говорящего событие, инициатором которого стал адресат. В приведенном примере героиня в письмах выражает благодарность автору книги за возможность написать ему о своих чувствах и переживаниях.

3) извинение: *Извините, образовалась привычка говорить с гостями по-французски* [4, с. 458]. Положительное отношение к адресату выражается говорящим с помощью словесных формул, которые принято произносить в том случае, когда происходит неприятное для адресата событие, инициатором которого является говорящий.

Категориально-лексическая сема «межличностные отношения» в основных значениях выражается глаголами *извинить* «то же, что простить» [7, с. 239], *простить* «не поставить в вину чего-нибудь, забыть вину, обиду» [7, с. 621]. Глаголы сохраняют эту сему в формулах речевого этикета.

Форма императива глагола *простить* может использоваться при обращении к кому-либо как выражение сожаления о причиненном беспокойстве, огорчении и т.п.: *Я потерялся еще более, с излишней горячностью и изысканностью воскликнул: «Ах, простите, ради Бога!» - и, не оглядываясь, полетел вниз по улице, к базару, с единственной мыслью поскорее заняться хотя бы беглым просмотром книги и выпить чаю в трактире* [3, с. 341]. Нами отмечены случаи, в которых высказывание с глаголом *простить* наряду с интенцией извинения имеет еще одну цель: просьбу. Например, в предложении *Вы меня простите, для занятий литературой нужны и средства к жизни, и большое образование, а что ж у вас есть?* [3, с. 355] на положительное отношение указывает также форма императива множественного числа *простите*. *А у вас замечен хороший талант, и впечатление вы производите, простите за откровенность, очень приятное* [3, с. 355] – в приведенном контексте средством выражения положительного отношения к адресату является, кроме формы повелительного наклонения множественного числа, конкретизатор *простите за откровенность*.

Глагол *изволить* используется И.А. Буниным в разных значениях в зависимости от ситуации общения. В контексте *Чего изволите?* – спросил извозчик [4, с. 41] данный глагол имеет значение «хотеть, желать» [7, с. 239] и выражает готовность к безусловному подчинению, а в предложении *Одним словом, извольте сию же минуту дать мне то, что я требую!* [4, с. 31] – обозначает строгое побуждение к действию. В предложении *Добро пожаловать, ваше превосходительство. – сказала она. – Покушать изволите или самовар прикажете?* [4, с. 362] этикетное выражение *покушать изволите* обозначает вежливо-смиренное отношение к человеку, принадлежащему иному, более высокому социальному классу.

В произведениях И.А. Бунина отмечены случаи употребления в формулах речевого этикета глагола *позволить*, который используется при вежливом обращении с просьбой разрешить сделать что-либо (смягчение просьбы): *Позвольте от души пожелать вам успеха и посоветовать не манкировать собой* [3, с. 354].

Этикетное выражение *покорнейше благодарим* обозначает почтительно-вежливое или вежливо-смиренное обращение к кому-либо с благодарностью: *Я напишу бессмертную вещь!*

И я подарю ее тебе. – Покорнейше благодарим, – ответил коридорный [4, с. 40]. Необходимо отметить, что данную этикетную формулу применяют в речи герои, принадлежащие более низкому социальному классу. В приведенном контексте данная фраза используется коридорным по отношению к художнику.

В произведениях И.А. Бунина отмечено употребление исследуемых глаголов в формулах речевого этикета. В большинстве случаев данные глагольные формы используются в качестве средства речевой характеристики персонажа, т.е. выполняют характеризующую функцию. Таким образом, И.А. Бунинным проводится четкая граница между представителями разных социальных классов, т.к. для каждого социального класса характерны определенные особенности речевого поведения.

Список литературы

1. *Акимова Т.П.* Коммуникативно-прагматические особенности глаголов межличностных отношений: дис. канд. филол. наук: Волгоград, 2003. 272 с.
2. *Балакай А.Г.* Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.01. – Новокузнецк, 2002. – 345 с.
3. *Бунин И.А.* Окаянные дни: Повести. Рассказы. Воспоминания. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 640 с.
4. *Бунин И.А.* Темные аллеи: Повести. Рассказы. М.: Изд-во Эксмо, 2007. 608 с.
5. *Гоголина Н.А.* Лексико-семантическая группа глаголов межличностных отношений (на материале русского литературного языка XIX-XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1986. 18 с.
6. *Коломыцева О.Н.* Русский речевой этикет как средство формирования языковой личности: монография / О.Н. Коломыцева. – Орел: ОрелГТУ, 2007. – 115 с.
7. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
8. *Румянцева М.В.* Семантика и функции глагольных предикатов межличностных отношений в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: СПб, 1997. 18 с.
9. *Фахарова Г.Р., Нуруллина Г.М.* Семантические особенности глаголов межличностных отношений в произведениях И.А. Бунина // Филология и культура. *Philology and culture*. 2017. № 3(49). С. 85–90.
10. *Фролова М.В.* Функционирование глаголов межличностных и социальных отношений в произведениях русской литературы 20-х гг. XX века (на материале текстов А.П. Платонова и М.А. Булгакова): автореф. дис. ... канд. филол. наук: Волгоград, 2008. 18 с.
11. *Формановская Н.И.* Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н.И. Формановская. – Москва: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1998. – 291 с.

10.02.01

И.В. Шерстяных канд. филол. наук

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»,
Педагогический институт,
кафедра филологии и методики,
Иркутск, irkinna@yandex.ru

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТАТУС СЛОВ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена современному осмыслению грамматического статуса слов категории состояния в современном русском языке. В работе обзорно представлены особенности квалификации слов категории состояния в научной, лексикографической литературе и в школьном курсе русского языка. В научной лингвистике, вузовской и школьной грамматиках нет терминологического единообразия и согласованности относительно квалификации лексико-грамматической природы слов категории состояния, а также их устойчивого статуса среди других частей речи, что негативно отражается на школьной лингводидактике и итогах обучения.

Ключевые слова: диахронная трансформация, переходность, трансформационный потенциал, слова категории состояния, вторичная часть речи.

Выделение слов категории состояния (далее СКС) в отдельную часть речи до сих пор остается в лингвистике дискуссионным. Относительно грамматического статуса СКС в современной лингвистике существуют две точки зрения: 1. СКС должны рассматриваться как отдельная самостоятельная часть речи (В. В. Виноградов, Е. М. Галкина-Федорук, Н. С. Пospelов, А. Н. Тихонов и др., вузовские грамматики). 2. СКС нельзя рассматривать как часть речи. Подобного рода лексемы включаются в состав наречий, имен прилагательных и существительных на правах особых групп слов в каждой из названных частей речи (Д. Н. Овсяннико-Куликовский, В. Н. Мигирин, И. Г. Милославский и др., академические грамматики).

Различные взгляды ученых на частеречную принадлежность СКС привели к разнобою в терминологии для обозначения данного класса слов. В настоящее время в метаязыке русской грамматики и в практике учебного процесса в вузе и школе употребляется несколько терминов: «категория состояния» (термин, введенный Л. В. Щербой [11, с. 74]), «слова категории состояния», «безлично-предикативные слова», «имя состояния», «предикативы», «предикативные наречия», «бессубъектные прилагательные». Названные термины по-разному определяют статус СКС: термины «категория состояния», «слова категории состояния», «имя состояния» подчеркивают лексическое значение этой части речи, термин «безлично-предикативные слова» указывает на синтаксическую функцию данных слов. Термин «предикативы» представляется неточным, т. к. используется для характеристики синтаксического явления (в роли предикатива, как известно, могут употребляться разные знаменательные слова). Термины «предикативные наречия», «бессубъектные прилагательные» в своем названии содержат отрицание частеречной самостоятельности СКС.

Проблема грамматического статуса СКС не получила однозначного решения и в лексикографической литературе: в словарях русского языка используются многочисленные варианты словарных помет для обозначения слов рассматриваемого лексико-грамматического класса: *предик. безл.* [1], *в функц. безл. сказ.* [2], *предикатив* [4], *безл.-пред. сл.* [10].

Вопрос о грамматическом статусе СКС напрямую связан с явлением переходности в языке и речи. Проблема переходности в области частей речи является одним из ключевых и

одновременно спорных вопросов морфологии современного русского языка, представляющих определенные трудности для усвоения его обучающимися.

Переходность рассматривается как «диахронная трансформация, в результате которой слово из одной части речи переходит в другую, полностью (реже – в основном) сохраняя свой звуковой и графический облик, при этом утрачивая дифференциальные признаки исходной части речи и приобретая дифференциальные признаки новой части речи» [9, с. 19].

Диахронная трансформация обуславливает появление в языке вторичных частей речи, представляющих собой исторически сформировавшиеся на базе взаимодействия двух или более частей речи лексико-грамматические классы слов. Рассматриваемый лексико-грамматический разряд СКС являет собой пример групповой переходности, до сих пор не представляющий вполне оформившейся части речи. Категория состояния образована и продолжает пополняться за счет процесса предикативации – перехода в разряд СКС слов из других лексико-грамматических разрядов.

«Принято считать, что в наибольшей мере подвергаются предикативации слова с качественным значением» [10, с. 58], поэтому наибольшее количество СКС омонимично кратким прилагательным ср. р. и наречиям на -о (типа *весело, трудно, пасмурно, жарко, досадно, удобно, сыро, ветрено, пыльно, тепло, приятно* и т. п.). Ср.: *Вернее, мне **тяжело** оценка состояния, СКС простить* зависимый инфинитив *и отпустить* зависимый инфинитив *человека в душе, как раньше* (Запись LiveJournal); *Его уход и последующую свадьбу я пережила **тяжело** признак действия, нареч. (О. Зуева); Если устраивать перестанет, то уйду со школы, хоть это будет и **тяжело** признак предмета, прил. для меня* (коллективный. Форум: Мужчина в школе).

СКС, омонимичные кратким прилагательным ср. р. и наречиям на -о, как и исходные формы способны образовывать степени сравнения. Ср.: *Чем **угрюмее** прил. были тучи, волочившие по земле мокрые обтрепанные подошвы, чем **холоднее** прил. дожди, тем **свежее** СКС становилось на сердце, тем **легче**, нареч. как бы сами по себе, ложились на бумагу слова* (К. Паустовский).

В СКС способны переходить имена существительные, обозначающие морально-этическую оценку (*грех, стыд, позор, срам, смех, мука, ужас и под.*), модальную оценку, модально-волевые характеристики (*охота, неохота, лень, неволя*), необходимость действия или проявления воли с точки зрения времени его свершения (*пора, время, досуг, недосуг*), состояние, решающее судьбу кого-, чего-либо (*каюк, капут, крышка*). Ср. омонимичные формы в предложениях: *За что другим счастье, а мне **беда** предметность, сущ. и обман?* (А. Арбузов); *Ох, **беда** оценка состояния, СКС мне с этим переездом!* (В. Бурлак); *Нет, ну опять же прошу дать мне **время**. предметность, сущ. (О. Тимофеева); Летняя **охота** предметность, сущ. на медведя обычно ведется тремя способами: с капканами, с лабазов, с собаками* (В. Тендряков); *Сейчас ему **охота** оценка состояния, СКС писать картины маслом и акварелью* (Д. Рубина); *Мне **время** оценка состояния, СКС тлеть, тебе цвести* (А. Пушкин); – *Ты что! – закричала в ответ Нина Михайловна, начав ни с того ни с сего подпрыгивать, как **крышка** предметность, сущ. на чайнике* (А. Волос); *Если не найдут буксира, чтобы увел нас на рейд, **крышка** оценка состояния, СКС нам* (Н. Тэффи).

В состав СКС следует включать предикативы с исходной формой, выраженной кратким причастием ср. р., как правило, характеризующим состояние окружающей среды: *Очень Знаменитый Поэт повернул ключ, распахнул дверь, щелкнул выключателем – в номере было как-то особенно, по-гостиничному, пусто, **накурено** состояние, СКС и **намусорено** состояние, СКС* (В. Лавришко). В данном случае можно говорить о полной предикативации.

Предикативации подвергаются наречия, образованные от основ существительных или глаголов, типа *невмочь, невдогад, не под силу, невтерпеж, под стать* и др. Ср.: *А сама вся так и вспыхнула; мне тогда это **невдомек**, признак предмета, нареч. да после припомнил* (И. Кокорев); *И **невдомек** оценка состояния, СКС было людям, что они сами накликали беду, уничтожив змей* (А. Михайлова).

СКС как часть речи, представляя собой чисто славянское явление, до сих пор находятся в

процессе становления, трансформационный потенциал их образования свидетельствует о продуктивности данного класса слов.

Как показывает опыт преподавания раздела «Морфология современного русского языка», определенные трудности для обучающихся традиционно представляет определение такой части речи, как СКС.

В рамках решения задач исследования нами был проведен контрольный срез, в котором приняли участие студенты 1-2 курсов Педагогического института Иркутского государственного университета. Участникам было предложено определить, какой частью речи является выделенное слово в предложениях: 1. *Он лукаво улыбнулся и значительно взглянул на меня. – Вы, **верно**, недавно на Кавказе? – С год, – отвечал я* (М. Лермонтов); 2. *Сведения его в языках были неисчерпаемы; чувство красот пылко и **верно**, слух его не проронял ни одного сладостного звука...* (А. Бестужев-Марлинский); 3. ***Верно** учили Иосифа в детстве: «неисповедимы пути Твои, Господи!»* (А. Солженицын); 4. *Кстати, скажи: **верно** ли, что ты явился в Еришалаим через Сузские ворота верхом на осле, сопровождаемый толпою черни, кричавшей тебе приветствия как бы некоему пророку* (М. Булгаков); 5. *Стало быть, вот ты – Димка. – **Верно**, я. – Ну, здравствуй Димка* (М. Сергеев).

Наибольшую трудность представило определение частеречной принадлежности выделенного слова в 4-м и 5-м предложениях (СКС и частица соответственно). Правильно определить части речи в этих предложениях смогли лишь 10 % опрошенных. Как видим, неопределенность грамматического статуса СКС сказывается и на практических результатах обучения русскому языку в вузе и школе.

Нами проанализированы школьные учебники русского языка, входящие в федеральный перечень учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования, с точки зрения решения вопроса о частеречной принадлежности СКС. Результаты анализа представлены в таблице.

Таблица

Грамматический статус слов категории состояния в школьной грамматике

№	УМК	Класс	Квалификация СКС
1.	УМК Т.А. Ладыженской	7	Категория состояния – самостоятельная часть речи, которая обозначает состояние (природы, окружающей среды, физическое или душевное состояние человека) [8, с. 127].
2.	УМК А.Д. Шмелева	7	Слова категории состояния – это неизменяемые слова, обозначающие состояние живого существа или окружающей среды и выполняющие роль сказуемого в безличном предложении [5, с. 174].
3.	УМК Е.А. Быстровой	6	В русском языке есть группа неизменяемых слов, сходных с наречиями. Они обозначают состояние человека (душевное, физическое), природы, окружающей среды: <i>Мне скучно. Сегодня пасмурно. На улице темно.</i> К этой группе относятся также слова можно, нельзя, надо, стыдно, совестно, жаль, пора и др. Такие слова называют словами категории состояния . Некоторые ученые считают эти слова самостоятельной частью речи [3, с. 114].
4.	УМК М.М. Разумовской	7	Среди наречий выделяется группа слов, которые обозначают состояние: состояние человека, состояние природы, окружающей среды [7, с. 90]. Подобные слова ученые-лингвисты считают

			самостоятельной частью речи, которую называют категорией состояния [7, с. 91].
5.	УМК Л.М. Рыбченковой	7	От наречий следует отличать слова категории состояния, которые являются словами самостоятельной части речи. Слова категории состояния могут обозначать состояние природы (<i>морозно, ветрено</i>), обстановки (<i>чисто, уютно</i>), различные оттенки внутреннего или физического состояния человека (<i>обидно, весело, больно</i>) [6, с. 108-109].

Как видим, СКС квалифицируются в школьных учебниках по-разному. В УМК Т.А. Ладыженской и А.Д. Шмелева СКС как самостоятельная часть речи изучаются отдельно. В УМК М.М. Разумовской, Е.А. Быстровой, Л.М. Рыбченковой СКС рассматриваются при изучении темы «Наречие». Во всех проанализированных УМК отмечаются такие признаки СКС, как категориальное значение состояния, неизменяемость, возможность образования сравнительной степени, употребление с глаголами-связками, функция сказуемого в безличном предложении.

В учебнике А.Д. Шмелева обращается внимание на возможность омонимии СКС с другими частями речи. Обучающимся предлагается подумать, «со словами каких частей речи можно перепутать слова категории состояния» [5, с. 174] и вспомнить, «как называется лексическое явление, когда совпадают формы слов» [5, с. 174].

Таким образом, проблематика СКС заключается в том, что нет единого мнения о том, являются ли эти слова самостоятельной частью речи; нет общепризнанного термина для обозначения данного класса слов; нет однозначного решения об объеме и границах лексико-семантического класса СКС; нет единства мнений относительно лексико-семантических групп СКС; недостаточно определены их грамматические признаки.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь омонимов русского языка. – М.: Русск. яз., 1986. – 448 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2008. – 1536 с.
3. Быстрова Е.А. Русский язык: учебник для 6 класса общеобразовательных учреждений: в 2 ч. Ч. 2 / Е. А. Быстрова, Л. В. Кибирева, Ю. Н. Гостева, Е. С. Антонова; под ред. Е. А. Быстровой. – М.: ООО «Русское слово – учебник», 2014. – 208 с.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русск. яз., 2001. – 1232 с.
5. Русский язык. 7 класс: учеб. для общеобразоват. организаций / А. Д. Шмелев, Э. А. Флоренская, Л. О. Савчук, Е. Я. Шмелева; под ред. А. Д. Шмелева. – М.: Вентана-Граф, 2016. – 400 с.
6. Русский язык. 7 класс: учеб. для общеобразоват. организаций / Л. М. Рыбченкова, О. М. Александрова, О. В. Загоровская и др. – М.: Просвещение, 2014. – 207 с.
7. Русский язык. 7 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений / М. М. Разумовская, С. И. Львова, В. И. Капинос и др.; под ред. М. М. Разумовской, П. А. Леканта. – М.: Дрофа, 2009. – 316 с.
8. Русский язык. 7 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений / М.Т.Баранов, Т.А. Ладыженская, Л.А. Тростенцова и др.; науч. ред. Н.М. Шанский. – М.: Просвещение, 2012. – 223 с.
9. Сидоренко Е.Н., Сидоренко И.Я. Функциональные омонимы в лексикографической практике (на материале русского языка) // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 60, Т. 3. – С. 18-22.
10. Сидоренко И.Я., Сидоренко Е.Н. Краткий толково-грамматический словарь функциональных омонимов русского языка: в 2 ч. – М.: ФЛИНТА, 2017. – Ч. 1. – 126 с.; Ч. 2. – 197 с.
11. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с.

10.02.04 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

10.02.04

К.Н. Антонова канд. филол. наук

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
гуманитарный факультет,
кафедра английского языка № 2,
Санкт-Петербург, ksana-a@mail.ru

ФЕНОМЕН У.БЛЕЙКА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТИ

В статье обосновывается, почему именно поэтические тексты У.Блейка, в частности, его «Пророческие книги» могут рассматриваться как результаты объективации интермедиального дискурса в форме мультимодального поликодового текста, обеспечивая тем самым участие читателя в процессе сотворчества и реализуя принцип диалогичности произведения.

Ключевые слова: мультимодальность, интермедиальный дискурс, художественная картина мира, поликодовый текст, романтизм.

Предметом рассмотрения данной статьи является художественная картина мира У.Блейка.

Под художественной картиной мира мы понимаем «модель реальности, которая складывается в индивидуальном мировоззрении писателя и художественно воплощается во всей своей полноте и системности в совокупности созданных им произведений. Концепция действительности и личности человека, сложившаяся в индивидуальном мировоззрении автора, объективирующаяся в акте творчества, составляет в этой картине план изображаемого. Взаимозависимая по отношению к ней и с ней взаимосвязанная художественная форма - план изображения» [7, с. 3].

Творческий феномен английского поэта-романтика рассматривается в контексте одного из проявлений интермедиального дискурса, а именно мультимодальных текстов, что и определяет цель статьи и научную новизну предлагаемого подхода. Хотя мультимодальность традиционно трактуется как явление более свойственное постмодернизму, неповторимое своеобразие поликодовых произведений У.Блейка, поэта и художника, наводит на мысль о присутствии истоков мультимодальности уже в XVIII веке.

Художественная картина мира У.Блейка, в частности, в его «Пророческих книгах» может рассматриваться как результаты объективации интермедиального дискурса в форме мультимодального поликодового текста, обеспечивая тем самым участие читателя в процессе сотворчества и реализуя тем самым принцип диалогичности произведения.

Художественная картина мира У.Блейка синкретизм просветительских идей, религиозности, новых литературных направлений, таких, как сентиментализм и предромантизм, а после Великой Французской революции и так называемой «кладбищенской поэзии».

Обладая невероятным воображением и даром визионера, поэт не просто переносил в литературные произведения свои видения посредством слова, но и дополнял их по собственной технологии сделанными иллюстрациями. Такое интермедиальное единство текста и рисунка, воплощенное в мультимедийном тексте, свидетельствуют о существенных сдвигах, произошедших в восприятии действительности художником и их отражении в поэтических текстах.

Доминирующее ранее в качестве основного носителя информации слово заменяется образом, что выражается в том, что признаются самостоятельными и в равной степени важными носителями реальности, а визуальное и вербальное восприятие реальности становятся взаимодополняющими проявлениями акта творчества.

Почитателями Блейка были лишь те, кто в той или иной степени разделял его интермедиальную концепцию творчества, а именно прерафаэлиты, такие как Д. Г. Россетти (1828-1882) и А. Ч. Суинберн (1837-1909), а в дальнейшем - У. Б. Йейтс (1865-1939), издавший его полное собрание сочинений и писавший о нём, как о наследнике традиций алхимии, мифологии, борце с узкорационалистическим пониманием мира.

Загадочность и самобытность творчества Уильяма Блейка не нашли отклика у современников, но современность все активнее обращается к его творчеству, делая его общим достоянием. При этом интерес вызывают в первую очередь изобразительные и теологические аспекты творчества У. Блейка. 12 сентября 2019 галерея Тейт Бритн открыла первую полномасштабную выставку полотен Блейка, именно к Блейку обращается Дэн Браун в своем бестселлере «Происхождение». Незавершенность, открытый конец, живописная образность и вербально-визуальная мультимодальность поэтического текста, так характерные для поэм Блейка, привлекают внимание современных исследователей и читателей.

Для нас творчество Блейка важно как возможность рассмотрения его произведений как результата объективации интермедиального дискурса.

«Под интермедиальностью мы понимаем взаимодействие вербального дискурса с невербальными знаковыми системами, которое проявляется внутри художественного произведения двояко: в образовании «особых типов структурных взаимосвязей языков различных видов искусства в системе единого художественного целого» и в «наличии в художественном произведении таких образных структур, которые заключают информацию о другом виде искусства», с образованием поликодового сообщения или без него» [2, с. 62]. Случаи, когда интермедиальность проявляется образованием поликодового сообщения, трактуются нами как мультимодальность текста, которая свойственна гетерогенным текстам, в которых взаимодействие вербальных и визуальных знаков определяется ментальными операциональными усилиями создающего или воспринимающего сознания [3, с. 9].

Начиная с XVIII века живопись и литература развиваются в направлении взаимообогащения за счет использования средств друг друга. Стремление синтезировать искусства в единое целое характерно для немецких философов романтизма (Ф.-В. Шеллинг, Ф. и А. Шлегели, Л. Тик, Новалис, Р. Вагнер).

Особенно ярко живописность проявилась в художественной картине мира поэзии английских романтиков и, в частности, У. Блейка. Вполне естественно, что одновременно и живопись обретает поэтичность, романтическую сюжетность. Романтики видели в ней средство поведать людям о бесконечности мироздания и постижении этой необъятности жизни.

Хотя многие блейковские произведения написаны в XVIII в., веке классицизма, по мнению Седых «они, на самом деле, принадлежат более поздней эпохе, эпохе романтизма» [6, с. 182]. При этом его поэтика отличается от произведений предромантиков особым взглядом на природу, символ и миф, причём последние два – основные приемы поэтики Блейка. Также в его творчестве отражены взаимодействие пуританской и романтической поэзии, разочарование первых романтиков в просветительстве и их полемика с рационализмом. Благодаря Блейку, интуитивное познание, духовное озарение, которое открывало перед ним вечность, стало одним из особенностей романтизма. Пророческие книги – самый ранний романтический эпос, основывающийся на мифе. В блейковской мифологии нашло отражение бунтарское и утопическое видение мира, романтически описанные пороки и тайны этого мира, а также смелые предвидения. Произведения Блейка отражали характерную для его эпохи идеологическую ломку, а вместе с английской демократией поэт и художник пережил разочарование в идеалах и итогах буржуазной революции, столкнувшись с жестокой реальностью окружающего его мира.

Поэты романтического поколения опирались на некие устойчивые, обладавшие большой художественной историей мифологические «сюжеты» (Каин, Прометей), а Блейк даже полнее, чем они, реализовал принцип, который у В. Ф. Шеллинга (1775-1854 гг.)

в «Философии искусства» выделен как определяющий для истинного искусства: «Всякий великий поэт призван превратить в нечто целое открывшуюся ему часть мира и из его материала создать собственную мифологию» [8, с. 147].

Как полагал Блейк, иллюстрированная книга – это идеальная форма, объединяющая текст и изображение. Взаимосвязь поэзии и живописи, сочетающая романтические символы, образы из мифов и легенд с необычной концепцией воображения, отражает истинную суть художественной картины мира произведений Блейка. При этом поэт осознавал, что книгопечатание XVIII в. ещё не реализовывало весь свой потенциал, и существовали разногласия между авторами, иллюстраторами, печатниками и издателями. Опираясь на данный факт, он объединил роли художника и печатника, «превращая этапы художественного производства в творческий акт» [11, с. 70]. По мнению Л. Рут, такой подход Блейка «кардинально переосмыслил создание книги как материальный процесс», сделав его совершеннее, но более трудоёмким [12, с. 9]. Иллюминированная печать была призвана «создать заново одновременно иллюстрированную книгу и своего читателя, облегчить бесконечную форму книги неявными фрагментами живописи» [10, с. 35].

Обретя уверенность в процессе печати, Блейк приступил к самой крупной иллюминированной книге – поэме «Книга Тэль», «состоящей из 132 строк и семи цветных иллюстраций» [1, с. 190]. Образы иллюстраций и гравюр Блейка не были верны анатомически, но были «живыми персонажами его космогонического мифа», что было характерно для всей его поэзии, но в особенности для «Книги Тэль» [5, с. 94]. Явный романтический дуализм и самобытность героев Блейка, а также восприятие творчества как акта коммуникации заставляют поэта искать выход из неудовлетворенности вербальным инструментарием для выражения в параллельном воплощении задуманных образов с использованием визуального кода, а именно, в своих гравюрах и иллюстрациях. По верному замечанию Рут, «иллюстрации обогащали аргументацию, расширяли идеи, обнажая неясности и сложности, скрытые в языке Блейка» [12, с. 11].

Декоративный элемент всегда присутствовал в его поэзии: манера письма объединяла натуралистическое изображение деталей с нечеткими формами и силуэтами. Эксперименты с цветом также были присущи Блейку, но его работы в большинстве своём состояли из бледных, практически прозрачных цветов с яркими оттенками красного, синего или желтого. В «Тэль» цвет играет большую роль, если рассматривать произведение вместе с иллюстрациями к нему. Бесспорно, цвет несет свою коннотацию, является символом, который Блейк как художник прекрасно понимал.

Концепция творчества воплощена в эпиграфе к поэме «Тэль», который мы приводим в переводе Афанасьевой: «то, что внизу, подобно тому, что наверху; а то, что наверху, подобно тому, что внизу, и все чудеса происходят из одного источника и поскольку все вещи произошли из одной благодаря размышлению об этой одной «вещи», постольку все вещи обрели самостоятельное существование благодаря способности видоизменяться» [4, с. 218]. Тем самым Блейк, с одной стороны, утверждает, что материальное воплощение художественной картины мира является отражением той уникальной модели реальности, которая складывается в индивидуальном мировоззрении писателя. В случае с Блейком это, несомненно, способность воспринимать окружающий мир в образах разных семиотических систем, вербальной и визуальной. С другой стороны, такой союз слова и визуального образа требовал активного читательского участия и восприятия, благодаря которому художественное произведение обретает самостоятельную жизнь. Обосновывая необходимость вовлечения читателя в процесс сотворчества, чему в и способствовала мультимодальность его поэтических текстов, Блейк подмечает, что «дерево, которое повергает кого-то в слезы восторга, в Глазах других – только нечто Зеленое, что стоит на пути» («The tree which moves some to tears of joy is in the Eyes of others only a Green thing that stands in the way») [9, с. 793].

Таким образом, представляется логичным и правомерным утверждать, что поэтические произведения У.Блейка могут трактоваться как проявление мультимодального дискурса, имеющего целью способствовать коммуникации автора и читателя, задействуя текстовые, визуальные, лингвистические и пространственные модусы для передачи сообщения. Нестандартные сравнения и сочетание полярных понятий как нельзя лучше характеризуют синкретизм творческого метода Блейка, поэта-художника.

Список литературы

1. *Акройд П.* Уильям Блейк: пер. с англ. / П. Акройд. М.: София, 2004. – 672 с.
2. *Антонова К.Н.* Когнитивные детерминанты интермедиального дискурса английского Средневековья. / *Казанская наука* № 7, 2019. – С. 62-65.
3. *Ариас А.М.* Поликодовый текст: теоретические и прикладные аспекты. Санкт-Петербург, 2015. – 126 с.
4. *Афанасьева К.* Пролог, или Основание. «Тириэль» и «Книга Тэль»: Мытарства земной души. Круг Первый // Темница и свобода в художественном мире романтизма. М.: ИМЛИ РАН, 2002. – 352 с.
5. *Жерновникова О.В.* Творчество Вильяма Блейка-художника // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*, 2008. – № 63-1. – С. 92-100.
6. *Седых Э.В.* Метатексты Уильяма Блейка в эстетике Уильяма Морриса // *Проблемы истории, филологии, культуры*. – Магнитогорск.: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2008. – № 19. – С. 182-186.
7. *Смирнова А.Ю.* Художественная картина мира в поэзии И.А. Бродского и ее трансформация в англоязычных переводах. Волгоград, 2013. [электронный ресурс] URL: <http://cheloveknauka.com/hudozhestvennaya-kartina-mira-v-poezii-i-a-brodskiego-i-ee-transformatsiya-v-angloyazychnyh-perevodah#ixzz63ENLvG4m> (дата обращения: 20.09.2019)
8. *Шеллинг Ф.В.* Философия искусства: пер. с нем. яз. / П. С. Попов. – Киев.: Мысль, 1966. – 496 с.
9. *Blake W.* Complete Writings with variant readings/ ed. by G.Keynes. Oxford, 1979. – 960 p.
10. *Easson K.P.* Blake and the Art of the Book. Blake in His Time. – Bloomington.: Indiana University Press, 1978. – 253 p.
11. *Myrone M.* The Blake Book. London.: Tate Publishing, 2007. – 224 p.
12. *Ruth L.* Revelatory Words and Images: William Blake and the Artist's Book. MA.: Wellesley College, 2013. – 94 p.

10.02.04

И.Ж. Винокурова канд. филол. наук, Л.К. Первушина

Политехнический институт (филиал)
Северо-восточного федерального университета в г. Мирном,
Кафедра английской филологии,
izh-vinokurova@s-vfu.ru

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОЦЕНОЧНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

В работе представлены результаты анализа лингвостилистических средств выражения оценочности в Интернет-дискурсе. Данная тема представляется актуальной в связи с всеобщей распространённостью и влиянием данного вида дискурса на общество. Материалом исследования послужили пользовательские кинокритические отзывы, отобранные методом сплошной выборки из англоязычных сайтов.

Ключевые слова: *оценочность, интернет дискурс, кинокритические отзывы, лингвостилистические средства, коммуникация.*

В настоящее время для определения понятия интернет дискурса существует ряд дифференцированных терминов: «виртуальный дискурс», «сетевой дискурс», «Интернет коммуникация», «электронный дискурс». Отсутствие общепринятого определения и разнообразие мнений о жанрах Интернет-дискурса показывает повышенный интерес к данному виду дискурса среди учёных, что, несомненно, подчеркивает актуальность исследований в этом направлении.

Представляется интересным мнение Д. Кристал, который очень точно охарактеризовал сущность этого вида коммуникации оригинальной формулой: “устная форма речи + письменная форма речи + признаки, опосредованные компьютером” [цит. по 4: 22].

Целью данной статьи является исследование специфики средств выражения оценочности в Интернет-дискурсе. В данной работе мы следуем разграничению между понятиями “оценка” и “оценочность”, основанному на преимуществах употребления термина “оценочность”, выделенных В. В. Квашиной: “этот термин обладает, во-первых, достаточной степенью абстрактности, во-вторых, необходимой краткостью и, в силу этого, удобным в употреблении, в-третьих, позволяет отличать оценку как семантическую категорию от логического и онтологического толкований” [3:252].

В настоящее время, признавая за оценочностью статус самостоятельной языковой категории, исследователи по-разному определяют её природу, структуру, разграничение видов оценки, систематизацию средств выражения [1, 2, 5]. Обобщая исследования ученых, представляется возможным выделить следующие признаки данной категории: в основе оценочности лежит соотношение качества предмета оценки с ценностными критериями человека; оценочность имеет тесную связь с категорией эмоциональности; оценочная информация может передаваться имплицитными или эксплицитными языковыми средствами; данная категория встречается на всех языковых уровнях.

Обратимся к анализу лингвостилистических средств выражения оценочности на материале англоязычных пользовательских кинокритических отзывов. Данный жанр был отобран нами по причине того, что, по нашему мнению, именно отзывы обычных пользователей по своей направленности и структуре, а также разнообразию используемых языковых средств отличаются от тех, что были написаны профессиональными критиками, что делает их интересным объектом для лингвостилистического анализа.

В рамках данной статьи материалом для анализа послужили отзывы на фильм «Bohemian Rhapsody» (2018). Это фильм-биография, основанная на жизни фронт-мена

всемирно известной рок-группы Queen. Фильм был выбран нами по причине отсутствия у общественности и критиков единого мнения относительно данной кинокартины, что стало причиной многочисленных споров в Интернет среде.

Рассмотрим наиболее иллюстративные примеры:

Rami Malek you rock!

"Wow. What a truly inspiring film. Made me feel that being eccentric and different is ok as long as you are you! The film brought so many emotions - laughter, sadness, joy - very heart warming. At times I forgot I wasn't actually watching the guys from Queen - they all looked so like them - especially May and Mercury. I thought Rami rocked the role. Massive respect to this guy! Would happily pay to go back in and watch it again! My film of 2018!!!!" (1)

Автор данной рецензии посчитал нужным начать её междометием "wow", которое несёт в себе позитивную коннотацию, а именно эмоциональную реакцию удивления и восхищения. Он намеренно выделил его отдельным односоставным утвердительным предложением, из чего мы сразу можем заключить, что рецензия выражает положительную оценку. Перечисление слов, не имеющих оценочного компонента, а лишь называющих их ("laughter, sadness, joy") позволяет автору передать весь спектр чувств, испытываемых в момент просмотра кинокартины, так как они представляют собой наименования разнящихся между собой эмоциональных реакций, что стоит принять во внимание, говоря о способах передачи оценки. Автор рецензии также характеризует фильм метафорическим эпитетом "very heart-warming", стилистически оформляя его как эмоциональную кульминацию предложения, что интенсифицирует положительную оценочность данной рецензии.

Кроме того, синтаксическое оформление высказываний способствует реализации оценочности. Так, эллипсис "made me feel that being eccentric and different is ok...", "massive respect to this guy", "would happily pay", "My film of 2018" показывает положительное восприятие фильма автором рецензии. Также в данном примере оценочность проявляется в употреблении сленгового выражения "to rock", а именно "you rock", "rocked the role" значением которого является "to make someone have a good time" (1)

Рецензию автор заканчивает тремя восклицательными предложениями, причём в последнем автором были использованы четыре восклицательных знака, что является графическим средством выражения сильных эмоций, что, несомненно, выражает находящийся в них оценочный компонент.

В целом, среди отобранных примеров рецензий преобладает положительная оценка, однако встречаются и оценки негативного характера. Например:

Painful! This was like watching a Lifetime Channel tv series on the big screen and it was just horrible

"What a dreadful piece of muck! This film will go straight to DVD/Streaming once the word gets out If you love Lifetime Channel and droll, contrived footage - this is for you. If you enjoy a well written and good acting, this is your worst nightmare come true. I would save your money, and watch real life clips of Freddie Mercury and not destroy his legacy and your memories of his life by watching this badly acted film." (2)

Автор выражает с вою оценку посредством эмоционально-оценочных слов ("painful", "dreadful", "horrible", "badly acted"), сравнения фильма с куском грязи "a dreadful piece of muck", устоявшегося выражения с прилагательным в превосходной степени сравнения "the worst nightmare come true". Синтаксическое стилистическое средство – анафорический параллелизм – также способствует передаче оценки: "If you love... this is", "If you enjoy... this is". Для того чтобы полностью понять точку зрения данного пользователя также необходимы фоновые знания об американской массовой культуре, так как автор сравнивает "Bonemian Rhapsody" с сериалами на американском кабельном канале "Lifetime Channel". Этот телеканал не раз подвергался критике из-за своего феминистического уклона и шаблонности транслируемых оригинальных телефильмов и программ. В рецензии также присутствуют глаголы повелительного наклонения, которые вносят вклад в образование оценочности: "save your money and watch", "not destroy his legacy".

Лингвостилистический анализ пользовательских киорецензий позволяет прийти к следующим выводам:

1) Оценочность в пользовательских киорецензиях проявляется преимущественно эксплицитно за счет таких стилистических приёмов, как эпитеты, метафоры, сравнения, эвфемизмы, повторяющиеся параллельные конструкции, графон, удвоение, а также при помощи употребления эмоционально-оценочной лексики. Для рецензий негативного характера характерно проявление отрицательной оценочности через ненормативную лексику;

2) Оценочность некоторых высказываний сложно воспринять полностью без presupпозиции;

3) Оценочность является основополагающим компонентом пользовательской киорецензии, потому что целью этого жанра является, прежде всего, удовлетворение человеческой потребности в самовыражении и эмоциональном обмене. Таким образом, оценочность здесь имеет эмоциональный, а не рациональный характер.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1982. – С. 5–23.
2. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М Вольф. – М.: Едиториал УРСС, 2002. — 280 с.
3. Квашина В.В. Оценочность как языковая категория в современной лингвистике // Историческая социально-образовательная мысль. – 2013. – №5. – С. 250-255.
4. Нелюбина Е.А., Амитрова М.В., Гусарова Ю.В. Языковые особенности Интернет-дискурса // Балтийский гуманитарный журнал. – 2014. – №4 (9). – С.21-23.
5. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 века /Под ред. Ю. С. Степанова. – М. : Ин-т языкознания РАН, 2004. – С. 35–73.

Список интернет-источников

1. https://www.imdb.com/review/rw4422536/?ref_=tt_urv (дата обращения: 19.10.2019)
2. https://www.imdb.com/review/rw4424415/?ref_=tt_urv (дата обращения: 19.10.2019)

10.02.04

К.Н. Гафиуллина канд. филол. наук

Казанский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»,
Факультет подготовки специалистов для судебной системы,
Кафедра языкознания и иностранных языков,
Казань, Gafiullina.kn@yandex.ru

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С ЛЕКСИЧЕСКИМИ КОМПОНЕНТАМИ
«LAW», «CRIME», «COURT», «JUSTICE».**

В работе представлены результаты лексико-семантического анализа фразеологических единиц английского языка, в которые входят лексические компоненты, отражающие ключевые понятия юриспруденции - «law», «crime», «court», «justice». В ходе исследования определяются семантические и стилистические особенности данных правовых фразеологизмов, приводится их классификация в зависимости от положительного или отрицательного отношения человека к понятиям и явлениям, связанным с рассмотренными лексическими компонентами.

Ключевые слова: фразеологическая единица, английский язык, правовой, анализ, лексико-семантический.

В современной лингвистике на настоящем этапе исследования вопросы, связанные с изучением фразеологических единиц, не теряют своей актуальности, поскольку фразеология является той областью языкознания, в которой не до конца разработаны важнейшие фундаментальные понятия, спорны многие теоретические положения и не все, даже основополагающие вопросы, решены: отсутствует точное и полное определение термина фразеологизм, существует проблема классификации фразеологических единиц, построенной на едином принципе и др. Другим обоснованием актуальности является широкое использование фразеологических единиц во всех стилях речи (за исключением официально-делового стиля) и роль фразеологического фонда в развитии языка – фразеологизмы придают речи живость, яркость, точность и особую выразительность. Фразеологизмы составляют важную и существенную часть английской юридической лексики.

Существует достаточно много исследований, посвященных разнообразной и сложной проблематике фразеологии, например, работы В. В. Виноградова, А. В. Кунина, Л. С. Бархударова, Т. А. Казаковой, Н. Н. Амосовой и др. Недостаточность обширных исследований, посвященных именно фразеологическим единицам с лексическими компонентами языка права, их функционированию и значению употребления в повседневной речи, подтверждает необходимость их дальнейшего изучения.

В настоящей статье исследуются семантические особенности фразеологических единиц английского языка с компонентами, отражающими такие ключевые понятия юриспруденции, как «law», «crime», «court», «justice». Цель исследования – проанализировать правовые фразеологические единицы, в которые входят данные лексические компоненты, определить их семантическую и стилистическую функции в речи. Источником материала для исследования явились фразеологизмы, включенные в словарь А. В. Кунина *Англо-русский фразеологический словарь* [3].

Теоретическое значение работы заключается в расширении сведений об английских фразеологизмах, способствовании выявления их семантических и стилистических особенностей. Практическое значение работы обусловлено возможностью использовать результаты исследования в преподавании английского языка,

В своих исследованиях лингвисты определяют фразеологические единицы как устойчивые речевые обороты и выражения, специальные более крупные словесные единицы - словосочетания-группы, состоящих из двух и более слов, сочетание которых интегрируется как единое целое со специализированным значением целого. В основу данной работы положена концепция А. В. Кунина о сущности фразеологической единицы как раздельнооформленной единицы языка с полностью или частично переосмысленным значением [4].

Значительная работа в области исследования английского правового фразеологического фонда проведена исследователями С. А. Добричевым и О. Г. Степановой («Фразеологизмы в правовой лексике английского языка») [2]. В результате анализа структурно-семантических и культурологических особенностей фразеологизмов в английском языке права авторы выдвигают идею о культурологической маркированности части английской юридической терминологии, рассматривают проблему отражения этноспецифических компонентов в профессиональном правовом лексиконе английского языка. Правовой фразеологический состав английского языка отражает этноспецифические компоненты, в нем закреплён культурно-исторический опыт народа. Кроме того, авторы отмечают, что терминологическая лексика является «одним из продуктивных источников фразеологических единиц в языке»: возникнув в разных сферах профессиональной деятельности, из специальной лексики они переходят в общеупотребительную. По степени данной генерализации фразеологические единицы делятся на две группы. Первую группу составляют двусоставные термины (фразеологические единства по В. В. Виноградову), «отражающие более глубокий уровень специального знания в области юриспруденции», с пометой юр. в словаре. Они имеют функционально-профессиональную сферу употребления и лишены эмоциональной и экспрессивной окраски и образности (главным образом латинизмы). Во вторую большую группу объединены структурно, семантически и стилистически более широкие и разнообразные фразеологические единицы, не имеющие помету юр. в словаре, мотивированные, образно и эмоционально окрашенные фразеологические единства.

Количественное соотношение фразеологических единиц в Англо-русском фразеологическом словаре А. В. Кунина с изучаемыми лексемами представлено следующим образом: «law» - 26, «crime» - 3, «court» - 6, «justice» - 5 единиц.

Как показывают результаты исследования фразеологических единиц с данными лексемами, к первой группе с терминологической пометой юр. относится лишь фразеологическая единица judge-made law (L-133) - прецедентное право; право, созданное на основе практики. Все другие фразеологические единицы с указанными лексемами имеют общелитературное употребление.

Правовая деятельность тесно связана с повседневной жизнью человека, поэтому, с одной стороны, лексика права связана с обыденными понятиями, с другой, сама становится общеупотребительной лексикой. Две фразеологические единицы в этимологическом комментарии обозначены пометой юр.: be out of court (C- 955) - (этим. юр. потерять право на иск (об истце)) потерять силу, устареть; быть неприемлемым, несостоятельным (об аргументах) и put smb. (smth.) out of court (C-959) (этим. юр. лишить истца права на иск) считать кого-либо или что-либо не заслуживающим внимания, отбросить как несостоятельный (аргумент), заставить замолчать, не предпринимать никаких попыток.

Лексико-семантический анализ фразеологизмов с компонентами «law», «crime», «court», «justice» из юридической лексики показывает, что они передают различные оттенки эмоционального состояния человека. Компоненты «law», «court» имеют негативно окрашенный эмоциональный оттенок. Например, be a law into (to/unto) oneself - ни с чем не считаться, кроме собственного мнения, идти наперекор традициям, обычаям, общепринятым нормам (ср. сам себе закон), give (the) law (to smb) - быть полновластным хозяином, командовать кем-то, навязывать свою волю, laws catch flies, but let hornets go free - (посл.) «закон что паутина – шмель проскочит, а муха увязнет», lay down the law - говорить безапелляционно; предписывать, диктовать, командовать, не допускать возражений, быть

беспрекословно выполненным, *Lunch (mob) law* – (амер.) закон или суд Линча, линчевание, самосуд, зверская расправа без суда и следствия, *one law for the rich, and another for the poor* - (посл.) для бедных один закон, для богатых – другой, *put smb. (smth.) out of court* - (этим. юр. лишить истца права на иск) считать кого-либо или что-либо не заслуживающим внимания, отбросить как несостоятельный (аргумент), заставить замолчать, не предпринимать никаких попыток, *court (invite) disaster* - накликать несчастье; идти навстречу катастрофе.

В то же время фразеологические единицы с этими же лексическими компонентами дают положительную оценку данным понятиям, подчеркивают необходимость закона, его силу, справедливость: *the (long) arm of the law* - рука правосудия, сила закона, *the law of honour* - кодекс чести, *law-makers should not be law-breakers* - (посл.) «тот, кто издает законы, не должен нарушать их», *an unwritten law* - неписаный закон. Эта особенность характерна и для английских пословиц, содержащих лексические компоненты языка права [1].

Так же и с компонентом «crime»: *crime doesn't pay* - (послов.) «преступление никогда не оправдывается», *the greater the crime, the higher the gallows* - (послов.) «чем серьезнее преступление, тем выше виселица», т.е. возмездие соответствует вине, *worse than a crime* - хуже, чем преступление (говорится об очень серьезной ошибке).

Фразеологизмы с компонентом «justice» лишены негативной окраски: *do justice to smb. (smth., do smb. justice)* - оценить должным образом, оценить по достоинству (кого-либо, что-либо), отдать должное кому-либо, чему-либо), *do oneself justice* - показать себя с лучшей стороны, *poetic justice* - идеальная справедливость, верх справедливости.

Третью группу составляют фразеологические единицы, не содержащие какую-либо качественную характеристику: *bring to justice* - привлечь к судебной ответственности, отдать под суд, в руки правосудия, предстать перед судом, *put the law on smb* - (амер.) возбудить против кого-либо (судебное) дело.

Таким образом, по лексико-семантическим особенностям английские фразеологические единицы с юридическими лексическими компонентами «law», «crime», «court», «justice» объединяются в группы по признаку положительного или отрицательного отношения человека к тому или иному понятию, связанному с рассмотренными лексическими компонентами.

Список литературы:

1. *Гафиуллина К.Н.* Репрезентация концептов «право»/«right», «закон»/«law» в английской и русской лингвокультурах (на материале английских и русских народных пословиц и поговорок) // *Казанская наука*. - 2016. - № 11. - С. 86-88.
2. *Добричев С.А., Степанова О.Г.* Фразеологизмы в правовой лексике английского языка // *Вестник Томского государственного педагогического университета*, - 2014. - № 4 (145). - С. 17-20.
3. *Кунин А.В.* *Англо-русский фразеологический словарь*. – М.: Рус. яз., 1984. – 944 с.
4. *Кунин А.В.* О фразеологической номинации // *Фразеологическая семантика: Сб. науч. тр.* – М., 1983. Вып. 211. С. 88-100.

10.02.04

¹В.В. Гурин канд. филол. наук, ²Н.Р. Кириченко канд. филол. наук¹ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»,
Педагогический институт,

кафедра иностранных языков и лингводидактики,

²ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»,

кафедра иностранных языков №2,

Иркутск, gurinvv83@rambler.ru, nkirichenko@yandex.ru

АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «SURPRISE» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье исследуется лексико-семантическое поле «Surprise» в английском языке. Авторами предпринята попытка выделить и проанализировать лексемы, входящие в данное поле. Проведенный анализ позволил выявить 32 лексические единицы, имеющие в своей семантической структуре компонент удивления, а также продемонстрировать связь данного феномена с познанием, интеллектуальной деятельностью человека.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, удивление, дефиниционный анализ, английский язык, ядро, периферия.

Целью данной работы является выявление и анализ лексико-семантического поля «Surprise» в современном английском языке на основе проведения дефиниционного и контекстуального анализа.

Удивление является реакцией человека на неожиданную информацию, которую он получает от окружающих. Оно может выражаться как невербальным, так и вербальным способом. Прослеживается явная связь удивления с процессом восприятия информации [1].

В английском языковом сознании удивление представлено в виде концепта surprise, средством репрезентации которого является лексико-семантическое поле «Surprise».

Данные ряда словарей – The Oxford Thesaurus An A-Z Dictionary of Synonyms [6], Oxford Advanced Learners Dictionary [4], Oxford Collocations English Dictionary [5], Longman Dictionary of English Language and Culture [3] – позволили выделить 32 лексические единицы, объединённые интегральной семой *something unexpected or unusual happens, feeling of surprise*.

Ядерными лексемами рассматриваемого поля являются существительное *surprise*, глагол *to surprise* и прилагательное *surprising*. В их значении ярко выражена интегральная сема, они обладают однозначностью семантики, минимальной зависимостью от контекста, а также характеризуются отсутствием стилистических ограничений.

Проанализируем данные лексемы.

Существительное *surprise* имеет следующие дефиниции: 1) an unexpected or astonishing event or circumstance [3]; feeling of surprise [5]. Глагол *to surprise* дефинируется как 1) cause to feel surprise; 2) capture, attack, or discover suddenly and unexpectedly [5]. Прилагательное *surprising* определяется как: unusual or unexpected; causing amazement or wonder especially by being unexpected, amazing, astonishing, unlooked-for [3].

Данные словарей показывают, что *surprise, to surprise, surprising* выражают эмоции или чувства, вызванные неожиданными, не запланированными событиями, либо удивление, переживаемое человеком.

Рассмотрим контекстуальное употребление анализируемых лексем.

1. At sight of him Jane Porter uttered a little cry of *surprise* and joy, and *ran quickly ahead* to meet him [2].

В представленном высказывании единица *surprise* передает восторг Джейн от неожиданной встречи (*at sight of him*), которая порождает бурю эмоций героини (*ran quickly ahead*).

2. Perhaps, deep down, the reason is that there still vibrates in the masculine blood the *thrilling surprise* of the moment when man *first realized* that the angel woman was built upon the same carnivorous principles as his grosser self [2].

Здесь автор использует существительное *surprise*, выражая чувство невероятного удивления (*the thrilling surprise*), вызванное неожиданным осознанием (*first realized*) происходящих вокруг событий.

Результаты проведенного анализа словарных дефиниций и текстового материала позволили прийти к следующему заключению относительно семантики рассматриваемых лексических единиц. Лексемы *surprising*, *surprise*, *to surprise* указывают на эмоциональность феномена удивления. Они демонстрируют семантическую связь данного понятия с культурно-специфической картиной мира говорящего.

К ближней периферии исследуемого поля были отнесены следующие лексические единицы: *wonder*, *astonishment*, *amazement*, *to astonish*, *to amaze*, *to wonder*, *to astound*, *wondrous*, *wonderful*, *amazing*, *astonishing*, *marvelous*. Помимо семы *something unexpected or unusual happens, feeling of surprise* данные языковые знаки имеют ряд дополнительных компонентов значения: *cause of astonishment or admiration*, *an intense degree of surprise*, *the condition of being amazed*.

Обратимся к анализу существительного *wonder*, которое определяется, как 1) a feeling of surprise and admiration that you have when you see or experience sth. beautiful, unusual or unexpected; 2) something that fills you with surprise and admiration [3].

Как показывают приведенные выше дефиниции, *wonder* может передавать чувства восхищения и удивления человека от окружающей действительности; выражать степень заинтересованности в происходящих событиях (например, “*I wonder what they’re doing in New York,*” replied Tom [2]).

Существительное *astonishment* используется для выражения большой степени удивления: a feeling of very great surprise [4], что подтверждается следующим фрагментом текста: *To his dismay and astonishment he found a Giant lying at the entrance of the wood; he was about to run off as fast as his legs could carry him, when the Giant called out: ‘Don’t be afraid, I won’t harm you* [2], где автор употребляет лексему *astonishment* для передачи удивления, коррелирующего с испугом, который человек испытывает при встречи с кем-то или чем-то ужасным (*he was about to run off as fast as his legs could carry him*).

Иногда удивление коррелирует с шоковым состоянием говорящего. Так, глагол *to astound* дефинируется как: *to shock with flare or surprise* [3].

Проанализируем следующую лексему *marvelous*, которая была отнесена к ближней периферии лексико-семантического поля «*Surprise*». В словаре Oxford Advanced Learners Dictionary дается следующее её определение: 1) causing or being such as to cause wonder; fundamentally exceptional in character or quality; 2) being or having the characteristics of a miracle [4].

Приведенные выше значения представлены в следующем примере:

Jane Porter was glad that it was to be so, and ... she wondered at the *marvelous fineness of character of this wondrous man*, who had the true chivalry and tenderness which only associates with the refinements of the highest civilization [2].

В данном фрагменте текста слово *marvelous* используется для описания характера и качеств индивида (*fineness of character*), которые вызывают восхищение окружающих.

Дальняя периферия лексико-семантического поля «*Surprise*» включает в себя *awe*, *shock*, *to strike*, *to hit*, *to awe*, *to stun*, *to stagger*, *to shock*, *to nonplus*, *to dumbfound*, *to stupefy*, *to stare*, *to flabbergast*, *fantastic*, *speechless*, *remarkable*, *unexpected*. Значение удивления не является единственным в их семантической структуре, они имеют дополнительные компоненты значения, а также являются стилистически ограниченными.

Рассмотрим языковой знак *awe*.

В толковых словарях данная лексическая единица дефинируется следующим образом: *be/stand in awe of somebody (also hold somebody in awe) to admire someone and have great respect for them and sometimes a slight fear of them* [5]. Лексема *awe* определяется, как чувство большого уважения и симпатии, а также стремление держать кого-либо в страхе. Что подтверждается следующим высказыванием:

I looked with *sympathetic awe and fearfulness* upon the man, who in mid-winter just landed from a four years' dangerous voyage, could so unrestingly push off again for still another tempestuous term [2].

Некоторые языковые репрезентанты дальней периферии рассматриваемого в статье поля являются многозначными и имеют в своей семантической структуре дефиниции, не связанные с удивлением. Так, глагол *to strike* имеет более 20 значений и лишь некоторые из них указывают на удивление: *to deal a blow or stroke, to come across, meet with, or encounter suddenly or unexpectedly* [3].

Часто удивление связано с состоянием растерянности, недоумения, замешательства: *to nonplus – to render utterly perplexed; puzzle completely* [5], что подтверждается следующим примером: I was *nonplused*, and then, for the first time, there crept over me an intuition of the truth [2].

Проведённый анализ лексико-семантического поля «Surprise» позволяет сделать следующее заключение. Удивление – одна из базовых эмоций человека, связанная с познанием, интеллектуальной деятельностью человека. Её особенностью является отсутствие противоположной окраски удивления (приятно-неприятно). Базовым значением лексических единиц, входящих в лексико-семантическое поле «Surprise» в современном английском языке, является выражение чего-либо неожиданного, неизведанного, странного, непонятного, порой шокирующего и приводящего в ужас. Удивление может коррелировать с рядом других эмоций, таких как радость, разочарование, восхищение.

Список литературы

1. Изард К.Э. Психология эмоций. – СПб.: Изд-во Питер, 2002. – 464 с.
2. Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 28.08.2019).
3. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Harlow: Longman, 1998. – 1568 p.
4. Oxford Advanced Learners Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://slovar-vocab.com> (дата обращения: 15.08.2019).
5. Oxford Collocations English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://slovar-vocab.com> (дата обращения: 3.09.2019).
6. The Oxford Thesaurus An A-Z Dictionary of Synonyms [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://slovar-vocab.com> (дата обращения: 21.08.2019).

10.02.04

К.Е. Кохонова, А.Л. Буран канд. педагог. наук, Ю.А. Зеремская канд. филол. наук

Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Школа базовой инженерной подготовки,
отделение иностранных языков,
Томск, aburan@mail.ru

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАИМСТВОВАННЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КИТАЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СИСТЕМЕ АНГЛИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В данной работе дан этимологический анализ пласта китайских заимствований в системе английского литературного языка. Заимствованные адстраты в структуре языка-реципиента имеют черты тех языков, которые, в той или иной степени, принимали участие в процессе заимствования. Таким образом, определение языков-источников и языков-посредников в контексте межкультурной коммуникации представляет ценность для изучения системы английского языка как языка-реципиента.

Ключевые слова: *английский литературный язык, китайские заимствования, язык-источник, язык-реципиент, язык-посредник.*

Вопрос этимологии заимствованных лексических единиц на сегодняшний день остается неоднозначным, вызывающим некоторые разногласия, как то: что именно обозначать заимствованием, а что иноязычной единицей; какой язык выступает в процессе заимствования в качестве источника, из которого непосредственно происходит заимствованная единица, а какой является посредником и т.д. Отсутствие единого мнения относительно терминологии, на наш взгляд, является одной из первостепенных причин, препятствующих однозначному определению роли того или иного языка в процессе межъязыкового взаимодействия. В рамках данной статьи мы придерживаемся точки зрения, согласно которой лексическая единица, попавшая в систему английского языка и зафиксированная в словаре, считается заимствованием.

Имея статус языка международного, английский язык характеризуется не только высокой коммуникативной мощностью, но и вытекающей из этого гетерогенностью своей природы. Под гетерогенностью мы понимаем функционирование в структуре языка-реципиента ряда адстратов, участвующих как в обогащении словарного фонда, так и в воздействии на грамматический и фонетический строй языка.

Исследования китайских заимствований, формирующих отдельный пласт (адстрат) в составе английского литературного языка, проводились отечественными и зарубежными лингвистами, главным образом, на материале, полученном при анализе изданий Оксфордского словаря (Oxford English Dictionary) различных лет [7]. Основываясь на содержании лексикографических помет, можно сделать вывод, что подобные пометы не всегда следует расценивать как полностью корректные и однозначные. Например, по данным анализа изданий Оксфордского онлайн-словаря, опубликованных до 2008 года, представилось возможным заключить, что было обнаружено, в частности, 409 лексических единиц, содержащих в своем составе слово *chinese* (англ. *китайский*) [3]. Однако при том, что наличие данных иноязычных единиц как употребляемых в речи и, соответственно, функционирующих в языке, действительно было зафиксировано словарем, их подлинная принадлежность к китайскому языку является спорной [4]. Этимологию заимствованных единиц достаточно трудно определить однозначно ввиду следующих причин: 1) невозможности однозначно установить происхождение единицы, ср. прилагательное *chinesery* (производная форма-аллограф от *chinoiserie*), имеющая в английском языке

значение «в китайском стиле», «имеющий отношение к китайской культуре» [7], но происходящей из французского языка; 2) архаизации, выступающей сдерживающим фактором для установления подлинного происхождения того или иного слова, вышедшего из оборота; 3) перевода, лежащего в основе калькирования, но не являющегося собственно заимствованием [3].

Наибольшую группу внутри китайских заимствований формируют единицы, напрямую заимствованные из китайского языка без участия языков-посредников. К этой группе относятся, прежде всего, различные диалекты китайского языка, соответствующие определенным территориальным областям взаимодействия носителей взаимодействующих (английского и китайского) языков, ср. северокитайский диалект путунхуа / гуаньхуа – Mandarin, У – Wu, Минь – Min, Юэ (кантонский диалект) – Yue, диалект Хакка – Hakka [1].

Значительное влияние на облик лексических единиц китайского происхождения оказал также ряд языков-посредников. Исследователи выделяют три основных языка, опосредовавших заимствование китаизмов в систему английского литературного языка: 1) пиджинизированный английский, 2) японский, 3) французский.

1. Пиджинизированный английский является промежуточной и упрощённой формой между китайским и английским языками, созданная для того, чтобы широкий круг людей, не владеющих последним, мог участвовать в процессе общения (так называемый *foreigner talk* – «язык для иностранца») [5]. Изначально являясь языком-креолом, вариантом английского, который возник в результате активной торговли с Китаем, на сегодняшний день пиджинизированный английский прекратил свое существование по причине того, что больше нет необходимости использовать его в целях коммуникации [2]. В качестве примеров китайских заимствований, проникших в систему английского языка через посредничество данного языка, можно привести такие лексические единицы, как: *chop-chop* – одна нога здесь, другая там; *fankuei* – иностранец, чужак; *joss* – китайская статуя религиозного назначения, идол; *look-see* – беглый взгляд [7; 6].

2. Японский язык играет роль посредника в силу того, что вмещает множество заимствований различного происхождения, как азиатских, так и английских, т. е. является гибридным языком. Отличительной чертой японских заимствований является то, что изначально они попадали в систему японского языка посредством китайского, однако впоследствии они полностью ассимилировали [8]. Реалии, обозначаемые данными словами, стали неотъемлемой частью японского образа жизни: *bonsai*, *busido*, *kimono*.

3. Своим статусом посредника французский язык обязан исторически обусловленному тесному контакту с английским. Строй французского языка, несомненно, оказал влияние на форму исходных заимствованных элементов. Так, например, имя собственное «Пекин» (в английском варианте – *Beijin*), переносимое с использованием звука [j], в некоторых случаях претерпевает изменение исходного произношения в сторону звука [k]. В данную группу заимствований относятся такие единицы китайского происхождения как *galingale*, *kalanchoe*, *kaolin*.

Помимо вышеперечисленных языков-посредников, заимствования китайского происхождения также попадали в систему английского литературного языка при посредничестве таких языков как: голландский – *mebos*, *nooi*; португальский – *macao*; шведский – *mandarin apelsin*; вьетнамский и малайский (данные языки взаимодействовали с Китаем на основе торгово-экономических и социокультурных связей) – *Hao*, *popiah*, *sonseh*; монгольский – *Tangut* [9]. Китайские заимствования, прошедшие через вышеперечисленные языки прежде чем закрепиться в системе английского языка, не столь многочисленны, что объясняется не значительной степенью взаимодействия между Китаем и рядом государств Азии и Европы [3].

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что исследование этимологии заимствованных лексических единиц китайского происхождения представляет важность не только с точки зрения исследований межъязыковых контактов, но, во многом, для изучения и последующей кодификации английского литературного языка в том состоянии, в котором

он находится в конкретной точке своего исторического континуума. Заимствования китайского происхождения закрепились в составе английского литературного языка, в том числе, благодаря посредничеству ряда языков-посредников, являющихся языками тех государств, которые, в той или иной мере, взаимодействовали с Китаем; здесь речь идёт преимущественно о торгово-экономических связях, обуславливавших языковые контакты. Однако такие основные черты, как лексическое и грамматическое значение, а также фонетическая форма слова, китайские заимствования получили от языков-источников, к которым восходит происхождение данных лексических единиц.

Список литературы

1. Астрахан Е.Б., Завьялова О.И., Софронов М.В., Диалекты и национальный язык в Китае. Москва: Наука, 1985. С. 18–22.
2. Canon G., Chinese borrowings in English // *American Speech*. No. 63. 1988. p. 3.
3. De La Cruz-Cabanillas I., Chinese Loanwords in the OED // *Studia Abglica Posnaniensia* 44. 2008. pp 254–264.
4. Lexico (powered by Oxford) [Электронный ресурс] // <https://www.lexico.com/en>. URL: <https://www.lexico.com/en/definition/onmun> (дата обращения 28.09.2019).
5. Liu X., Zhang L., On Chinese Loanwords in English // *Theory and Practice in Language Studies*. Academy Publisher, 2011. December 2011. Vol. 1. No. 12. pp. 1817–1818.
6. Online Etymology Dictionary Online etymology dictionary [Электронный ресурс] // <https://www.etymonline.com>. URL: https://www.etymonline.com/word/chop-chop#etymonline_v_47192 (дата обращения 27.09.2019).
7. Oxford English Dictionary, Oxford Dictionary of English. 3 edition. Oxford: Oxford University Press, 2010.
8. Tranter N, Graphic loans: East Asia and beyond // *Word*. – 60 (1). 2009. pp. 1–37.
9. Wang Ch., Zhou X., Chen J., Chinese Borrowings in English. Chinese Cultural Identity and Economic Development // *Open Journal of Modern Linguistics*. No. 7. 2017. pp. 75–89.

10.02.04

Т.Е. Краутман канд. филол. наук

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Симферополь, fhntvrf.ru@mail.ru

СИСТЕМАТИЧНОСТЬ АНГЛИЙСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В ТЕКСТЕ ЗАКОНА

Статья посвящена изучению систематичности терминологии в английском тексте закона. Рассматриваются подходы к выделению критериев систематичности. Анализируются тексты законов на английском языке, выделяются основные проблемы терминосистем при переводе текста закона с английского языка на русский.

Ключевые слова: *перевод, систематичность, текст закона, юридический термин.*

Исследование лингвистического аспекта написания закона должно, с одной стороны, быть направлено на обеспечение однозначности понимания и толкования правовой информации, с другой, соответствовать цели создания основных принципов законодательной техники, которая позволит унифицировать и систематизировать языковые средства таким образом, чтобы избежать двусмысленность не только в исходном тексте, но и в тексте перевода. Так, профессор А.С. Пиголкин [9] одним из главных требований, которые должны предъявляться к законодательному тексту, называет систематичность построения текста, в основе которой логичность изложения, взаимосвязь и взаимозависимость всех частей правовой системы, то есть возникает потребность в систематичности терминологии в сфере законодательства.

Актуальность изучения системности терминологии в различных сферах деятельности человека подтверждается большим количеством исследований, среди которых работы Л.М. Алексеевой и Д.В. Василенко [1], подробно освещающие историю вопроса. Авторы стремятся выйти за пределы традиционных представлений системности, существующих в отечественной лингвистике и определяют терминосистему как совокупность отношений, отражающую особенности конкретной человеческой деятельности, представляющей собой целостность, определяемую внутренними детерминантами терминосистемы. В статье «Системность терминологии» [1] Л.М. Алексеева и Д.В. Василенко подробно анализируют понятия «терминология и терминосистема», «структура и система», рассматривая их с позиций методологического и когнитивного аспектов. Термин связывается с определенной деятельностью, элементом которой он является, с развитием конкретной области знаний. Среди основных признаков термина исследователи выделяют интегрированность и цельность. Системные свойства терминологии проявляются в совокупности терминов, являющиеся достаточными, чтобы достичь точных формулировок определенных явлений, при этом между терминами должны устанавливаться семантические связи.

Необходимо отметить, что в лингвистике не установлены строгие параметры системности термина, поэтому нет четких критериев определения взаимосвязи элементов терминологии различных областей науки. Решение этой задачи предлагает А.Б. Фогель в статье «Системность как свойство термина (на материале автомобильной терминологии)» [7], в которой исследователь устанавливает и приводит анализ параметров системности термина для определения процессов взаимодействия всех элементов систем различных областей знаний человека. Исследователь предлагает такие критерии системности, как целостность, структурность, иерархичность, элементность, взаимосвязанность, динамичность, функционирование. При этом терминология рассматривается как совокупность специальных понятий, объединенных в терминосистемы, отражающие понятийный аппарат конкретных наук. Из этого следует, что необходимым качеством, которым должны обладать и

юридические термины, является семантическая точность, которая обеспечивается, прежде всего, систематизацией понятий, то есть образованием видовых понятий от родового понятия.

В.В. Алимов в «Теории перевода» [2] систематичность термина рассматривает с позиции не только его способности отражать систематизированную цепочку понятий, но и создавать новые видовые понятия, которые появляются в результате развития определенной сферы деятельности человека. Систематичность терминов, по мнению исследователя, является важным условием для установления семантических связей между понятиями, достижения их точности.

В.М. Нестерович в статье «Проблемы перевода юридических терминов» [4] среди характеристик юридического термина выделяет однозначность и функциональную устойчивость. Автор подчеркивает необходимость создания системы юридической терминологии, которая бы отвечала требованиям универсальности и устойчивости, то есть при переводе текста закона с английского языка на русский должны использоваться однозначные эквиваленты. Исследователь отмечает принципиальное отличие общелитературного языка от юридической терминологии. Среди требований к терминологии в работе выделяются опора на правовую систему, с использованием ей присущих юридических терминов для достижения максимальной адекватности при переводе. При этом сохраняются трудности, связанные с отсутствием эквивалентной лексики в языке перевода и слов-реалий. Данный вопрос рассматривался в статье Т.Е. Краутман «Лексико-грамматические трансформации при переводе текста закона с английского языка на русский» [4].

Т.В. Шетле в статье «К вопросу о системности терминологии банковского дела» [8] рассматривает терминосистему как определенную лексическую подсистему в рамках системы национального языка, в которой существует термин. Автор, вслед за О.С. Ахмановой, определяет термины как средство точного выражения понятий и предметов специального языка, которым характерна определенная лингвистическая упорядоченность, представляющая собой терминосистему. В исследовании Т.В. Шетле опирается на принципы определения терминологии как системы, сформулированные А.Г. Анисимовой [8], среди которых родовитая иерархия терминологических единиц, однозначность терминологических единиц, преобладание структурных моделей, по которым строятся терминологические сочетания, наличие антонимических отношений между терминологическими единицами, преобладание терминов-словосочетаний определенного типа.

Таким образом, анализ исследований позволяет выделить критерии системности терминологии в законодательной системе, которые должны отражаться как в тексте закона, так и в тексте перевода: опора на правовую систему, цельность, точность, структурность, взаимосвязанность, интегрированность, семантическая точность, функционирование, преобладание структурных моделей.

Однако анализ текста закона острова Мэн «*Terrorism and the Financing of Terrorism*» (2012) и закона «*Anti-terror law*», опубликованном в Турецкой Республике 12 апреля 1991 года, позволил определить, что национальный характер правовых систем различных государств (наличие безэквивалентной лексики и слов-реалий, образованных в результате определенных исторических ситуаций), а также неоднозначность трактовок терминов (например, *person*, *entity*, *individuals*), приводит к двусмысленности текста оригинала и текста перевода. Так, в юридических токовых словарях *entity* имеет следующие значения:

Entity n. a general term for any institution, company, corporation, partnership, government agency, university or any other organization which is distinguished from individuals [10].

Entity – экономический субъект; экономическая единица [5].

Entity – самостоятельное образование; самостоятельная правовая единица; организация – субъект права business ~ деловое сообщество corporate ~ корпорация, юридическое лицо legal ~1. Юридическое лицо 2. Субъект права [3].

Таким образом, текст закона как объект исследования гуманитарных наук, тесно связанный с деятельностью человека, находится под влиянием субъективных оценок исследователей, поэтому систематичность, в первую очередь, терминологии законодательной системы зависит от ряда факторов. Во-первых, термин должен рассматриваться как часть научной лексики в законодательной системе, однако исследователи могут интерпретировать одно и то же понятие разными способами, что приводит к многозначности его употребления. Во-вторых, формальное совпадение термина со словами общего языка могут затруднять понимание правового значения термина. В-третьих, исследователи могут создать термин исходя из собственного представления о понятии, не полагаясь на определенные объективные критерии. Очевидно, что в законодательной сфере существует необходимость сознания единой универсальной терминологической концепции, теоретической и методологической основы терминологической деятельности.

Список литературы

1. Алексеева Л.М., Василенко Д.В. Системность терминологии // Вестник Пермского университета // URL: http://www.rfp.psu.ru/archive/4.2015/alekseeva_vasilenko.pdf
2. Алимов В.В. Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации: Учебное пособие. Изд. 3-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 160 с.
3. Англо-русский и русско-английский юридический словарь / под редакцией доктора педагогических наук, профессора К.М. Левитана. – М.: Проспект, 2018. – 507 с.
4. Краутман Т.Е. Лексико-грамматические трансформации при переводе текста закона с английского языка на русский / Т.Е. Краутман // Казанская наука. №8 2019. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2019. – С. 50 – 52.
5. Мамулян А.С., Кашкин С.Ю. Англо-русский полный юридический словарь / А.С. Мамулян, С.Ю. Кашкин. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 816 с.
6. Нестерович В.М. Проблемы перевода юридических терминов / В.М. Нестерович // Право и управление. XXI век. № 2 (19), 2011. – С. 77 – 79.
7. Фогель А.Б. Системность как свойство термина (на материале автомобильной терминологии) / А.Б. Фогель // URL: <http://www.dspace.nbu.gov.ua>
8. Шетле Т.В. К вопросу о системности терминологии банковского дела / Т.В. Шетле // Язык, сознание, коммуникация. – М.: МАКС Пресс, 2007. – Вып. 35. – С. 87 – 103.
9. Язык закона / С.А. Боголюбов, И.Ф. Казьмин, М.Д. Локшина, С.С. Москвин, А.С. Пиголкин и др.; под ред.: А.С. Пиголкин. – М.: Юрид. лит., 1990. – 192 с.
10. Legal Dictionary// URL: <https://dictionary.law.com/>

10.02.04

А.А. Кулыева, Д.Р. Гилязова

Башкирский государственный университет,
aicoool@rambler.ru

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ГЛАГОЛА *TO WORK*

*Статья раскрывает и описывает когнитивную модель семантического поля, состоящего из лексико-фразеологического синонимического ряда с доминантой - *to work*. В статье анализируются глагольные единицы. С помощью ономаσιологической интерпретации словарные определения раскрываются по двух или трех аспектной характеристике: референтной+относительной или референтной+относительной+описательной. По качественному и количественному параметрам проводится анализ всех аспектов характеристики синонимического ряда.*

Ключевые слова: *когнитивный подход, лексико-фразеологическая парадигма, синонимический ряд, понятие, ономаσιологический аспект.*

В лингвистике последние двадцать лет изучается метод когнитивного моделирования языковых единиц и оказываются в центре внимания вопросы взаимодействия языковых категорий. Актуальность данной работы состоит в рассмотрении и анализе единиц лексико-фразеологического синонимического ряда с доминантой *to work*, а также применение когнитивных и функционально-семантических подходов. Научная новизна состоит в раскрытии и описании синонимического ряда с доминантой *to work* для лучшего осмысления развития основного концепта, а также использование ономаσιологического подхода для раскрытия относительной, референтной, описательной характеристики единиц, входящих в состав синонимического ряда.

Цель данной статьи заключается в рассмотрении того, как языковые единицы, представляющие лексико-фразеологическую синонимическую парадигму с доминантой *to work* функционируют и взаимодействуют в окружении лексических единиц. В рамках исследования были использованы следующие методы анализа: 1) функционально-семантический метод глагольных единиц; 2) компонентный анализ; 3) анализ на основе лексикографических определений.

Когнитивная лингвистика как активно развивающееся лингвистическое направление позволила соединить все языковые явления с мыслительной деятельностью человека. Под когнитивной лингвистикой понимается свойство языка, представляющее все явления и опыт, полученный человеком в реальном мире. Когнитивная функция на основе концептуализации отражает процесс восприятия. В настоящее время когнитивная наука – это раздел науки, который связан с оперативным мышлением, мыслительными процессами. Она сочетает различные науки для объяснения определенных аспектов человеческого разума (философию, психологию, лингвистику, логику, антропологию и нейробиологию). Кубрякова Е.С. отмечает, что развитие когнитивной науки за рубежом совпадает с развитием ономаσιологического подхода в отечественной лингвистике с 1960-х г. Она придерживается мнения, что когнитивистика и ономаσιология имеют много общего [2]. Исследование на основе когнитивности корреляции глагольных значений, обозначающих действие, представляет значительный интерес. Описание глагола как части речи, отражающей определенный человеческий опыт, дает возможность объяснить, какое понятие о мире имеет глагол. Когнитивное моделирование глагольной семантики может осуществляться с помощью ономаσιологической интерпретации их определений, имеющих 2-3 аспекта характеристики: референтную, описательную и относительную [1].

Под референтной характеристикой понимается указание на конкретное действие или состояние. Качественный анализ референтной характеристики действия дает возможность определить область глагольного отношения. Количественный анализ показывает, что глаголы могут иметь 1) одно действие – простая референтная характеристика; 2) два действия, находящиеся в отношениях конъюнкции и дизъюнкции – сложная референтная характеристика. В относительной характеристике глагол имеет такие признаки, как статичность и динамичность, предельность и неопредельность, повторяемость и неповторяемость, продолжительность во времени, место действия. Количественный аспект относительной характеристики показывает, что некоторые глаголы проявляют 2 вида одной и той же особенности. Качественный аспект описательной характеристики показывает, что они проявляют такие особенности действия, как причина, способ, инструмент, интенсивность, субъектное отношение, объектное отношение и оценка. Количественный аспект описательной характеристики показывает, что количество особенностей может насчитываться от 1 до 4 и более [1].

Проблема определения и методологии синонимии всегда была актуальной. Основной категорией в исследовании синонимии является лексическое значение. Когнитивное моделирование глагольных единиц рассматривает категориальную особенность глагола «действие-процесс» в 3 аспектах характеристики: референтную, относительную и описательную. Сравнение ономаσιологических аспектов лексических и фразеологических синонимов с ономаσιологическим аспектом доминанты позволяет определить объем и диапазон концептуальной раскладки доминанты внутри рамки референтной, относительной и описательной характеристики действия.

Обратимся к ономаσιологическому анализу концептуальной раскладки синонимической доминанты *to work* – работать:

1. *to work* – *to do a job that you are paid for; to engage physical or mental ability;*
2. *to labour* – *to work hard;*
3. *to buckle down* – *informal – to start working seriously;*
4. *to bash away* – *informal – to continue working hard at smth.;*
5. *to bash on* – *informal – to continue working in order to finish smth.;*
6. *to beaver away* – *informal – to work hard, especially at writing or calculating smth.;*
7. *to be attached to smth.* – *to work for part of a particular organization, especially for a short period of time;*
8. *to be on duty* – *to be working at a particular time, especially doing a job which people take turns to do so that someone is always doing it;*
9. *to char* – *old-fashioned – to work as a cleaner in a house, office, public building;*
10. *to clerk* – *informal – to work as a clerk;*
11. *to collaborate* – *to work together with someone in order to achieve something especially in science or art;*
12. *to drudge* – *to do laborious or mental work;*
13. *to edit* – *to work as the editor of a newspaper or magazine, etc.;*
14. *to manipulate* – *to work skillfully with information, systems etc. to achieve the result that you want;*
15. *to freelance* – *to work independently for several different companies or organizations rather than being directly employed by one;*

Phraseological units:

1. *to break your back* – *spoken – to work very hard to try and do smth.;*
2. *to burn the candle at both ends* – *informal – to work too hard for too long;*
3. *to burn the midnight oil* – *informal – to work or study until late at night;*
4. *to fight a losing battle* – *to work hard when you cannot succeed;*
5. *to grind the faces of the poor* – *to make poor people work very hard and give them almost nothing in return;*
6. *to give smth. a lick and promise* – *to do a job quickly and carelessly [4].*

Все проанализированные глагольные единицы составляют синонимический ряд с доминантой *to work*. Доминантный глагол *to work* отражает когнитивную корреляцию действия по референтному и относительному аспектам. Его референтная характеристика сложная, так как включает 2 дизъюнктивно связанных действия: *to work – to engage in physical or mental activity*. Относительная характеристика отражает такие признаки, как динамичность и субъектная направленность действия.

Все глаголы-синонимы повторяют объем референтной характеристики доминанты. Они дополняют относительную характеристику доминанты по следующим признакам: время (*to gallop through – to do a job, some work very quickly*), фаза действия (начало – *to buckle down – to start working seriously*), субъектно-объектная направленность (*to give smth. a lick and promise – to do a job quickly and carelessly*). Глаголы-синонимы дополняют описательную характеристику доминанты по таким признакам, как способ (*to rise through ranks - to start working for an organization in a low-paid job, and to gradually improve your position, until you get a very important job*), интенсивность (*to put one's back into – to work very hard at smth.*), причина (*to strike for – to stop working because of disagreement*), оценка (*to burn the candle at both ends – to work too hard for too long*), цель (*to hunker down – to work hard to completely prepare yourself for difficult situation*) [5].

Последовательное наложение ономаσιологических оснований одних глаголов на ономаσιологическое основания других с учетом характера и объема референтной, относительной и описательной характеристики именуемых действий позволило установить шесть моделей двух- или трехаспектной конкретизации категориального ономаσιологического признака глагольности (см.таблицу).

Условные обозначения: + наличие; - отсутствие; ++ отношения конъюнкции; ++ отношения дизъюнкции.

Ономаσιологический анализ моделей характеристики синонимического ряда

Глаголы	Референтная характеристика	Относительная характеристика	Описательная характеристика
<i>to work</i>	++	++	-
<i>to labour</i>	+	++	+
<i>to buckle down</i>	+	+++++	++
<i>to bash away</i>	+	+++++	+++
<i>to beaver away</i>	+	++	++
<i>to be attached to smth</i>	+	+++	++
<i>to be on duty</i>	+	++	++
<i>to char</i>	+	+++	++
<i>to clerk</i>	+	++	++
<i>to collaborate</i>	+	++	+++
<i>to drudge</i>	+	++	++
<i>to edit</i>	+	++	+++
<i>to manipulate</i>	+	+++	+++
<i>to freelance</i>	+	++	+++
<i>to break your back</i>	+	++	++
<i>to burn the candle at both ends</i>	+	++	+++
<i>to burn the midnight oil</i>	++	++	++
<i>to fight a losing battle</i>	+	++	++
<i>to grind the faces of the poor</i>	++	++	+++
<i>to give smth a lick and a promise</i>	+	++	++

Количественный анализ данного исследования показал, что все 19 глагольных единиц имеют три аспекта характеристики: референтную, относительную и описательную, а одна единица имеет двух аспектную характеристику (референтную и относительную). Две глагольные единицы в исследуемом синонимическом ряду имеют отношения дизъюнкции, одна единица имеет отношение конъюнкции. Для полного раскрытия концепта в относительной характеристике глагольные единицы могут иметь до 5 признаков.

В данной статье было рассмотрено когнитивное моделирование лексико-фразеологической парадигмы глагола *to work*. Сравнение ономазиологических аспектов доминантного глагола позволило определить объем и диапазон развертывания концепта в рамках референтной, относительной и описательной характеристики действия.

Список литературы

1. Калимуллина В.М., Утяшева Т.З. Когнитивное моделирование семантики английских глаголов // Проблемы современной лингвистики: коммуникативно-функциональное описание языка: сборник научных статей/ Изд-е Башкирского ун-та. – Уфа, 1999. – С.67-71.
2. Кубрякова Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный». Вестник Воронежского государственного ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2001. С.4-10.
3. Кулыева А.А. Синонимический ряд как компонент функционально-семантической сферы. В сборнике: Межкультурная↔Интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода. Материалы VII Международно-практической конференции. Пешкова Н.П., отв.ред. 2018. С.151-155.
4. Macmillan English Dictionary for Advanced learners. Second edition, 2007.

10.02.04

¹Е.Н. Морозова канд. филол. наук, ²И.Э. Федюнина канд. филол. наук

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

¹педагогический институт, факультет иностранных языков,

кафедра английского языка и методики преподавания,

²институт межкультурной коммуникации и международных отношений,

кафедра английской филологии и межкультурной коммуникации,

Белгород, morozova_e@bsu.edu.ru, innafedyunina@yandex.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В работе представлены результаты изучения фразеологизмов английского языка, характеризующих финансовый статус человека. Выявляются факторы, определяющие ситуативную специфику их прагматического эффекта. Делается попытка выявить взаимосвязь прагматического содержания фразеологизмов с нормами и тенденциями англоязычной культуры, установками и приоритетами её носителей.

Ключевые слова: *фразеологизм, прагматический эффект, оценочная коннотация, внутренняя форма, контекст, финансовый статус.*

Данная статья посвящена изучению фразеологических характеристик финансового статуса человека в английском языке в рамках когнитивно-прагматического подхода. С позиций когнитивной прагматики, ФЕ «выступает не столько в качестве номинативного, сколько интерпретирующего средства языка, поэтому её содержание носит... оценочный характер» [2]. Сущность прагматического эффекта ФЕ заключается в её воздействии на образное мышление, эмоции и систему ценностей реципиента с целью вызвать у него определённое отношение к характеризуемому объекту. Таким образом, оценочная коннотация ФЕ, тесно связанная с её внутренней формой, является ключевым компонентом прагматического эффекта, фокусом внимания исследователя. Однако когнитивно-прагматический потенциал ФЕ полностью реализуется только ситуативно, поскольку «значительную роль в процессе концептуализации мира с точки зрения ценностей и оценок играет ситуативно-субъективный фактор» [3]. Мы полностью разделяем точку зрения Н.Ф. Алефиренко, согласно которой «одна и та же фразема в разном дискурсивном контексте представляет собой некие фразеосемантические варианты, вызывая разные её смысловые восприятия» [1]. Это утверждение актуально и для ФЕ, характеризующих материальное положение человека, большая часть которых имеет тенденцию к «гибкости и способности менять... внутреннее содержание» [5]. Поэтому в нашей работе особое внимание уделяется контекстуальному анализу. Однако мы стремились не только выявить закономерности прагматического воздействия ФЕ, но и установить, отражают ли они какие-либо социокультурные тенденции носителей языка, связанные с категоризацией финансового статуса. Именно в этом заключается новизна нашего исследования.

В данной работе мы сконцентрируем внимание на двух семантических группах ФЕ-идиом. К первой группе относятся ФЕ, актуализирующие очень высокую степень финансовой обеспеченности – *be rolling in money, live in the lap of luxury, be made of money* и др.

Анализ их дискурсивного функционирования выявил две существенных закономерности. Во-первых, представление о богатстве как об исключительно позитивном явлении, как правило, присуще людям, живущим в стеснённом финансовом положении; в высказываниях самих обладателей больших денег часто актуализируются различные негативные аспекты.

Рассмотрим два примера. 1) • In college, if I had some extra money, I used to go out in a restaurant, just to pretend for a few hours that I *lived in the lap of luxury* [7]. 2) • I have to earn enough to keep my wife *in the lap of luxury*. If you were me for a month, you might change it into two weeks [4]. Очевидно, что в первом случае стиль жизни, характеризуемый ФЕ, представлен в образе утешительной мечты, а в другом – скорее в образе порочного круга, где повышение доходов лишь провоцирует новые потребности и прихоти. Во-вторых, достаточно частотны контексты, в которых внимание акцентируется либо на отталкивающих личностных качествах и поведении субъекта, являющихся прямым следствием наличия «лишних денег», либо на несоответствии образа жизни предполагаемым доходам. В таких ситуациях характерным средством изменения оценочной коннотации ФЕ является использование в высказывании лексем-пейоративов, относящихся к субъекту: • Look at this idiot in the black Porsche – he's got *money to burn* and he wants everyone to know it [8]. • A nurse living on Seabrook? That was odd. Some of the priciest real estate in the area. *Nothing low end*. How did he do it? The guy had to be dirty [9]. Таким образом, семантико-прагматическое содержание ФЕ получает дополнительные признаки, вызывающие у реципиента подозрения, чувства неприязни, опасности и т.п.

Вторая группа идиом в семантическом плане разбивается на две подгруппы: одна характеризует стеснённое материальное положение, часто имеющее временный характер (*tighten your belt, feel the pinch*), другая – однозначно низкий финансовый статус, бедность (*hardly make the ends meet, on a shoestring*). Заметим, что это разделение достаточно условно, т.к. выбор идиомы, характеризующей конкретную финансовую ситуацию, часто определяется субъективным фактором. Проиллюстрируем это примером: • “Eveline, try to be optimistic. We all have to *tighten our belts* sometimes...” – “Be optimistic? Hell, want to try yourself what it's like, doc? Being a part-time barmaid, split from your husband and having four kids? It's not about *tightening* anything, it looks more like *going down and out*!” [7] Очевидно, что участники данного дискурса видят ситуацию по-разному. С точки зрения адресанта это, безусловно, нелёгкий период, но не трагедия, и его нужно преодолеть, сохраняя оптимизм и выдержку, не опуская рук. Именно такую оценку ситуации отражает употреблённая им ФЕ *have to tighten your belt*, прагматическое воздействие которой основано на актуализируемых внутренней формой признаках дискомфорта и потенциальной опасности, но также на импликации смыслов мобилизации резервов, борьбы и перспективы улучшения. Однако реципиент подавлена, раздражена, испытывает страх, не видя возможности что-то изменить к лучшему, и поэтому характеризует своё положение и ближайшее будущее гораздо более экспрессивной и нагруженной негативом ФЕ *down and out*. Её семантическое содержание, кроме крайней нехватки денег, включает отсутствие приличной работы и жилья. Этот набор характеристик демонстрирует внутренняя форма: *down* – низкий финансовый и социальный статус, *out* – выброшенность из социума, из общего течения жизни. Идиома имеет исключительно отрицательную оценочность и дополнительно имплицитно семантические элементы безнадёжности и дальнейшего движения «по наклонной».

Особый интерес в этой группе представляет ФЕ *on a shoestring*, для которой характерна высокая степень прагматической гибкости и дискурсивной зависимости. Её изначально отрицательная коннотация реализуется в тех случаях, когда контекст фокусирует внимание на проблемах, связанных с ограниченностью средств: • The restaurant is *run on a shoestring*, we can't afford to take on any more stuff [4]. Но если дискурс объективирует успешность предприятия, проведённого в условиях дефицита средств, негативный импликационал ФЕ минимизируется: • Campaigning *on a shoestring budget*, Democrat Paul Witkowski defeated the Republican senator [6]. • A British science fiction film made *on a shoestring budget* is taking America by storm [там же]. Во втором из приведённых примеров за счёт мощного позитивного эмоционального заряда идиомы *take by storm*, обозначающей молниеносно завоеванный успех, ФЕ *a shoestring budget* практически утрачивает отрицательную оценочность и вызывает чувства уважения, восхищения личностью и деловыми качествами того, кто умеет многого добиться с минимальными затратами. Важно отметить, что

актуализированная здесь тенденция действительно имеет место в современных англоязычных культурах.

Суммируем результаты нашего исследования. Оценочная коннотация большинства изученных нами ФЕ и их прагматическое воздействие в целом не являются изначально фиксированными, а формируются и реализуются за счёт дискурса, в котором употреблена ФЕ. Характерна зависимость категоризации материального положения от личного опыта, оценочных критериев, эмоционального состояния и вовлечённости коммуникантов в ситуацию. Контекстуальный анализ также выявил важную социальную тенденцию современных англоязычных культур: отсутствие высоких доходов и лимитированность бюджета представляются не как ограничение возможностей и источник негативных эмоций, а скорее как стимулирующий фактор, заставляющий мобилизовать ресурсы, развивать изобретательность и вырабатывать умение достигать целей, не имея больших денег.

Список литературы

1. *Алефиренко Н.Ф.* Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма. – Белгород: Изд. БелГУ, 2008. – С. 31.
2. *Семененко Н.Н.* Типическая ситуация как объект ценностной концептуализации в паремическом тексте // *Современные достижения и новые направления филологии: сборник науч. тр. по итогам Международной научной конференции (12-13 февраля 2018 г.)* – Белгород: ООО «Эпицентр», 2018. – С. 41.
3. *Столяр Е.Д.* Об оценочной концептуализации мира в языке // *Когнитивная лингвистика в антропоцентрической парадигме исследований: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике (20-22 сентября 2017 г.)* – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 184.
4. *Cambridge Idioms Dictionary / McCarthy M., Walter E.* – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – С. 229.
5. *Carter R.* Language and Creativity: the Art of Common Talk. – N.Y.: Routledge Linguistics Classic, 2016. – С. 34.
6. *Collins Cobuild Idioms Dictionary / Potter E., Grossmith B.* – N.Y.: Harper Collins Publishers, 2007. – С. 327.
7. *Kellerman J.* Bad Love. – L.: Timewarner, 2014. – С. 327.
8. *Longman Idioms Dictionary / Stern K., Biswas P.* – London : Pearson Education Limited, 1998. – С. 201.
9. *Reichs K.* Break No Bones. – L.: Arrow Books, 2015. – С. 324.

10.02.04

¹А.Ф. Петренко канд. филол. наук, ²С.А. Петренко канд. филол. наук,
¹Н.А. Орлова канд. филол. наук

Пятигорский государственный университет,
¹Институт переводоведения и многоязычия,
кафедра словесности и педагогических технологий филологического образования,
²Институт иностранных языков и международного туризма,
кафедра экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции,
Пятигорск, petrenko@pgu.ru, speterson@yandex.ru, onina@yandex.ru

О МНОГОПЛАНОВОСТИ ПРИЕМА ПОВТОРА-ПОДХВАТА В ДИСКУРСЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В статье на примере вида повтора анадиплосиса рассматривается проблема достижения связности и цельности текста. Анадиплосис получает описание как средство реализации структурного наполнения текста. Выявляются многоплановые функции, выполняемые повтором-подхватом в дискурсе художественного произведения.

Ключевые слова: *повтор, анадиплосис, когерентность, текстообразование.*

Повтор - широко распространенное и многоаспектное явление, одна из стратегий художественного дискурса [3], содействующая архитектонике текста [4], решающая проблему структурного наполнения текста [2: 55], что объясняет необходимость и актуальность его исследования на материале современного английского языка в дискурсе художественного произведения.

Повтор в художественном дискурсе рассматривается лингвистами как основной конструктивно-смысловой элемент организации текстовой когерентности. Так, в поэтическом тексте повтор выступает в качестве приема композиционного членения, связывания словесного материала и выполняет архитектоническую функцию и функцию сцепления [7]. Повтор также является текстостроительным средством в прозе. В частности, он признается важным структурообразующим и связующим фактором в фольклорных текстах [1].

Среди многочисленных стилистических средств выразительности речи особого интереса с точки зрения текстообразующей функции заслуживает анадиплосис, представляющий собой разновидность лексического повтора. Анадиплосис – это повтор-подхват. Данная фигура речи состоит в повторении слова или выражения в начале или в конце следующих друг за другом словосочетаний (предложений), то есть конечный элемент одного высказывания повторяется в начале другого высказывания.

Рассмотрим случаи анадиплосиса в дискурсе современной художественной литературы как источников контекстуального прочтения лексических единиц, ведь рассмотрение функциональных аспектов повтора перспективно лишь в рамках целого текста.

В следующем микротексте твердое и уверенное *no* в конце первого предложения получает развитие в трех последующих:

Every fiber of her wanted to scream no. No, she didn't want to live in a converted warehouse. No, she didn't want to live in faraway, hyper-trendy Tribeca with its world-class galleries and fancy restaurants and nowhere to get a cup of bodega coffee or a basic burger. No, if she had two million dollars to spend on an apartment, that was absolutely, positively not what she would choose (8: 203-204).

При первом повторном употреблении *no* мы наблюдаем анадиплосис: слово, заканчивающее первое предложение, начинает последующее. В трех последующих предложениях разворачивается убежденное противостояние главной героини. Не желая спорить с мужем, однако, не принимая ни в коей мере его амбиций, Брук обращает свою

речь внутрь себя, рассуждая о том, почему такой выбор образа жизни ее не устраивает. Многократное повторение начала фразы свидетельствует о множественности причин, которые настраивают ее на противостояние.

В следующем примере анадиплосис – вторичное употребление прилагательного *hungry* указывает на озабоченность героини ее физическим ощущением голода, которое приводит к ее нервозности:

Sorry. I'm just hungry. Hungry and nervous (8: 49).

Не желая акцентировать внимание мужа на своем недовольстве, Брук находит другое объяснение своему настроению. Благодаря повтору происходит замедление повествования, во время которого героиня может обдумать тактику своего поведения и добавить дополнительную информацию в подтверждение своих слов.

Примеры анадиплосиса присутствуют не только в речи персонажа, но и в художественном описании в том случае, когда необходимо уточнение некоторых дескриптивных особенностей, служащих наиболее точному изображению повествуемого материала:

'That looks like a habit well worth sticking to,' said Scheherazade, with her smile, the smile in which her whole face participated (6: 198).

Употребление повтора в данном случае вполне оправданно, так как после первого применения лексемы *smile* происходит логическая пауза, акцентирующая внимание читателя на красоте девушки и особенностях ее улыбки. Вторичное применение той же лексемы сопровождается более конкретным описанием, в котором указывается, почему эта улыбка привлекает взгляды.

В следующих предложениях, содержащих анадиплосис, при повторе в качестве дополнительной информации, ради которой осуществляется повтор, указывается частотность описываемого действия, подтверждающую оправданность возврата к предыдущей мысли или некоторой задержки в повествовании:

And Keith felt it again (he felt it several times a day): the tingle of licence (6: 17).

Зачастую прием повтора-подхвата используется в построении диалога, когда собеседники подхватывают мысли друг друга, способствуя развитию общения. Наиболее удачные примеры анадиплосиса в таких случаях можно встретить в рассматриваемых нами художественных текстах:

'It's more than that. I'm not nuts, exactly, but I get episodes. I don't see things clearly. I misread things.'

'Particularly with girls.'

'Particularly with girls. And I'm outnumbered. I'm a bloke and a Brit.'

'And a het.'

'And a het. Where's my brother? You'll have to be a brother to me. No. Treat me as a child you never had' (6: 11).

В данном примере один из приятелей помогает второму высказывать свои мысли, вмешиваясь в его речь. Соглашаясь с другом, персонаж повторяет его поправки, продолжая развивать свою мысль. Такой прием необходим как свидетельство того, что друг не просто внимательно следит за ходом мысли собеседника, но и активно участвует в беседе, понимая его чувства и переживания, показывая свой интерес и неравнодушие к терзаниям друга.

Приведем еще примеры анадиплосиса:

Keith uneasily turned his head away. And felt a shadow cross the harlequinade – the harlequinade of his time (6: 14).

We are trapped by the truth, and the truth was that it all built very slowly (6: 31).

В каждом из приведенных примеров начальный сегмент заканчивается лексемой, которая подхватывает второй сегмент высказывания. Таким образом, осуществляется небольшая корректировка или раскрытие содержания мысли, высказанной в начале ситуации. Повтор-подхват способствует актуализации конкретного элемента предложения, выделяет главное и уточняет его. Во время повтора рассказчику/персонажу и читателю выкраивается время для переосмысливания вышесказанного.

Итак, употребление анадиплосиса в изученных контекстах из современной англоязычной художественной литературы выполняет одновременно несколько функций: 1) логическую функцию (выделение важной информации); 2) текстостроительную функцию (осуществление беседы или монологической речи персонажей); 3) содержательно-фактуальную функцию (интегрирует текст в единое целое); 4) фоновую функцию (повтор теряет свой статус эмфатического элемента и, наоборот, способствует выделению других частей высказывания, перенося на них акцент, выполняя функцию фона и придавая большую значимость важным элементам текста); 5) изобразительную функцию (выражается в конкретизации художественного образа, в более ярком и красочном изображении определенных деталей или картин происходящего); 6) характерологическую функцию (характеризует субъект речи посредством его высказываний); 7) экспрессивную функцию (повторяемая информация достигает особой выразительности при описании чувств персонажа – от радостных до удручающих и неприятных).

Как видим, многофункциональность приема повтора-подхвата в дискурсе художественного текста невероятно широка и многопланова: он выступает в качестве основы гармонизации текста, координирующей все его сущностные компоненты.

Список литературы

1. *Васильева Ю.В.* Повтор как принцип организации фольклорного текста (Лексико-синтаксический повтор в произведениях русского и англо-шотландского фольклора). Дисс. канд. филол. наук. Саратов, 2004. 213 с.
2. *Казаева Л.И.* Перевод текста и текстообразующих средств как реализация языковой личности автора // Вестник Югорского государственного университета. № 4 (5). С. 54-56.
3. *Мельничук О.А., Мельничук Т.А.* Стратегии художественного дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1 (34). С.125-135.
4. *Петренко С.А., Петренко А.Ф., Кузнецова М.С.* Лингвистическая амбигуэнтность в шутливых афоризмах английского языка // Гуманитарные исследования. 2019. № 2 (70). С. 48-54.
5. *Семина С.И.* Языковой повтор как конститuent полипредикативного сложносочиненного предложения в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С.И. Семина; Таганрогский гос. пед. ун-т. - Таганрог, 1999. - 19 с.
6. *Amis, M.* The Pregnant Widow / M. Amis. – L.: Vintage, 2011.- 470 p.
7. *Leech G.* Style in fiction / G. Leech, M. Short. - Cambridge: Cambridge University Press, 1996. - 350 p.
8. *Weisberger L.* Last Night at Chateau Marmont / L. Weisberger. – L.: Harper Collins Publishers, 2010. 424 p.

10.02.04

С.А. Стройков канд. филол. наук

Самарский государственный социально-педагогический университет,
кафедра иностранных языков,
Самара, stroikov@ya.ru

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО ГИПЕРТЕКСТА

В работе представлены результаты методологического исследования макро- и микроструктурных элементов электронного гипертекста с точки зрения лингвосемиотики. Изучены понятия малоформатного и крупноформатного электронного гипертекста, описаны термины «информационная единица», «гипертекстовая ссылка», «гиперкаркас», «интро», «заголовок», «электронный хедлайн» в качестве структурных элементов электронного гипертекста. Выявлено, что информационные единицы электронного гипертекста могут включать в себя невербальные элементы, которые автор относит к элементам параграфемии.

Ключевые слова: *лингвосемиотический анализ, электронный гипертекст, макро/микроструктура, информационная единица, гипертекстовая ссылка, гиперкаркас, интро, элементы параграфемии.*

Целью настоящей статьи является проведение наиболее подробного лингвосемиотического анализа структуры англоязычного электронного гипертекста. Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые с лингвистической точки зрения проводится методологическое исследование всех структурных элементов электронного гипертекста и устанавливаются их особенности.

Обзор литературы показал, что структура электронного гипертекста в той или иной мере изучалась в работах О.В. Барст, М. Визеля, О.В. Дедовой, Е.В. Зыковой, И.А. Ильиной, Е.С. Ключковой, Н.Ф. Буториной (Ковалевой), М.В. Минеевой, М.В. Масаловой, С.С. Панфиловой, Р.К. Потаповой, Т.И. Рязанцевой, П.И. Сергиенко, В.Н. Суриной, А.М. Тупиковой, Ю. Хартунга и Е. Брейдо, Е.А. Чувильской, Н.А. Шехтмана, В.А. Шульгинова и др.

Наше исследование позволило констатировать, что в большинстве случаев структуру электронного гипертекста характеризуют нелинейностью, а к основным структурным элементам электронного гипертекста ученые относят минимально значимую единицу и средство связи минимально значимых единиц. При этом в литературе существует множество терминов, которыми обозначают минимально значимую единицу электронного гипертекста, например, «гнездо», «узел», «текстон», «текстовый блок», «гипотекст», «фрагмент», «информационная единица» и др. Для обозначения средства связи минимально значимых единиц электронного гипертекста в литературе существует два термина: «гипертекстовая ссылка» и «гиперссылка», которые, по нашему мнению, являются тождественными. Вслед за А.М. Тупиковой мы будем выделять малоформатную структуру электронного гипертекста, которая, по мнению исследователя, включает в себя от 3 до 100 минимально значимых единиц, и крупноформатную, которая включает в себя более 100 минимально значимых единиц [7: 10]. При этом А.М. Тупикова полагает, что «малоформатные гипертексты не содержат ссылок на другие гипертексты, ссылки в них закольцованы, крупноформатные гипертексты содержат ссылки на другие гипертексты» [7: 84].

Минимально значимую единицу электронного гипертекста мы обозначаем термином «информационная единица», исследование которой позволило нам обосновать выбор этого термина и дать ей собственное определение: предельная минимально значимая основная

структурообразующая единица электронного гипертекста, информация которой вне зависимости от конечного объема гипертекста структурирована в виде определенного числа сравнительно небольших по своему объему текстов, мультимедийных, интерактивных элементов и элементов креолизации [2: 131].

Мы также выявили, что информационные единицы электронного гипертекста могут включать в себя вербальные и невербальные элементы, последние мы относим к элементам параграфематики, представляющие собой статичные, анимационные и интерактивные элементы, видео и аудио, характеризующиеся функциональными особенностями и содержащие гипертекстовые ссылки, при этом статичные параграфемные элементы преобладают в англоязычном электронном гипертексте [3: 191].

Для обозначения особого типа информационной единицы, предваряющего просмотр гипертекста, имеющего целью тематически сориентировать реципиента, сообщить ему нужное настроение или развлечь его, А.М. Тупикова вводит понятие «интро» [7: 124]. По нашим собственным наблюдениям к интро можно также отнести рекламные видеоролики длительностью в несколько секунд, появляющиеся на видеохостинге Youtube перед началом основного видео. Эти видеоролики содержат в себе гиперссылку, при активации которой происходит переход на сайт рекламируемого продукта.

По мнению О.В. Дедовой, в большинстве случаев в информационной единице нелинейного электронного гипертекста присутствует заголовок, или название, которое, как считает исследователь, следует признать важным элементом не только отдельной информационной единицы, но также элементом структуры электронного гипертекста в целом [1: 179, 185]. Этот исследователь в качестве композиционных единиц и элементов структуры выделяет также фрейм и меню [1: 168]. Фреймы, по мнению О.В. Дедовой, являются «важнейшим средством поддержания нелинейности», а меню представляет собой важнейший композиционный элемент электронного гипертекста, позволяющий осуществлять успешную навигацию [1: 216].

Развивая идеи О.В. Дедовой, А.Р. Утяшев вводит понятие «электронный хедлайн», под которым этот исследователь понимает «высказывание новостного сайта, представленное в виде короткого новостного сообщения, синтаксически самостоятельное, выполняющее роль источника гипертекстового перехода на страницу с полным текстом сообщения». А.Р. Утяшев также полагает, что «электронные хедлайны сопоставимы по своим функциям с лидами и заголовками, но не совпадают с ними полностью» [8: 76].

Исследование гипертекстовой ссылки (гиперссылки) в качестве средства связи информационных единиц позволило нам выявить существующие подходы к её определению, рассмотреть основные её характеристики, описать её лингвистическую специфику и функциональность; исследовать подходы к классификации гипертекстовых ссылок, разработать их типологию; а также провести анализ их языковой реализации. Под гипертекстовой ссылкой мы понимаем важнейший элемент структуры электронного гипертекста, являющийся средством (ин)когезии и средством обеспечения (ин)когерентности, обеспечивающий нелинейность, интерактивность и мультимедийность электронного гипертекста [4: 101–102].

В рамках настоящего исследования мы будем также выделять макроструктуру электронного гипертекста, которая представляет собой домашнюю, или начальную, страницу крупноформатного электронного гипертекста, и микроструктуру электронного гипертекста, представляющую собой структуру любой информационной единицы. Микроструктура, например, информационных единиц Википедии характеризуется наличием большого количества элементов креолизованного характера [5: 91].

В качестве еще одного структурного элемента электронного гипертекста В.Н. Сурина и В.А. Каменева рассматривают «гиперкаркас», под которым понимают «обязательный структурный элемент электронного гипертекста, представляющий собой информационный и навигационный ресурс, состоящий из верхней, боковой и нижней панелей, несущих информацию, подаваемую при помощи вербального, визуально-изобразительного,

цифрового и цветового кодов, предоставляющий реципиенту возможность определять путь прочтения / просмотра / прослушивания информации электронного гипертекста» [6: 136].

Таким образом, лингвосемиотический анализ структуры англоязычного электронного гипертекста позволил нам прийти к выводу, что электронный гипертекст может быть малоформатный и крупноформатный, крупноформатный, в свою очередь, обладает макро- и микроструктурой, основными структурными элементами электронного гипертекста являются гиперкаркас, информационные единицы (интро, как её вариант), в структуру которых входят вербальные элементы и элементы параграфемии, заголовков, электронный хедлайн и гипертекстовые ссылки, служащие средством (ин)когезии и средством обеспечения (ин)когерентности, обеспечивающие нелинейность, интерактивность и мультимедийность электронного гипертекста.

Список литературы

1. Дедова, О.В. Теория гипертекста и гипертекстовые практики в Рунете. – М.: МАКС Пресс, 2008. – 284 с.
2. Стройков С.А. Информационная единица как предельная минимально значимая единица структуры электронного гипертекста // Гипертекст как объект лингвистического исследования: Материалы III международной научно-практической конференции, 20 июня 2013 / отв. редактор С.А. Стройков. – Самара: ПГСГА, 2013. – С. 126–133.
3. Стройков, С.А. Анализ элементов параграфемии англоязычного электронного гипертекста // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2016. – № 3. – С. 187–192.
4. Стройков, С.А. Комплексное лингвистическое исследование гипертекстовой ссылки электронного гипертекста // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2019. – № 4 (91). – С. 99–112.
5. Стройков, С.А. Структурно-лингвистический анализ англоязычного электронного лексикографического гипертекста Википедия // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2016. – № 5 (109). – С. 90–94.
6. Сурина, В.Н., Каменева, В.А. Гиперкаркас как структурный элемент сайтового гипертекста // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 29 (320). – С. 133–136.
7. Тупикова, А.М. Гипертекст интернет-рекламы для детей (структурный и функциональный аспекты): дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2013. – 203 с.
8. Утяшев, А.Р. Формальные и семантические аспекты гипертекстуальности новостных сообщений в Рунете: дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2015. – 236 с.

10.02.04

А.О. Харабаева канд. филос. наук

Северо-Восточный федеральный университет,
Институт зарубежной филологии и регионоведения,
кафедра английской филологии,
Якутск, skao1@yandex.ru

ОБРАЗ ЯКУТИИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Проанализированы наиболее популярные источники англоязычных электронных СМИ для понимания, проводимой республикой работы по позиционированию региона за пределами Российской Федерации. Предметом исследования стали статьи и корреспонденция, репортажи, посвященные общественно-политической и культурной жизни Якутии.

Ключевые слова: образ региона, имидж региона, Республика Саха (Якутия)

Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа наиболее популярных источников англоязычных средств массовой информации для понимания проводимой республикой работы по позиционированию региона за пределами Российской Федерации. В 2007 году был издан указ Президента Республики Саха (Якутия) от 23 марта 2007 года «Об образовании совета по имиджевой политике Республики Саха (Якутия)», а также существуют Концепция имиджевой политики РС(Я) на 2012-2020 гг., план организационных мероприятий на 2012-2020 гг. по реализации концепции и другие документы [19]. Республика Саха (Якутия) вкладывает немалые средства для проведения спортивных и культурных мероприятий мирового уровня, таких как: Международные спортивные игры «Дети Азии»; во время традиционного летнего якутского праздника устанавливаются рекорды Гиннеса (**самый большой ансамбль хомусистов – 2011**, большое количество участников национального кругового танца осуохай - 2012, рекорд по массовому питью кумыса - 2014). Известно, что национальный эпос олонхо в 2005 г. вошел в Список шедевров устного и нематериального наследия человечества [8] и др. мероприятия.

В английском языке слово «имидж» и «образ» переводятся одинаково. Термин имидж является заимствованным из английского языка. А.А. Гравер даёт чёткое разграничение понятиям «образ» и «имидж»: «Имидж» – это то, что конструируется целенаправленно, в то время как «образ» формируется спонтанно [18]. Т.е. образ – это реальное, имидж – конструируемое. Рассмотрев необходимый материал, мы пришли к выводу, что посредством электронных публикаций наиболее рейтинговые издания формируют образ Якутии, а не имидж, т.к. материалы не являются заказными, они создаются независимыми от политических интересов Республики Саха (Якутия) и России издательствами. Результаты исследования могли бы быть интересны Совету по Имиджевой политике РС (Я), который был создан Указом Президента РС (Я) в 2007 г., для более глубокого осмысления результатов работы по построению имиджа региона.

Тексты, в которых затрагивается Якутия, чрезвычайно разнообразны по структуре. Однако по формату и по содержанию выделяются четыре типа текстов: новости, информационная аналитика и комментарий, текст-очерк (любые тематические материалы, обозначаемые английским термином «Features»), реклама. Для анализа образа Якутии в англоязычных СМИ мы просмотрели сайты изданий, которые имеют электронную версию новостей, а также электронные архивы. Анализируемые издания подобраны на основании опроса популярности медиаресурсов.

В ходе исследования мы обратились к данным национального исследования читательской аудитории Великобритании [11], к материалам наиболее популярных электронных изданий Великобритании, США, Канады: английских The Telegraph, The Guardian, Daily Mirror, The

Sun, американских The New York Times, Greenwich News, New York Daily Times, The Washington Post, USA Today и Los Angeles Times, канадских электронных изданий The Globe and Mail, National Post, The Toronto Sun и The Toronto Star. Всего проанализировано 152 публикации.

В изданиях Великобритании Якутия больше всего упоминается в новостях – 38 раз, в очерках и фотоочерках – 13. На электронных ресурсах британских СМИ представлены материалы, начиная с 2000-х годов. В связи с этим мы можем представить в данной работе образ Якутии начиная с 2000-х гг. до наших дней.

Собрав эмпирический материал указанных изданий, мы разбили их на виды публикаций СМИ, затем разбили публикации по следующим темам:

	Тема публикации о Якутии	Количество и типы текстов
1	Климат Якутии (окружающая среда) -	14 (новости – 3, очерки и фотоочерки – 11)
2	Наука в Якутии: древние ископаемые животные и клонирование мамонта	11 (новости – 7, очерки и фотоочерки – 4)
3	Чрезвычайные происшествия	11 (новости – 10, очерки и фотоочерки – 1)
5	Люди и культура Якутии	6 (новости – 2, очерк -2, фотоочерк -2)
9	Экономика/Торговля	8 (новости - 6, очерки и фотоочерки – 2)
12	Статуетка для Ди Каприо	1 (новость – 1)
13	История (колонии ГУЛАГ в Колыме)	1 (новости – 1)

Когда британские журналисты пишут о климате в Якутии, то чаще всего используют слова и выражения, характеризующие суровые погодные условия: «cold» (холод), «snow» (снег), «harsh winter» (суровая зима), «ice on the River Lena» (лед на реке Лена), «the Arctic» (Арктический), «coldest city» (самый холодный город), «cope with cold» (справляться с холодом), «chill out in the coldest city» (охладись в самом холодном городе), the north (север), «permafrost» (вечная мерзлота), «winter's tale» (зимняя сказка). Таким образом, мы видим, что журналисты Великобритании климат Якутии связывают с экстремальными холодами. Кроме этого, британские журналисты описывают якутскую кухню [16].

Английские журналисты часто обращаются к теме развития науки в Якутии в области исследований и попыток клонирования древних ископаемых животных. В рамках этой темы англоязычные журналисты часто используют слова: «Mammoth cloning», «Mummified animals are discovered in Siberia», «woolly mammoths» (Клонирование мамонта, Мумифицированные животные найдены в Сибири, шерстистые мамонты) [2]. Часто можно встретить название Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (СВФУ) и Музея мамонта СВФУ, как организаторов исследовательских работ. Таким образом, головной университет Республики является частью образа Якутии, как и палеонтологические исследования, которые проводятся в СВФУ.

Журналисты пишут о чрезвычайных ситуациях и природных катаклизмах в Якутии. Тема спасения пропавшей девочки была популярной: "3-х летняя девочка выжила чудесным образом, оказавшись в лесу 11 дней» (Miracle girl, 3, saved, a girl of three stranded for 11 days), girl lost in wilderness» (Девочка затерялась в дикой местности) [10]. Журналистов интересуют темы, которые являются сенсационными и потенциально могут собрать максимальное количество читательской аудитории.

На страницах английских СМИ Якутия часто выступает как регион, в котором развита алмазодобывающая промышленность. Пишут об алмазодобывающей компании Алроса в связи с международной корпорацией Де Бирс [9].

Газета The Guardian описывает, как на бывших местах исправительных трудовых колоний развивается туристическая инфраструктура. В материале представлена история времен советских лагерей для политических заключенных. Таким образом, образ Якутии, некогда имевший репутацию места ссылок, теперь превращается в место туризма. В описании журналистов предстает исторический образ Якутии.

Самыми популярными изданиями Соединенных Штатов Америки, согласно опросу населения [5], Якутия больше всего упоминается в новостях – 25 раз, в очерках и фотоочерках – 14.

П/п №	Тема публикации о Якутии	Количество и типы текстов
1	Наука в Якутии: древние ископаемые животных	- 8 (новости – 4, в очерках – 4)
2	Чрезвычайные происшествия	- 11 (новости – 10, в очерках – 1)
3	Климат В Якутии (окружающая среда)	- 6 (в очерках – 6)
4	Люди и культура Якутии	- 5 (новости – 1, в очерках и фотоочерках – 1)
5	Экономика/Торговля	- 7 (новости – 6, очерки – 1)
6	Внешняя политика	- 1 (в очерках и фотоочерках – 1)
7	Сфера образования	- 1 (в очерках – 1)

Больше всего американскими журналистами за последние 10 лет освещается тема науки в Якутии, связанная с раскопками остатков древнего мамонта и других животных, о возможности клонирования [6]. Второй по значимости темой являются новости о чрезвычайных происшествиях, связанных с популяцией волков и спросе на охотников, а также о спасенной 3-летней в 2015 году Карине Чикитовой. На страницах популярных американских изданий можно найти новости о суровом климате в Якутии, Якутию журналисты описывают как регион, обладающий большими запасами алмазов и золота [4].

Необходимо отметить, что электронные СМИ США отметили в новостях событие о создании якутскими фанатами статуэтки для Леонардо ДиКаприо [12].

Из канадских СМИ можно выявить, что Якутия больше всего упоминается в новостях – 13 раз, в очерках и фотоочерках 12 раз (см. Таблицу 3).

П/п №	Тема публикации о Якутии	Количество и типы текстов
1	Наука и исследования (Древние ископаемые)	- 5 (новости – 3, очерки – 2)
2	Чрезвычайные положения	- 6 (новости – 6)
3	Окружающая среда/климат	- 3 (очерки – 3)
4	Природные ресурсы	- 4 (новости – 2 очерки – 2)
5	Люди и культура Якутии	(Фанаты Ди Каприо новость -1) (очерки – 2)

Канадские издания больше всего внимания отводят исследованиям, связанным с древними раскопками ископаемых мамонтов. Климат и окружающая среда Якутии журналистами представлены образами села Оймякон как самого холодного города на земле [13]. В новостях пишут о ресурсах Якутии, полной редкоземельными природными ресурсами [7]. Культуру Якутии характеризуют как связанную с культурами Китая и северной Канады [1]. О чрезвычайных положениях также освещается проблема с дикими животными [3]. На тему природных катаклизмов журналистами подробно освещена проблема с тяжелыми паводковыми ситуациями на реке Лене [14].

Упоминается Якутия и в День Победы в связи с установлением бюста Сталина [15], и в замене избирателей в Якутске [17].

В ходе исследования были изучены теоретические основы особенностей электронных СМИ и их роль в формировании образа региона. Проведен анализ и создан образ Якутии на основе электронных публикаций, посвященных жизни и событиям в Якутии.

Анализ результатов исследования позволяет сделать следующие выводы: в англоязычных изданиях основное внимание уделяется климату региона – Якутия характеризуется как самое холодное населенное место на земле. Теме климата и холода уделяется самое большое внимание в британских изданиях.

Науке в Якутии также обращают большое внимание. Сенсационными новостями стали раскопки и исследования останков мамонта, выделяется участие Северо-Восточного федерального университета и Музея Мамонта СВФУ. Якутия характеризуется как регион с обширной дикой природой, которая населена волками и медведями. Образ Якутии

представляется также как главный алмазодобывающий регион России.

Совсем немного в англоязычных изданиях пишут о культуре Якутии. Однако мы нашли единичные статьи, где Якутия представлена как одна из мировых центров культуры коневодства. Британцы представляют якутов как народ, который чтит древние традиции гостеприимства. Образ Якутии, некогда имевший репутацию места ссылок, теперь превращается в место туризма.

Таким образом, в ходе исследования определены особенности электронных СМИ в формировании образа региона, проведен тематический, жанрово-стилистический анализ электронных публикаций, посвященных Якутии; в текстах англоязычных изданий выявлены базовые составляющие образа Якутии, создаваемый для читателей интернет-ресурсов, исследован образ якутской культуры как воплощение образа Якутии в целом, последовательно формируемого в электронных СМИ.

Список литературы

1. Byers M. Northern Russian artist make tracks // The Globe and Mail. 23.11.2011. URL:<https://www.theglobeandmail.com/opinion/article-northern-exposure-as-the-sea-ice-melts-paranoia-grows/> (дата обращения 16.05.2016).
2. Collins D. 10,000-year-old lions 'could be cloned' // The Sun. 28.10. 2015. URL:<https://www.thesun.co.uk/archives/news/85534/10000-year-old-lions-could-be-cloned/> (дата обращения 01.02.2019).
3. Gutterman S. Siberian region begins three-month wolf hunt // The Globe and Mail. 15.01.2013. <https://www.theglobeandmail.com/news/world/siberian-region-begins-three-month-wolf-hunt/article7377498/> (дата обращения 16.05.2016).
4. Hiatt F. Crimea's suddenly inevitable 'sovereignty' // The Washington Post. 24.03.2014. URL:<https://www.washingtonpost.com/blogs/post-partisan/wp/2014/03/24/crimeas-suddenly-inevitable-sovereignty/> (дата обращения 22.05.2016); Diamond giant has eye on change // Greenwich News. 4.10.2006. URL:<https://www.chron.com/business/article/Diamond-giant-has-eye-on-change-1905111.php> (дата обращения 22.05.2016).
5. <http://www.onlinenewspapers.com> (дата обращения 22.05.2016).
6. Jones P. 10,000-year-old lion cubs found in cave // USA Today. 29.10.2015. URL:<https://www.usatoday.com/media/cinematic/video/74695916/10000-year-old-cave-lions-found-well-preserved/> (дата обращения 22.05.2016).
7. Kepler J. Japanese traders want rare earths in Siberia // Financial Post. 11.02.2011. URL:<https://business.financialpost.com/investing/japanese-traders-want-rare-earths-in-siberia> (Дата обращения 16.05.2016).
8. List of the Intangible Cultural Heritage of Humanity (originally proclaimed in 2005). URL: <https://ich.unesco.org/en/RL/olonkho-yakut-heroic-epos-00145> (Дата обращения 26.01.2019 г.)
9. Lowe F. Alrosa lines up diamond flotation // The Telegraph. 03.12.2007. <https://www.telegraph.co.uk/finance/markets/2820508/Alrosa-lines-up-diamond-flotation.html> (дата обращения 01.02.2019)
10. Morgan S. Miracle girl, 3, saved after 11 days in bear-infested forest thanks to her pet dog // The Sun. 11.08.2014. URL:<https://www.thesun.co.uk/archives/news/1029294/miracle-girl-3-saved-after-11-days-in-bear-infested-forest-thanks-to-her-pet-dog/> (дата обращения 01.02.2019)
11. National Readership Survey <http://www.nrs.co.uk/> (Дата обращения 22.05.2016 г.)
12. Russian fans present DiCaprio with a homemade Oscar // Associated Press. 20.04.2016. URL:<https://www.businessinsider.com/ap-russian-fans-present-dicaprio-with-a-homemade-oscar-2016-2> (дата обращения 22.05.2016).
13. Shemetov M. Editor's choice – pictures of the day – the cold // The Toronto Star. 18.02.2013. URL:https://www.thestar.com/photos/from_the_photo_desk/2013/02/the-coldest-temperatures-in-the-northern-hemisphere-have-been-recorded-in-the-oymyakon-valley-where-according-to-the-united.html (Дата обращения 16.05.2016).
14. Siberian city's flood fears ease as water levels begin to drop // The Globe and Mail.

- 23.05.2001. <https://www.theglobeandmail.com/news/world/siberian-citys-flood-fears-ease-as-water-levels-begin-to-drop/article1031697/> (дата обращения 16.05.2016).
15. *Smith G.* War celebrations stir Soviet ghosts by Graeme Smith // The Globe and Mail. 10.05.2005. <https://www.theglobeandmail.com/news/national/war-celebrations-stir-soviet-ghosts/article18226618/> (дата обращения 16.05.2016).
16. What's the world's coldest city // The Guardian. 28.01.2015. URL:<https://www.theguardian.com/cities/2015/jan/28/what-world-coldest-city-yellowknife-ulaanbaatar-yakutsk> (дата обращения 26.09.2019).
17. *York G.* Corrupt Russian elections turning voters into cynics // The Globe and Mail. 1.01.2002. <https://www.theglobeandmail.com/news/world/corrupt-russian-elections-turning-voters-into-cynics/article4129502/> (дата обращения 16.05.2016).
18. *Гравер А.А.* Образ, имидж и бренд страны: понятия и направления исследования// Вестник томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – №3(19), 2012. - С. 38.
19. Указ Президента РС(Я) от 23.03.2007 №173 (ред. от 03.12.2013) "Об образовании Совета по имиджевой политике Республики Саха (Якутия) при Президенте Республики Саха (Якутия)" URL: <http://old.sakha.gov.ru/sakha/node/103723> (Дата обращения 26.01.2019 г.)

10.02.04

Л.Г. Юсупова канд. педагог. наукУральский государственный горный университет,
Екатеринбург, lyalyax@bk.ru**КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА**

В статье сформулированы представления о значении слова. Автор рассматривает исследовательские подходы в изучении лексического значения слова и отмечает, что все аспекты лексического значения слова составляют смысловое поле слова (смысл), которое можно представить как набор минимальных содержательных единиц - сем. В качестве особенности лексического значения слова автор выделяет опосредованную связь семантики слова с предметами, явлениями, процессами, действиями, имеющими место в реальной действительности. Автор разделяет мнение о том, что лексическое значение как закрепление разной степени сложности и важности структурированных совокупностей признаков (свойств и отношений)

Ключевые слова: значение слова, лексическое значение, семантический инвариант, денотативный и сигнификативный аспекты значения.

Значение слова – это его содержательная сторона (план содержания). Известный советский и российский лингвист Р.А. Будагов отмечает, что «значение слова – это исторически образовавшаяся связь между звучанием слова и тем отображением предмета или явления, которое происходит в нашем сознании» [2].

В отечественной лингвистике тема значения слова не раз привлекала внимание ученых, начиная с «Российской грамматики» М.В. Ломоносова. А.А. Потебня определял значение слова в составе предложения как внутреннюю форму слова: внутреннюю форму формируют не только языковые значения (категориальные и «свойственные ему одному»), но и «знание места, которое занимает слово в целом, будет ли это целое речью или схемой форм» [11, с. 66].

Естественно, что слово в синтаксическом образце проходит опосредование своей денотативной отнесенности через свою структурную «значимость» в этом образце. В работах В.Г. Гака и С.Д. Кацнельсона было сформулировано представление о значении слова как «иерархической организации, которая включает *архисемы* (общие семы родового значения), *дифференцирующие семы* видового значения и *потенциальные семы*, отражающие побочные характеристики обозначаемого предмета (4, 5) и в котором доминирующая роль принадлежит категориальному признаку (Кацнельсон, с. 150)» [7].

Значение есть конкретный способ, которым фиксируется в языке понятие. Поскольку каждому из нас мир видится по-разному, то и мир значений от языка к языку видоизменяется, по этой же причине «структура значений не только никогда не повторяется в различных языках, но и никогда не тождественна структуре понятий, стоящей вне языка и образующей логическую основу всех языков» [9].

Значение знака, как известно, определяется дифференциально, особенно после введения Ф. де Соссюром понятия «значимости», то есть в связи с отношениями, в которые данный знак вступает.

Как указывает А.И. Смирницкий, значение слова — это «известное отображение предмета, явления или отношения в сознании... входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка» [6, с. 150].

В рамках данной статьи хотелось бы рассмотреть исследовательские подходы в изучении лексического значения слова. Лексическое значение, в отличие от грамматического, не связано с изменением грамматических форм одного и того же слова и остается неизменным или постоянным при формоизменении, например в парадигме склонения или спряжения, при изменении в числе, роде и т. д. [4].

В русской и советской лексикологии лексическое значение (ЛЗ) слова (лексемы) стало рассматриваться как «определенная исторически сложившаяся структура внутрисловных семантических зависимостей, отмеченных не только формой данного словесного знака, но и средствами других уровней языка: морфологической формой слова (wood - woods), синтаксической позицией слова и моделью их сочетаемости в предложении [12, с.9].

Лексическое значение (ЛЗ) - указание на «известное содержание, свойственное только ему одному», т.е. данному слову в отличие от всех других слов [9].

По определению В.В. Виноградова лексическим значением слова является его «предметно - вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка» [3, с. 10].

Никитин М.В. под лексическим значением понимает «семантический инвариант номинаторов с общей лексемой, т. е. ЛЗ приходится в структуре номинатора на долю фиксатора, называемого лексемой» [13].

Все аспекты лексического значения слова составляют смысловое поле слова (смысл), которое можно представить как набор минимальных содержательных единиц - сем. Семы, в отличие от лексического значения, являются единицами, имеющими лишь план содержания, они более абстрактны, что дает возможность одной и той же семе входить в значение разных слов.

В.В. Виноградов отмечал, что слово, вне зависимости от его данного употребления, присутствует в сознании со всеми значениями, скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность [3].

Денотативный аспект лексического значения формируется признаками, которые составляют *денотат*. Под денотатом понимается языковое отображение понятия об обозначаемом предмете или явлении. Как отмечает Е.Г. Беляевская, денотативный аспект лежит в основе словарных дефиниций толковых словарей. В качестве примера возьмем слово *table*. Денотативный аспект слова *table* представляет собой указание на предмет определенного вида и функций, выступающий в качестве представителя определенного класса предметов, что отражено в словарной дефиниции: *piece of furniture consisting of a flat top with (used for) supports (called legs)* (ALD).

Помимо *денотативного значения* к вещественному содержанию (*способность слова использоваться для обозначения предметов и явлений объективной действительности, а также предметов и явлений, являющихся предметом мысли и мыслимых как существующие*) относится *сигнификативный аспект*. Под *сигнификативным аспектом* подразумевается понятийная сотнесенность имени, его способность отражать соответствующее понятие.

Выделение отдельно *денотативного и сигнификативного аспектов* ЛЗ связано не с различиями в процессе номинации и не с внутренними различиями двух разных типов наименования, а с тем, что значение сохраняет динамическую связь и с *референтом* (конкретным предметом) и с *понятием* (сигнификатом). Е.Г. Беляевская особо выделяет тот момент, что *значение и понятие* тесно связаны между собой, но «принадлежат как бы разным планам: понятие - явление внеязыковое, в то время как значение слова является языковым отображением понятия» [1, с.31].

Структура ЛЗ образуется прежде всего логическими связями, иррадируемыми его интенциональным ядром и захватывающими в перефирию его содержания импликациональные признаки [9, 11].

Таким образом, поскольку наше исследование имеет отношение к Санкт-Петербургской научной школе, мы разделяем мнение М.В. Никитина на проблему лексического значения.

В когнитивном аспекте лексические значения, по мнению ученого, представляют собой «сложные образования, на структуру которых спроецированы связи и отношения концептуальных систем сознания. В более узком понимании оно трактуется нами как *семантический кластер, включающий конфигурацию необходимых семантических компонентов, формируемый в сознании носителя языка, исходя из особенностей окружающего текста/дискурса.*

Список литературы

1. *Беляевская Е.Г.* Семантика слова: учеб. Пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1987. – 128 с.
2. *Будагов Р.А.* Слово и его значение / Р. А. Будагов. – М. : Наука, 1947. – 290 с.
3. *Виноградов В.В.* Основные типы лексических значений слова// Вопросы языкознания. 1958. №5.- С. 10.
4. *Гак В.Г.* Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания / В. Г. Гак // Семантическая структура слова : сб. ст. – М. : Наука, 1971. – С. 18–25.
5. *Звегинцев В.А.* Теоретическая и прикладная лингвистика / В. А. Звегинцев. – М., 1968
6. Лексикология английского языка [Текст] / Проф. А. И. Смирницкий; Подгот. к печати и отред. канд. филол. наук В. В. Пассек. - Москва: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. - 260 с
7. *Кацнельсон С.Д.* Содержание слова, значение и обозначение / С. Д. Кацнельсон. – М.: Л.: Наука, 1965. – 290 с.
8. *Маслов Ю.С.* Введение в языкознание: учеб. для филол. спец. вузов. – 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1998. – 272 с.
9. *Никитин М.В.* Лексическое значение слова (структура и комбинаторика): учеб. Пособие для пед. вузов. – М.: Высш. школа, 1983. – 127 с.
10. *Песина С.А.* Интенциональность и значимость языка в феноменологии / С. А. Песина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. – Тамбов: Грамота, 2012. – Ч. 1. – С. 151-154.
11. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. 3-е изд. М., 158. Т. 1
12. *Уфимцева А.А.* Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики / под. ред. Ю.С. Степанова. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 240 с.
13. *Saussure F. de.* Cours de linguistique générale. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1968. – 515 p.

10.02.19 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

10.02.19

Р.К. Ахметгареева канд. педагог. наук, М.К. Гулкян канд. филол. наук

Казанский государственный архитектурно-строительный университет,
кафедра иностранных языков,
Казань, rozateacher@mail.ru, mgerandmary@yandex.ru

**МОДЕЛИРОВАНИЕ И ВНЕДРЕНИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС
ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ИНТЕГРАТИВНЫХ ЗАДАЧ**

В данной статье раскрывается модель внедрения в образовательный процесс профессионально значимых интегративных задач. Данный подход предусматривает моделирование и внедрение в образовательный процесс гибких моделей интегративных задач, ориентированных на личность будущего специалиста. Задачный подход эффективен при формировании умений свободно и уверенно общаться и действовать в иноязычной среде, получать, обрабатывать и передавать информацию на иностранном языке.

Ключевые слова: *профессионально значимые интегративные задачи, образовательный процесс, иноязычная среда.*

Поиск путей совершенствования профессиональной подготовки современных инженеров в строительном вузе позволил нам выделить в качестве одного из подходов к решению данной проблемы - моделирование интегративных задач. Данный подход предусматривает моделирование и внедрение в образовательный процесс гибких моделей интегративных задач, ориентированных на личность будущего специалиста, которые становятся более мотивированными, носящими во многом вариативный и коррекционный характер. Как показывает практика, задачный подход эффективен и при обучении иностранному языку, при формировании у будущих специалистов инженерного звена умений уверенно общаться, читать технические тексты, схемы и действовать в иноязычной среде, свободно ориентироваться в иноязычном программном продукте современных информационных систем.

Необходимо согласиться, что моделирование относится к числу наиболее универсальных методов, которые применяются как на эмпирическом, так и на теоретическом уровнях исследования. Оно не только делает изучение, освоение более наглядным, но и позволяет более глубоко раскрыть сущность изучаемого явления. Наиболее приемлемой, по нашему мнению, является концепция, в которой в основу модели специалиста положена модель его будущей деятельности. Критерием обоснованности этой концепции выступает практика с ее сегодняшними и перспективными требованиями. В их свете выявляются существенные недостатки реальной подготовки специалистов, что также составляет сильную сторону данной концепции. Разработка модели специалиста на основе модели его деятельности дает возможность шире посмотреть на проблемы подготовки и использования специалистов, оценить качество работы различных звеньев вуза и построить модель как эталон, опираясь на который высшая школа может организовать и спланировать свое развитие [3].

Внедряя идеи моделирования профессионально ориентированных задач и ситуаций на кафедре иностранных языков, мы исходили из того, что это, прежде всего отражение реальной профессиональной деятельности в содержании обучения будущих инженеров. В создаваемом процессе будущий специалист получает наиболее полное представление о целостной профессиональной деятельности от целеполагания до самоанализа процесса и результатов деятельности. В конечном результате это позволит в дальнейшем специалисту менее болезненно войти в реальное выполнение своих должностных обязанностей. Он сможет самостоятельно читать технические тексты на английском языке, схемы, свободно ориентироваться в иностранном программном продукте современных информационных систем.

В нашем исследовании актуальной проблемой является создание адекватных моделей профессиональной деятельности и построение наиболее соответствующей требованиям профессиональной деятельности интегративных задач на занятиях по иностранному языку.

Рассмотрим, как теоретическая часть нашей проблемы сопряжена с практикой такого города как Казань. В центре г. Казани в начале 2019г. был запущен в эксплуатацию современнейший многоуровневый паркинг для легковых автомобилей. Паркинг рассчитан для стоянки 895 автомобилей. Представленный и введенный в эксплуатацию социально значимый объект оснащен в инженерном отношении современнейшим инженерным оборудованием. Для полноценной и безопасной эксплуатации данного паркинга предусмотрены следующие основные инженерные системы: система автоматической пожарной сигнализации, система контроля загазованности, система контроля и управления доступом, система автоматизации управления водяного пожаротушения, система автоматики общеобменной вентиляции и автоматики противодымной вентиляции и т.д. Можно добавить оборудование «паркоматов» и зарядных терминалов для электрокаров, лифтовое хозяйство и т.д. В перечисленных системах определенная часть оборудования требует от специалиста знания иностранного языка. Для безопасной и уверенной работы всей этой части инженерного оборудования обслуживающий инженерный персонал должен свободно читать (в том числе и на иностранном языке) технические тексты, схемы, уверенно ориентироваться в иноязычном программном продукте информационных систем. Необходим линейный инженерный персонал с набором базовых компетенций, способный грамотно эксплуатировать и выполнять регламентные работы, готовый решать в чрезвычайных ситуациях самые различные задачи часто интегративного характера. Подбор и прием на работу на такие сложнейшие в инженерном отношении объекты инженеров со знанием иностранного языка и творческим стилем мышления является сегодня непростой задачей.

Если теория и содержание учебных задач в рамках той или иной учебной дисциплины разработаны (и в теории, и в практике), то теория и практика моделирования (определение содержания интегративных задач) разработаны крайне недостаточно. На кафедре иностранных языков на моделируемых задачах представлены реальные процессы будущей профессиональной деятельности, требующие синтеза специальных и психолого-педагогических знаний. Решение разработанных нами интегративных задач с содержанием иноязычного текста предполагает воспроизведение ранее изученных знаний по различным учебным дисциплинам с их межпредметными связями. В процессе использования на занятиях разработанных задач и ситуаций формируется языковая культура студентов, расширяется их лингвистический кругозор.

Для преподавателя иностранного языка, использующего на занятиях задачи интегративного характера, важно хорошо знать особенности той деятельности, которой он желает научить своих студентов. Преподаватель должен четко представлять себе ее структуру, движущие механизмы, единицы, из которых она складывается, факторы, от которых зависит успешность ее протекания, трудности, которые могут встретиться на пути овладения этой деятельностью. Преподавателям необходимо овладеть закономерностями и приемами моделирования этой деятельности - способами естественного вовлечения студентов в деятельность общения, воспроизведения на учебных занятиях на иностранном языке фрагментов этой деятельности с учетом своих планов, интересов и желаний обучающихся, их индивидуальных особенностей.

Обобщая вышеизложенное, можно кратко подытожить, что применение на учебных занятиях различных задач интегративного характера обеспечивает надежный и гибкий путь формирования умений у будущих инженеров читать и понимать технические тексты, разбираться в тонкостях схем на английском языке, свободно ориентироваться в иноязычном программном продукте современных информационных систем и при необходимости уверенно действовать в иноязычной среде.

Список литературы

1. Ахметгареев Р.А., Хауринова О.Ю., Ахметгареева Р.К. Факторы и барьеры развития творческого мышления будущих инженеров в условиях современного вуза. // Сборник научных статей. Вестник №17. – Казань, КГТУ, 2011 – 230-234.
2. Вайсбурд М.Л. Использование учебно-речевых ситуаций при обучении устной речи на иностранном языке. - М.: Титул, 2001.-128с.
3. Кирсанов А.А., Жураковский В.М., Приходько В.М., Федоров И.В. Основы инженерной педагогики - М.: МАДИ (ГТУ); Казань: КГТУ, 2007.-498с.
4. Леонтьев А.А. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1977. – 237с.
5. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению.- М., 1989.
6. Ратнер Ф.Л. Развитие межкультурной коммуникации в курсе обучения иностранным языкам в высшей школе // Лингвистические основы межкультурной коммуникации: Материалы международной научной конференции 14-15 ноября 2003 г. Н.Новгород: НГЛУ им. НА Добролюбова, 2003. С.42-44.

10.02.19

**Н.В. Возмищева канд. филол. наук, Г.Е. Поторочина канд. педагог. наук,
М.Н. Смирнова канд. педагог. наук**

Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко,
кафедра иностранных языков и удмуртской филологии,
Глазов, natalymag@mail.ru, potorochina1959@mail.ru, dozentggpi@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ОБУЧЕНИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИМ АСПЕКТАМ ПЕРЕВОДА

В работе представлены результаты изучения проблемы необходимости обучения переводу с точки зрения лингвокультурной и аксиологической адаптации текста к принимающей культуре. Подчеркивается важность подготовки специалистов, способных к успешной межкультурной коммуникации. А также рассматривается ряд трудностей перевода аутентичных текстов, содержащих интертекстуальные включения.

Ключевые слова: аксиологическое переводоведение, лингвокультурная адаптация, гармония, дисгармония, адекватный перевод.

Актуальность выбранной темы обуславливается социальной востребованностью работ, направленных на пересмотр ряда положений современной теории обучения иностранным языкам в направлении анализа скрытого потенциала текста. Язык – зеркало культуры, он отражает не только не только условия жизни человека в реальном мире, но и общественное сознание людей, их менталитет, национальный характер и образ жизни, традиции, обычаи, нравы, ценности, отношение, видение мира. Цель данного исследования – рассмотреть проблему необходимости обучения переводу с точки зрения лингвокультурной и аксиологической адаптации текста к принимающей культуре. В работе рассматриваются некоторые идеи аксиологической и когнитивной лингвистики, выступающие прообразами аксиологического переводоведения. Настоящее время характеризуется переосмыслением и изменением системы ценностей, в том числе ценностей образования, и определяется рядом ученых как «аксиологическая революция». Это связано с тем, что человечество вступило в эпоху глобализации, возникла необходимость сотрудничества и конструктивного общения между носителями разных языков, а также подготовки специалистов-переводчиков, владеющих не только языковой, но и лингвокультурной компетенцией [6, с. 233 – 235].

Исследования таких авторов, как О.А. Иванов А.И. Криворучко, Н.Г. Погорелая показывают, что аксиологическое переводоведение является неотъемлемой частью современного антропоцентрического подхода к переводу, при котором возрастает не только переводящей личности, но также роли автора текста и его получателя, что в конечном итоге определяет качество перевода и успех общения. Крупнейшие отечественные ученые затронули в своих работах различные аспекты этой проблемы. Обратимся к работам Н.К. Рябцевой, которая дает лингвистическое обоснование современных проблем перевода. Ученый подчеркивает, что в отличие от языковой способности, которая формируется на неосознаваемом уровне, переводческая способность формируется сознательно. Следующее важное положение Н.К. Рябцевой касается асимметрии. Исследователь утверждает, что языки асимметричны по отношению друг к другу, между ними (за редким исключением) отсутствуют однозначные соответствия: лексические, грамматические, семантические и прагматические. Таким образом, перевод всегда асимметричен оригиналу [2, с. 52 – 53].

В исследованиях, проведенных Л.В. Кушиной, привлекает внимание неоднократные обращения к аксиологическим аспектам переводческой деятельности. Ученый утверждает, что аксиологический компонент переводческого пространства состоит в необходимости

овладения гармоничным переводческим мировоззрением, стремлением переводчика к качественному переводу. Гармония является новой доминантой аксиологического перевода. Так создается система оценки качества перевода, включающая две полярные категории: гармонию и диссонанс, а также две ключевых категории: адекватность и эквивалентность. Наиболее важной особенностью гармоничного текста перевода является его лингвокультурная адаптация к принимающей культуре, естественное вхождение в новую языковую и культурную среду. Дисгармония понимается как переводческая неудача, возникающая в результате ошибки, допущенной переводчиком [2, с. 54 – 56].

Ряд исследователей подчеркивает неразрывную связь между аксиологическим переводоведением, которое приобретает статус самостоятельной области лингвистики, и антропоцентрическим подходом к языку, тексту, дискурсу, так же, как к межкультурной, междискурсивной коммуникации, которая проявляется при переводе текста с одного языка на другой, из одного текстового и дискурсивного пространства к другому. В этот процесс вовлекается не только переводчик в качестве активной творческой языковой личности, но прежде всего автор текста и его получатель, что предопределяет переводческую сверхзадачу – достижение качественного переводного текста, обеспечивающего успешность коммуникации. Именно качество перевода текста, поиск тех аксиологических параметров, которые определяют переводы высокого качества, является предметом исследования аксиологического переводоведения [4, с. 59 – 60].

Несомненно, аксиологические аспекты перевода являются одним из наиболее спорных вопросов современного переводоведения. Однако единство теоретических взглядов в отечественной науке по этим вопросам не достигнуто до настоящего времени. Исследователь М.В. Игнатович выделяет такие аксиологические параметры в переводческом русле, как анализ намерений автора, прагматики, ассоциативных отношений, культурной идентичности интертекстуальных включений. Интересна также идея о сохранении авторских интертекстуальных включений и их отражений в тексте перевода, который в некоторых случаях требует от переводчика создания собственных интертекстуальных комментариев [4, с. 60 – 63].

Вышеизложенное свидетельствует о том, что вопрос об определении аксиологических параметров текста перевода остается открытым. На наш взгляд, для получения качественного гармоничного перевода специалисту необходимо не только уметь точно подбирать языковые соответствия, но также быть в курсе особенностей картины мира, концептосферы, менталитета и особенностей исторического развития породившего текст этноса. Рассмотрим некоторые из этих параметров более подробно.

Язык выступает средством создания не только языковой, но и художественной картины мира, которая, как утверждают З.Д. Попова и И.А. Стернин, представляет собой вторичную картину мира. Художественная картина мира также является частью национальной картины мира, которая представляет собой целостную модель, свойственную определенному типу культуры, некий инвариант, проявляющий себя через варианты: научную, религиозную, художественную и др. картины мира. Возможно описание концептуальной картины мира индивида по результатам его речевой деятельности, в частности, по создаваемому им художественному тексту. Очевидно, что художественный текст в значительной степени является отражением языковой личности автора и воплощает индивидуально-авторскую модель мира. Соотношение национальной и художественной картин мира диалектично, поскольку национальные концепты являются неотъемлемой частью индивидуальной концептосферы, репрезентированной в любом художественном тексте, а когнитивные единицы индивидуально-авторского мировосприятия, в свою очередь, входят в национальную концептосферу, создавая фоновые знания данного языкового коллектива. Поэтому в картине мира художественного текста, могут отразиться особенности национального мировоззрения – например, национальные символы, национально-специфические концепты и т.д., не всегда понятные носителю иного языка [7, с. 57 – 60].

Очевидно, что данные параметры чрезвычайно важны для эффективной межкультурной коммуникации и достижения взаимопонимания между носителями разных культур. Сегодня адекватный перевод требует от специалиста не только владения языковой компетенцией, но также социокультурной и лингвострановедческой компетенциями, что позволит добиться полноценного общения между представителями двух и более различных культур. Рассмотрим, какие трудности возникают у человека в процессе перевода с иностранного языка на русский и наоборот. Изучим данную проблему на примере английского языка.

Во-первых, трудности при переводе возникают, тогда, когда коммуникант не учитывает различную интерпретацию понятий в разных национально-культурных традициях. Например, форма обращения «*Dear Sir*» часто переводится «*Дорогой сэръ*», что неестественно для русского делового стиля. При переводе такого рода конструкций рекомендуется обратиться: к посреднической деятельности переводчика; грамматическим справочникам; двуязычным словарям; справочной литературе по речевому этикету; культурологическим пособиям.

Во-вторых, хаотичность в межкультурную коммуникацию вносит незнание точных соответствий перевода. Например, в российской системе образования понятие «*институт*» может означать высшее учебное учреждение, научно-исследовательское учреждение и административно-управленческое учреждение, тогда, как в англоязычных странах, оно обозначает только научно-исследовательское учреждение.

В-третьих, большую сложность вызывает перевод национально-специфических реалий, характерных только для исходной культуры. Многие из этих названий не зафиксированы в словаре, поэтому переводчику требуется принять самостоятельное решение, используя транскрипцию или транслитерацию. Например, следующие русские реалии можно письменно перевести так: буряты – «*Buryat*», Кощей Бессмертный – «*Koshchey the Deathless*», Дума – «*Duma*».

В-четвертых, следует предостеречь русского коммуниканта от частого использования средств эмфатизации в общении, поскольку это может быть связано с несовпадением эмфатического потенциала слов в разных языках. Например, выражение «*a cowed-eyed girl*» в зависимости от контекста может иметь разные соответствия: «*девица с коровьими глазами*» (создает отрицательную эмфазу), либо «*волоокая красавица*» (создает излишнюю высокопарность, что также может быть употреблено не к месту) [3, с. 106].

В-четвертых, следует остановиться на переводе идиом и фразеологизмов. В каждой идиоме или фразеологизме можно выявить взаимосвязь буквализма (Б), образного метафорического компонента (ОМК), и варианта адекватного перевода (ВАП). Именно это многообразие возможных переводов и вызывает трудность при коммуникации [1, с. 6]. Например, выражение «*to have a finger in the pie*» может иметь три перевода: «засунуть палец в пирог» (Б); «помогать или назойливо вмешиваться в любое дело» (ОМК); «принимать участие в каком-либо деле; приложить руку к чему-либо; быть в чем-либо замешанным» (ВАП) [5, с. 99].

В заключение следует отметить, что особенности мира идей и понятий, духовных интересов человека, отраженные языком, постоянно привлекают внимание современных исследователей. Исследования ведутся как с позиций синхронии, так и с позиций диахронии. Особенный интерес представляют аутентичные тексты на национальных языках, поскольку для определенных исторических периодов их следует считать единственным источником сведений о национальных языках и картине мира. Посредством изучения подобных текстов происходит формирование навыков межкультурной коммуникации – достаточно сложный процесс, являющийся, однако, непременным условием карьерного роста лингвиста-переводчика, его самодостаточности. Поэтому преподавателям иностранных языков необходимо готовить именно таких специалистов.

Список литературы

1. Антоникова Л.Е. Специфика перевода идиоматики как отражение языкового взаимодействия. Проблемы межкультурной коммуникации в современном образовательном пространстве: Материалы международной научно-практической конференции. – Tobolsk: TGPII im. D.I. Mendeleeva, 2003. - Str.5 – 6.
2. Иванова О.А., Криворучко А.И., Погорелая Н.Г. Аксиологическая парадигма перевода: к вопросу о субъективных и объективных критериях оценки качества перевода // Вестник Челябинского государственного университета. – 2017. - № 6 (402). Филологические науки. Вып. 106. – с. 52 – 56.
3. Казакова Т.А. Практические основы перевода. English-Russian. Серия: Изучаем иностранные языки. - СПб.: «Издательство Союз», – 2000, – 320 с.
4. Криворучко А.И. Аксиологические параметры переводческой деятельности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2015. - № 3. – с. 59 – 63.
5. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь / лит. ред. М.Д. Литвинова. - 4-е изд., перераб. и доп. - М. Рус. яз., 1984 – 944с.
6. Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография. – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – 352 с.
7. Попова З.Д. Стернин И.А. Когнитивная лингвистика // З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 (6) с.

10.02.19

А.Ф. Давлетбаева

Башкирский государственный университет,
факультет романо-германской филологии,
кафедра немецкой и французской филологии,
Уфа, davletbaeva-1987@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ 配 И 值得 В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена исследованию модальных глаголов 配 и 值得 в китайском языке, выражающих оценку. В работе мы рассматриваем разные виды коммуникативных ситуаций, в которых функционируют модальные глаголы 配 и 值得, способы перевода данных слов на русский язык и их грамматические особенности.

Ключевые слова: *модальность, модальный глагол, оценка, коммуникативная ситуация.*

Категория модальности представляет собой универсальную категорию. У истоков исследования модальности стоят древнегреческие ученые, в трактатах которых отражается научный интерес к изучению структуры и содержания высказывания. Если на начальном этапе модальность рассматривалась с точки зрения логики, то на современном этапе ученые приходят к выводу о необходимости междисциплинарного подхода к исследованию данного языкового явления, который позволяет расширить существующие границы представлений о категории модальности. Неугасающий интерес к исследованию упомянутой выше языковой категории объясняется пониманием научного общества того факта, что, в условиях реализации коммуникативных ситуаций, значимую роль играет человеческий фактор.

Целью данной статьи является анализ модальных глаголов китайского языка 配 (peì4) и 值得 (zhí2de), установление возможных способов их перевода на русский язык, а также рассмотрение их грамматических особенностей. Задачей данного исследования является подробное описание возможных коммуникативных ситуаций с точки зрения семантики изучаемых лексических единиц. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые осуществляется систематизация речевых ситуаций, в рамках которых функционируют вышеупомянутые модальные глаголы. Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью данной сферы в отечественном китаеведении.

К проблеме изучения категории модальности обращались многие зарубежные и отечественные ученые. Сложность рассматриваемого явления нашла свое отражение в большом количестве точек зрения на сущность данной языковой категории, а также в разнообразии толкований термина «модальность», предлагаемых исследователями. Несмотря на широкий спектр формулировок, ученые сходятся во мнении, что категория модальности – это категория, характеризующая «отношение говорящего к содержанию высказывания» [1].

В отечественной лингвистике существует широкий подход к пониманию категории модальности, который подразумевает отнесение оценочности к полю модальности. Представителями данного подхода являются Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, Т.В. Романова, Т.В. Краснова и др. Так, к примеру, Т.В. Романова отмечает, что «что модальность перекрещивается с оценочностью, очень часто модальные значения поглощают оценочные» [3]. Мы разделяем данную точку зрения, так как, на наш взгляд, и оценочность, и модальность обладают природой субъективного, поэтому могут рассматриваться как пересекающиеся семантические сферы, при этом оценка является одним из видов модальности.

Мнения ученых, изучающих категорию модальности в китайском языке, разделились: одна группа исследователей предлагает дифференцировать лексические единицы 配 (peì4) и 值得 (zhí2de) как модальные глаголы, выражающие оценку, вторая группа исследователей предлагает не включать их в класс модальных глаголов. К первой категории ученых относятся Чжу Дэси (朱德熙), Лян Хунъянь (梁鸿雁), Лю Юэхуа (刘月华) и др. Ко второй категории относятся Д.А. Карпека, Пэн Личжэнь (彭利贞), Чэнь Чанлай (陈昌来). Так, к примеру, Д.А. Карпека относит данные лексические единицы к «квазимодальным глаголам» [2].

Ввиду того, что модальность, в сущности, оценочна, мы считаем целесообразным рассматривать слова 配 (peì4) и 值得 (zhí2de) как модальные глаголы.

Модальный глагол 值得 (zhí2de) на русский язык может быть переведен с помощью таких глаголов, как «стоять», «заслуживать». Он используется в языковых ситуациях, когда говорящий оценивает какое-либо действие или событие, как стоящее, ввиду объективных условий или субъективных внутренних установок. Например:

(1) 经验的收藏家只能知道一件艺术品是否值得买。(Только опытные коллекционеры могут понять, стоит ли покупать произведение искусства).

Модальный глагол 值得 (zhí2de) может быть оформлен такими наречиями, как «很» (hěn3, очень) и «最» (zuì4, наиболее). Например:

(2) 这件事情是很值得去做的。(Это дело заслуживает того, чтобы его делали).

Модальный глагол 值得 (zhí2de) может быть оформлен отрицанием «不» (bù4, не). В предложениях такого типа могут быть использованы две формы данного модального глагола: полная «不值得» (bù4 zhí2de) и сокращенная «不值» (bù4 zhí2). Если первая форма может выступать в роли самостоятельного краткого ответа на вопрос, то вторая форма применяется исключительно в структуре полноценного развернутого предложения. Например:

(3) 我妈妈认为不值去讨论这件事。(Моя мама считает, что не стоит обсуждать это дело).

При формировании вопросительного предложения, содержащего в своей структуре модальный глагол 值得 (zhí2de), используется утвердительно-отрицательная форма глагола, принимающая вид «值不值得» (zhí2 bù4 zhí2de).

При этом необходимо отметить, что полнозначная утвердительно-отрицательная форма «值不值得» (zhí2de bù4 zhí2de) используется только в утвердительных предложениях, которые носят характер размышлений. В подобных ситуациях данную форму необходимо рассматривать скорее как сочетание двух форм глагола – утвердительной и отрицательной, – а не в ключе единой утвердительно-отрицательной формы модального глагола 值得 (zhí2de). Например:

(5) 我们会一起商量选题值不值得做。(Мы вместе обсудим тему, стоит это делать или не стоит).

Модальный глагол 配 (peì4) на русский язык может быть переведен с помощью таких фраз, как «быть достойным чего-либо», «соответствовать каким-либо требованиям». По поводу данного модального глагола Лю Юэхуа, Пань Вэньюй и Гу Вэйчжу пишут следующее: «表示“有资格”的意思», то есть «выражает значение наличия квалификации» [4]. Данная лексическая единица используется в коммуникативных ситуациях, когда говорящий соотносит личные качества, мотивы и ценности оцениваемого субъекта с установленным стандартом, а также делает выводы о соответствии/несоответствии заданному эталону.

В современном китайском языке все чаще встречается употребление именно отрицательной формы модального глагола, то есть «不配» (bù2 peì4), которая встречается в повествовательных предложениях. Например:

(5) 我也是一问三不知，就不配当你们的老板。(Я тоже ничего не знаю, поэтому не достоин быть вашим руководителем).

Другой очень важной особенностью обладают вопросительные предложения, содержащие в своей структуре модальный глагол 配 (peì4). Специфика таких вопросительных предложений может заключаться как в их риторическом характере, так и в смысловом содержании, которое всегда подразумевает, что известное лицо не достойно или не соответствует ряду каких-либо требований. Такого рода высказывания носят весьма категоричный характер и отражают высокую степень эмоциональности говорящего.

(6) 不爱你的学生, 你就不配做老师。(Если не любишь своих учеников, ты не достоин быть учителем.

Таким образом, нами описаны коммуникативные ситуации, в которых функционируют модальные глаголы 值得 (zhi2de) и 配 (peì4). В результате проведенного сопоставительного анализа приведены способы их перевода на русский язык, также рассмотрены грамматические особенности, учитывающие нормы современного китайского языка.

Модальный глагол 值得 (zhi2de) может переводиться на русский язык с помощью глаголов «стоять», «заслуживать». Данная лексическая единица используется в коммуникативных ситуациях, в которых субъект речи оценивает действие или событие, как достойное награды или заслуживающее внимания. Модальный глагол 值得 (zhi2de) может функционировать как самостоятельный ответ на вопрос, оформляться наречиями степени, а также образовывать утвердительно-отрицательную форму для формирования вопросительного предложения. Модальный глагол 配 (peì4) на русский язык переводится с помощью таких фраз и выражений, как «быть достойным чего-либо», «соответствовать каким-либо требованиям». Данная лексическая единица используется в коммуникативных ситуациях, устанавливающих квалификацию действия или события с точки зрения наличия определенных качеств и соотносении имеющихся качеств с заданным эталоном. Модальный глагол 配 (peì4) в форме краткого ответа функционирует только в отрицательной форме. Часто используется в речи при формировании риторического вопроса и содержит ярко выраженный эмоциональный компонент.

Список литературы

1. Дешериева, Т.И. О соотношении модальности и предикативности // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1987. – №1. – С. 34.
2. Карпека, Д.А. Глагол и грамматические категории предикатов в современном китайском языке. – СПб: Восточный экспресс, 2017. – С. 118.
3. Романова, Т.В. Модальность. Оценка. Эмоциональность. – Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. – С. 67.
4. 刘月华, 潘文娱, 故伟著. 实用现代汉语语法. – 北京: 商务印书馆, 2004. – 第183页. (Лю Юэхуа, Пань Вэньюй, Гу Вэйчжун. Практическая грамматика современного китайского языка. – Пекин: Издательство коммерческой литературы, 2004. – С. 183).

10.02.19

Н.В. Зотова

Технический институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» в г. Нерюнгри, кафедра филологии, Нерюнгри, tyurikalova@mail.ru

ГРАФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ J. LANCHESTER «CAPITAL»

Работа посвящена рассмотрению особенностей использования графических средств для иллюстрации эмоций в художественном тексте на английском языке. В качестве материала исследования использовано художественное произведение J. Lanchester «Capital». В рамках исследования выявлены наиболее активно используемые графические средства выражения эмотивности.

Ключевые слова: *эмотивность, эмоция, синтаксис, эмотивный текст.*

Говоря о вербализации эмоций в языке, следует обратить внимание на то, что принципиальное значение при выражении эмоций играет эмоциональный отклик, который возникает как реакция на то или иное явление.

Безусловно, живая речь более подвижна, она оперативна – временной интервал между эмоциональным откликом и его языковым выражением может быть минимальным. В этом смысле можно говорить о способности живой речи ярче выражать эмоции, нежели это происходит в письменном аналоге. Тем не менее, считать письменную речь менее эмотивной несправедливо хотя бы потому, что различия в письменном выражении эмоций связаны в большей степени с различными механизмами реализации эмотивной функции в тексте.

В работах И. Р. Гальперина встречается достаточно точное описание прагматической составляющей устной и письменной речи: «Письменный текст всегда прагматичен, как, впрочем, и всякая речь. Но письменный текст не всегда столь прямолинейно и непосредственно раскрывает свою целенаправленность, как это имеет место в устной речи. Интонация, мимика, жесты, сам тип общения (диалог) выявляют намерения говорящего с достаточной очевидностью, в то время как в письменной речи, в особенности в определенных типах текста, это намерение еще нужно распознать» [2, с. 16].

Следует заметить, что тот факт, что часть средств и способов выражения эмотивности, активно используемых в устной речи, не может быть столь же продуктивной в текстах, не свидетельствует об эмотивной ограниченности последних и, тем более, не отрицает возможности эмотивной компенсации этих средств другими средствами выражения эмотивности. Более того, письменная речь может быть даже более продуктивной именно в плане выражения эмоций, так как автор имеет возможность более точно реализовать свои намерения, заблаговременно продумав эмоции, которые будут выражены в тексте, а, значит, способен максимально точно довести их до читателя.

Большинство ученых признает в качестве одного из самых эффективных средств выражения эмоций в устной речи интонацию (Ш. Балли, В. И. Шаховский, Н. Б. Мечковская, В. К. Харченко, И. П. Павлючко, О. В. Александрова, Н. Ю. Шведова и др.). Например, по мнению Л. М. Васильева, выражение эмотивности в устной речи возможно, прежде всего, с помощью нелинейных (суперсегментных) единиц второго уровня фонетической абстракции [1], в частности, с помощью просодем и интоном. По мнению В. К. Харченко «основную долю эмоций мы выражаем не при помощи специализированных слов-сигналов, а параллельно, совместно с передачей информации. Ведущая роль здесь принадлежит

интонации» [7, с. 71]. Н. Ю. Шведова так же рассматривает интонацию как «универсальное средство выражения самых разнообразных субъективно-модальных значений» [3, с. 611]. В устной речи мелодика, тактовое и фразовое ударение, паузы, темп, ритм и тембр речи, безусловно, являются крайне продуктивными.

Однако, в условиях реализации письменной речи, полноценно отразить тонкости фонетического оформления речи достаточно трудно, но, тем не менее, возможно. И. П. Павлючко, в данном случае поддерживает точку зрения Ш. Балли о способности интонации придавать эмоциональность практически любой фразе [6], а также обращает внимание на то, что след интонации в письменном тексте прослеживается, прежде всего, в синтаксисе.

Интересна позиция В. А. Масловой, которая утверждает, что, практически все тонкости интонации могут быть переданы в письменном тексте с помощью графических и графико-пунктуационных средств. И хотя внимание, которое исследователь акцентирует на том, что «писатели всегда учитывают фонетический облик текста, рассчитывая на его произношение» [5, с. 62], более чем справедлив, следует признать, что в случае с письменным текстом, правильнее было бы говорить о графической выразительности, нежели о фонетической.

Подобного взгляда придерживаются Е. В. Чупракова, Е. С. Попович отмечая, что интонация и просодия выражаются в текстах, как правило, графическими средствами и изменением типографских шрифтов (см. об этом подробнее: [8, с. 337]).

Использование графических средств для обозначения просодического выражения эмоций может представлять собой наиболее яркий пример так называемой эмотивной компенсации [4], иными словами, замену средств выражения эмотивности, неадекватных и неэффективных для выражения эмоций в конкретной эмотивной ситуации средствами других уровней языка.

На примере английского художественного текста J. Lanchester “Capital” («Капитал»)) можно проследить, каким образом с помощью графических средств выражается различное эмоциональное состояние персонажей.

В англоязычном тексте часто используется графическое выделение отдельных слов, иллюстрирующих интонационное оформление и индивидуальные особенности речи героев, например, выражение крайней степени удовлетворения, восторга с помощью служебного слова “Yessssss!” [9, p. 25] (Даааааа!) или глубокого потрясения, растерянности: “But...what...it isn’t...contribution, billions...fundamentally not fair...” [9, p. 25] (Но... что... это не... содействие, миллиарды... принципиально несправедливо...).

Графическое оформление речи может использоваться, в том числе, с целью имитации индивидуальных особенностей произношения или акцента: “Figures look pretty gut,” said Lothar in a neutral tone” [9, p. 5] (“Цифры достаточно хорошие” сказал Лотар нейтральным тоном). Указание на этническую принадлежность, жесткость и сухость, подчеркнутую эмоциональную черствость кроется в использовании немецкого gut [gut], более сухого и краткого в произношении, чем английское good [gu:d].

С помощью графического выделения элементов текста (изменение шрифтов, использование кавычек, восклицательных или вопросительных знаков) интонация и просодия также могут выражаться: “He had no idea, *no idea*, of the burden actually involved in looking after the children and running the house” [9, p. 8] (У него не было никакого представления, *никакого представления*, о тяготах, которые несут в себе уход за детьми и ведение хозяйства), “Excuse me brother, but would you mind regularising your fajr schedule, because IT’S DRIVING ME INSANE” [9, p. 406] (Прости меня, брат, но не будешь ли ты возражать против того, чтобы упорядочить расписание своих утренних молитв, потому что ЭТО СВОДИТ МЕНЯ С УМА), “Children haven’t got medicine, you know? And there these posh wankers are... I just wanted to say something, you know?” [9, p. 570] (Дети не получают медицинской помощи, понимаете? А эти холеные идиоты... Я просто хотел сказать что-то, понимаете?), “Hah! That would be a good one. That would be a classic” [9, p. 32] (Ха! Это будет хорошо. Это будет классика).

Следует заметить, что графически выделенные ключевые слова сами по себе не могут иметь смысловой нагрузки, но способны приобретать эмотивную функцию в определенном контексте.

В целом, в анализируемом художественном тексте графические средства не используются активно (до 7%). Данные результаты говорят, прежде всего, о трудностях, связанных с адекватной передачей просодических реалий в письменном тексте, что вынуждает автора прибегать к другим, более эффективным способам реализации эмотивной функции. В связи с этим, преимущество в воплощении фонетических явлений в письменном художественном тексте переходит к синтаксическим или лексическим средствам.

Список литературы

1. *Васильев Л.М.* Современная лингвистическая семантика: учебное пособие. – М.: Высшая школа. 1990. – 175 с.
2. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. Монография. – М.: Наука, 1981. – 140 с.
3. Грамматика современного русского литературного языка / [С. Н. Дмитренко и др.; отв. ред. Н. Ю. Шведова]; Акад. наук СССР, Ин-т русского яз. – Москва: Наука, 1970. – 767 с.
4. *Зотова Н.В.* Категория эмотивности в современном удмуртском языке (на материале художественной прозы): дис. ...канд. филол. наук. – Ижевск, 2018. – 171 с.
5. *Маслова В.А.* Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста: Учебн. пособие – Мн.: Выш. шк., 1997. – 157 с.
6. *Павлючко И.П.* Эмотивная компетенция автора художественного текста (на материале произведений Г. Гессе): дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1999. – 185 с.
7. *Харченко В.К.* Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова / В. К. Харченко // Русский язык в школе. 1976. – № 3. – С. 66-71.
8. *Чупракова Е.В., Попович Е.С.* Особенности репрезентации категории эмотивности в английском публицистическом тексте // Общество и право. – Краснодар, 2014. – №2 (48). – С. 336–340.
9. *Lanchester J.* Capital. - London, Faber & Faber. - 2013. - 592 p.

10.02.19

¹Е.В. Максименко, ²О.Б. Анисимова, ²Е.В. Сивакова¹ФГБОУ ВО Кубанский государственный технологический университет,
кафедра иностранных языков №2,²ФГБОУ ВО Кубанский государственный университет физической культуры,
спорта и туризма,

кафедра иностранных языков,

Краснодар, maxkate08@rambler.ru, helen.krasnodar@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье поднимается вопрос об особенностях перевода научно-технической литературы, особенно её терминологической составляющей. Авторы приводят примеры перевода терминологических словосочетаний из различных областей знания, дают профессиональные рекомендации по переводу патентной литературы. Рассматривая сложности перевода научно-технической литературы, авторы анализируют особенности перевода текстов на разных уровнях восприятия: лингвистическом, логико-грамматическом, лексическом.

Ключевые слова: *перевод научно-технической литературы, лингвистический анализ, термин, терминология, переводчик, логико-грамматические конструкции.*

Научная и техническая литература представляет исключительный интерес не только по содержанию, но и по форме. Помимо огромного числа книг по вопросам науки и техники, во всем мире ежегодно публикуются в журналах свыше четырех миллионов статей. В этой ситуации трудно переоценить труд переводчика. По данным ЮНЕСКО, в настоящее время более 80 % мировой научно-технической литературы издается на английском языке.

Перевод научно-технической литературы представляет собой существенную часть научно-информационной деятельности, способствующей преодолению языкового барьера. Проблемы перевода могут быть решены, если выявить и проанализировать те факторы, которые обуславливают типичные ошибки или неточности перевода.

В данной статье мы осветим языковые проблемы, с которыми сталкиваются переводчики в своей профессиональной деятельности.

Первая проблема появляется на лингвистическом уровне. При анализе трудностей, возникающих у переводчика на этом уровне, нельзя не отметить насыщенность текста специфическими терминами и терминологическими словосочетаниями, а также сокращениями:

«For radio-relay systems, Standard Elektrik Lorenz uses Cassegrain antennas, which are suited for the radiation or reception of horizontally and vertically polarized waves.

В радиорелейных системах фирма Standard Elektrik Lorenz (Германия) применяет антенны Кассегрена, обеспечивающие прием или передачу волн с горизонтальной и вертикальной поляризацией» [1]

Реалии не переводятся, а даются в тексте перевода в их оригинальном написании или в транслитерации, по возможности без сокращений, в скобках указывается название страны. Географические названия и общеизвестные имена собственные приводятся в русской транскрипции.

Клише представляют собой стереотипные слова и фразы. В настоящее время они занимают особое место в наборе лексических средств, но особенно часто встречаются в периодических публикациях научно-технического характера, например:

Favourable solution – Удачное решение:

What we claim is... Предметом изобретения является...

The distinguished feature of the device is... (Устройством), отличающиеся тем, что...

Делая акцент на логико-грамматических конструкциях, мы выделяем бессоюзные придаточные предложения. В ряде случаев бывает трудно определить начало бессоюзного определительного придаточного предложения. Анализируя предложения такого типа, следует найти первое сказуемое и соответствующее ему подлежащее, затем второе сказуемое и так далее до конца предложения. Такой анализ можно проводить в сложных предложениях, где смысловые группы нечетко выражены, например: «*As an electron nears the cathode the net energy it has received from the four accelerating or retarding fields through which it has passed approaches zero.*»

Данное предложение можно разделить на четыре простых: *As an electron nears the cathode...the net energy approaches zero...; ...it has received from the four accelerating or retarding fields...; ...which it has passed.*

«Когда электрон приближается к катоду, чистая энергия, которую он получил от четырех ускоряющих или замедляющих полей, через которые он прошел, приближается к нулю».

Первое и четвертое предложения – придаточные с союзом *As* и союзным словом *which*. Третье предложение тоже придаточное, но бессоюзное. Мы его определяем по стыку существительного *the net energy* и местоимения *it*. Следовательно, главное предложение – второе. Интересно, П2 (подлежащее главного предложения) отделено от С2 (сказуемое главного предложения) придаточными определительными предложениями.

«Среди различных жанров научно-технической литературы значительным своеобразием отличается патентная литература. Язык описания изобретений совмещает в себе особенности двух стилей – научно-технического и официально-делового - в силу двойственного характера документа, с одной стороны, представляющего собой источник новой научно-технической информации, а с другой является юридической формой охраны прав владельца» [1].

Для иллюстрации вышеизложенного, приводим перевод фрагмента из американского патента.

AUTOMATIC HANGING AND WEDGING DEVICE FOR AIRCRAFT LOADS

ABSTRACT. *The device for automatically releasably hanging and holding against lateral oscillation load carried under aircrafts has load suspension hooks and holding members preventing the lateral oscillation of the load which project very moderately from the underface of a closed casing containing the actuating mechanism. This mechanism includes in combination linkage detents and springloaded devices disposed on either side of each load suspension hook. A certain delay is introduced into the action whereby when the load is lifted for engagement with the hooks, these are actuated to their load-supporting position and release with a predetermined time-lag the linkage holding the load against lateral oscillation to their operative position. To this end, each pivotally mounted hook is connected via a spring-loaded piston-and-cylinder actuator to a rocker controlling in turn a lever supporting the movement of wedge members controlling in turn a lever supporting the holding members* [2].

КЛИНОВИДНОЕ УСТРОЙСТВО ДЛЯ АВТОМАТИЧЕСКОГО ПОДВЕШИВАНИЯ ГРУЗА К ЛЕТАТЕЛЬНОМУ АППАРАТУ

АННОТАЦИЯ. *Устройство, предназначенное для автоматического подвешивания и освобождения подвески от перевозимого под летательными аппаратами груза, удерживает груз от боковых колебаний и имеет крюки для подвешивания груза и удерживающие элементы, которые незначительно выступают из нижней части закрытого кожуха, содержащего приводной механизм. Этот механизм включает в себя комбинированные фиксаторы и подпружиненные устройства, расположенные по обе стороны от каждого рычага подвески. Механизм приводится в движение с определенной задержкой, в результате которой, когда груз поднимается для зацепления с крюками, они фиксируются в определенном положении и раскрываются с отсрочкой по времени,*

удерживая груз в рабочем положении от боковых колебаний. С этой целью каждый шарнирно закрепленный крюк соединен через подпружиненный поршневой и цилиндрический привод с качающимся рычагом, который, в свою очередь, управляет другим рычагом, поддерживающим движение клиновидных элементов, контролирующего рычаг, который оснащен удерживающими элементами.

При переводе представленного выше фрагмента текста патентной документации, автор статьи руководствовался тем, что термины научно-технической литературы являются многокомпонентными сочетаниями и существуют определенные закономерности перевода их на русский язык:

1. Терминологические словосочетания, состоящие из простых или составных существительных: *wedging device; load suspension hooks; piston-and-cylinder actuator*.

2. Терминологические словосочетания, состоящие из прилагательных и существительных: *spring-loaded actuator*;

3. Терминологические словосочетания, состоящие из причастий и существительных: *the holding members*.

4. Терминологические словосочетания, состоящие из трёх компонентов: наречие + причастие (или прилагательное) + существительное: *pivotaly mounted hook*.

5. Терминологические словосочетания, состоящие из трёх компонентов: прилагательное + существительное + существительное или существительное + прилагательное + существительное: *lateral oscillation load; load-supporting position*.

6. Предложные терминологические словосочетания: *the movement of wedge members*.

Для переводчика процесс адаптации научно-технического текста можно условно разбить на несколько этапов:

1) подготовительный: составляется список информационных источников, которые могут помочь переводчику в процессе работы; проводится анализ наиболее трудных мест; составляется план реализации всех стадий проекта.

2) перевод: совместная работа специализированного переводчика, редактора и технического специалиста.

3) завершающий: создание четкой логической структуры документа, поиск во внешних источниках недостающей информации и интеграция ее в документ, разработка дополнительных глоссариев, словарей и справочных систем [3].

Лексический состав научно-технических текстов характеризуется широким использованием терминов, являющихся инструментом, при помощи которого оперируют научно-техническими понятиями. Основными признаками терминов является их определяемость. Все термины делятся на простые, сложные и словосочетания. Термины объединяются в терминологические системы, выражающие понятия определенной отрасли науки и техники. Термины должны сохранять такие особенности, как абстрагированность, однозначность, системность.

Данная статья, с представленными в ней примерами перевода патентной и научно-технической литературы, может помочь студентам технических вузов, специалистам, работающим с оригинальной технической иностранной документацией, а также начинающим переводчикам определиться с выбором своего подхода в вопросах перевода терминологических словосочетаний.

Список литературы

1. Судовцев В.А. Научно-техническая информация и перевод М.: Высшая школа, 1989. С. 232
2. Jean H. Hasquenoph, Lagny; Plerre F. Coutin. United States Patent. Automatic Hanging and Wedging Device for Aircraft Loads, May 4, 1976
3. <http://study-english.info/translation-and-understanding.php>

10.02.19

В.И. Миколайчик д-р филол. наук

ФГКВОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации,
кафедра средневосточных языков,
Москва, mikolai4ik@yandex.ru

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА С ДЕРИВАТИВНОЙ ФУНКЦИЕЙ В ЗАПАДНОИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Спецификой словообразования западноиранских языков является широкое использование исходно знаменательных слов в деривативной функции. Это особенно характерно для глагольного словообразования, где полное отсутствие аффиксации обусловило появление массы лексем в виде аналитических слов, в которых роль словообразовательного средства выполняет исходно знаменательное слово.

Ключевые слова: *словообразовательное средство, деривативный аффикс, аналитическое слово, структура словоформы, лексическая конструкция.*

Деривативная аффиксация в дари, как и в близкородственных персидском и таджикском языках, по инвентарю средств не может сравниться с этой сферой русского языка с его чрезвычайным развитием этого словообразовательного способа. Тем не менее, данный способ словообразования в этих языках нельзя считать периферийным, так как относительно незначительное количество аффиксов компенсируется высокой производительностью некоторых из них.

Деривативные средства аффиксального типа достаточно хорошо изучены и классифицированы в научно-методических трудах иранистов. С теоретической точки зрения словообразовательная аффиксация в западноиранских языках какой-либо спецификой по отношению к другим индоевропейским языкам не обладает.

Особенностью западноиранских языков в области словообразования является наличие и широкое использование языковых единиц, получивших в иранистике название «полуаффиксы». Такое название получили широко используемые в словообразовании основы настоящего времени глаголов, присоединяемые к корневым морфемам или основам слов подобно словообразовательным аффиксам. Среди таких основ следует в первую очередь следующие: *kon* (основа настоящего времени глагола *kardan* «делать»), *gir* (от *gereftan* «брать»), *bin* (*didan* «видеть»), *sâz* (*sâxtan* «строить»), *dân* (*dânestan* «знать»), *šenâs* (*šenâxtan* «узнавать», «знать»), *forôš* (*forôxtan* «продавать»), *suz* (*suxtan* «гореть»), *andâz* (*andâxtan* «бросать»), *pôš* (*pôšidan* «одевать»), *andâz* (*andâxtan* «бросать»), *paz* (*poxtan* «варить», «печь»), *dâr* (*dâštan* «иметь»), *nawâz* (*nawâxtan* «гладить», «теребить»), *parast* (*parastidan* «культивировать», «поклоняться») и др.

Слов, образованных с помощью глагольных основ настоящего времени, в современном дари очень много. Приведем некоторые примеры: *âšpaz* «повар», *kârkon* «работник», «сотрудник», *mehmânnawâz* «гостеприимный», *watanparast* «патриотический», «патриот», *zerehpôš* «бронированный», *ketâbforôš* «книгопродавец», *sâ'atsâz* «часовщик», *šarqšenâs* «востоковед», *durbin* «бинокль», *âtešparast* «огнепоклонник», *hoquqdân* «юрист», *delsôz* «сердобольный», *mâšindâr* «пулемет».

Некоторые из этих глагольных основ по своей продуктивности в качестве словообразовательного элемента значительно превосходят словообразовательные собственно аффиксы. Широкое использование в словообразовании обусловило заметную потерю статуса знаменательного слова, восприятия их как языковых единиц, приближающихся по статусу к словообразовательным аффиксам. С другой стороны, полному переходу этих глагольных основ в словообразовательные аффиксы препятствует то, что и в составе знаменательных глагольных словоформ они фигурируют не менее широко. В результате, в современном дари

эти глагольные основы настоящего времени воспринимаются как промежуточные языковые единицы – между корневыми и аффиксальными морфемами. В иранистике процесс образования новых слов с участием данных глагольных основ занимает промежуточное положение между словосложением и аффиксацией и называется полуаффиксацией.

Развитая полуаффиксация способствует нивелированию различий между корневой и аффиксальной морфемами, между словом и морфемой вообще.

Самая значительная специфика лексической системы языка дари наблюдается в системе глагола.

Основную массу глагольной лексики в языке дари составляют двучленные сочетания, состоящие из имени – носителя лексического значения – и второго компонента – исходно знаменательного слова, потерявшего здесь статус самостоятельной лексической единицы и играющего роль словообразовательного элемента. Подобная конструкция получила в иранистике название «сложный глагол».

Формально сложный глагол представляет собой словосочетание, состоящее из имени и глагола. Второй компонент, называемый компонирующим глаголом, представленный моноксемой, утратил свое самостоятельное лексическое значение и превратился в служебное слово. По своей функции и значению компонирующий глагол равнозначен словообразовательному аффиксу. Это особенно наглядно демонстрируется теми случаями, когда глагол от одного и того же имени существительного образуется одновременно по двум моделям – синтетической с использованием аффикса и аналитической с использованием служебного слова. К числу подобных лексических единиц относится несколько достаточно употребительных глаголов, например: *jangidan* и *jang kardan* «драться», «воевать», *raqsidan* и *raqs kardan* «танцевать», *čarxidan* и *čarx zadan* «вращаться» *nâmidan* и *nâm gozâštan* «называть».

В паре глаголов *raqsidan* и *raqs kardan* «танцевать» оба по семантике абсолютно идентичны, и по употребительности практически не отличаются, хотя в языке повседневного общения чаще встречается сложный глагол, а письменных текстах – не реже и моноксема. В составе и того и другого выделяется одноморфемное слово *raqs* «танец». В составе сложного глагола *raqs* имеет все формальные признаки самостоятельного слова, а в составе простого глагола *raqs* является корневой морфемой. Для образования простого глагола использован словообразовательный аффикс глагольного инфинитива *-idan*, при образовании сложного глагола в этой роли использован компонирующий глагол *kardan* (в самостоятельном употреблении имеющий значение «делать»). Представляется совершенно очевидной полная функциональная идентичность этих двух разных средств – словообразовательного аффикса и компонирующего глагола, являющегося по форме словом, но выполняющим функцию словообразовательного средства.

Подобные конструкции получили в научной литературе определение «аналитические слова». Сложный глагол в западноиранских языках представляет собой классический вариант аналитического слова, в составе которого служебным словом с деривативной функцией является компонирующий глагол, сохранивший от своего самостоятельного лексического значения лишь самый абстрактный признак, как это обычно бывает с теми словообразовательными аффиксами, которые относятся к деривативным суффиксам с не очень абстрактным значением, типа суффиксов профессии и т. п.

Необходимо заметить, что в работах иранистов точка зрения на сложный глагол как на аналитическое слово не получила общего признания. Некоторые исследователи персидского языка рассматривают сложные глаголы как разновидность фразеологизмов. А известный исследователь языка дари Б.Я. Островский в одной из своих последних работ («Модальные глаголы языка дари. М., 2008 г.») определяет сложный глагол термином «глагольно-именной комплекс». Последнее определение, равно как и термин «фразеологизм», детерминирует восприятие составных частей сложного глагола как равноправных знаменательных слов. С этим нельзя согласиться ввиду явно служебного статуса второго компонента – компонирующего глагола.

Четко и однозначно определяет сложный глагол как аналитическое слово известный исследователь входящего в западноиранскую группу курдского языка Ю.Ю. Авалиани.

Сложные глаголы в западноиранских языках образуют подавляющее большинство глагольной лексики. Исключительно по этой модели происходит образование новых глаголов. Хотя в число самых употребительных входит также и небольшое число простых глаголов. Наблюдается также тенденция превращения простых глаголов в сложные. Особенно активен этот процесс в языке дари. При этом используется модель: «форма причастия простого глагола + компонирующий глагол». Обычно используется причастие прошедшего времени: *bastan* – *basta kardan* «закрывать», *neweştan* – *newešta kardan* «писать», *neşastan* – *neşasta kardan* «садиться», *poxtan* – *poxta kardan* «варить», «печь». Реже используется причастие настоящего времени: *porsidan* – *porsân kardan* «спрашивать», *rawân kardan* «направлять». Оба члена этих пар активно фигурируют в языке, при этом в устной речи доминируют аналитические варианты.

Таким образом, структурная модель аналитического слова со служебным словом деривативного типа представлена значительным пластом лексики современных западноиранских языков.

Но количество сложных глаголов не исчерпывается исходными лексическими единицами. Этот структурный класс глагольной лексики существенно пополняется в сфере выражения залоговых отношений. Дело в том, что только от незначительного количества переходных сложных глаголов форма пассивного залога образуется по словоизменительной модели аналитической формы с использованием глагола *şodan* в роли вспомогательного слова. К их числу относятся глаголы *namâyeş dâdan* «демонстрировать» – *namâyeş dada şodan* «демонстрироваться», *neşân dâdan* «показывать» – *neşân dada şodan* «показываться», «быть показанным». По отношению же к абсолютному большинству сложных глаголов такая модель образования пассива не используется. Противоположный по залоговому значению член пары образуется путем замены компонирующего глагола *kardan* на *şodan*: *tarjoma kardan* «переводить» – *tarjoma şodan* «переводиться», *eslâh kardan* «исправлять» – *eslâh şodan* «исправляться», *tekrâr kardan* «повторять» – *tekrâr şodan* «повторяться». Замена одного компонирующего глагола на другой – процесс словообразовательный. Значит, в системе сложных глаголов доминирует не грамматический (словоизменительный), а лексический (словообразовательный) способ выражения залоговых значений. В итоге залоговые пары подавляющего большинства сложных глаголов представляют собой самостоятельные лексические единицы в виде отдельных аналитических слов. Лексический способ выражение залоговых значений в глагольной системе языка дари правомерно считать доминирующим, учитывая тот факт, что подавляющее большинство глагольной лексики языка дари составляют сложные глаголы.

Еще одним структурным явлением, значительно пополняющим класс сложных глаголов, является способ образования каузатива. В среде сложных глаголов образование каузатива обычно осуществляется путем замены компонирующего глагола, что, по сути, представляет собой словообразовательный процесс, результатом которого является существенное увеличение структурного класса аналитических слов: *harakat kardan* «двигаться» – *harakat dâdan* «двигать», *taʔyir kardan* «меняться» – *taʔyir dâdan* «менять», *enherâf kardan* «отклонять» – *enherâf dâdan* «отклоняться», *enbesât kardan* «расширяться» – *enbesât dâdan* «расширять».

Превращение знаменательной части речи в служебное слово – результат довольно длительного процесса, что предполагает стадию, когда этот процесс еще не привел к полной утрате статуса знаменательного слова. Имеется несколько широко употребительных глагольно-именных сочетаний, структурно напоминающих сложные глаголы, где в роли второго компонента использованы глаголы *xândan* «читать», *dâdan* «давать», *dâştan* «иметь», *zadan* «бить», *keşidan* «тянуть»: *dars xândan* «учиться», *rôy dâdan* «происходить», *dôst dâştan* «любить», *gap zadan* «разговаривать», *entezâr keşidan* «ждать». Вторые компоненты этих сочетаний ассоциируются с компонирующими глаголами, однако на данном этапе эволюции

они не достигли той стадии потери статуса знаменательного слова, которая характерна для глаголов *kardan* и *šodan*.

Наличие глагольно-именных сочетаний, где второй компонент не превратился в служебное слово деривативного типа, обусловило колебания в среде иранистов в подходе к оценке сложного глагола как аналитического слова. При этом, однако, практически единодушно признается статус деривативного средства зам компонирующими глаголами *kardan* и *šodan*.

Таким образом, спецификой лексической системы западноиранских языков является широкое использование исходно знаменательных слов в служебной функции деривативного средства. Аналитическое слово – самое характерное и значительное проявление аналитизма западноиранских языков, которое можно с полным правом назвать «визитной карточкой» западноиранских языков, подобно аналогичному эпитету в отношении категории глагольного вида славянских языков.

Список литературы

1. *Авалиани Ю.Ю.* К вопросу о видовых значениях длительного прошедшего времени в иранских языках. //Труды Узбекского гос. университета им. Алишера Навои. Вып. 60, Самарканд, 1955.
2. *Всеволодова М.В.* Поля, категории и концепты в грамматической системе языка. //Вопросы языкознания. № 3, 2009.
3. Идеографические аспекты русской грамматики. Под редакцией В.А. Белошапковой и И.Г. Милославского. Изд-во МГУ, 1988 г.
4. *Киселева Л.Н.* Язык дари Афганистана. М., 1985.
5. *Миколайчик В.И.* Аналитические конструкции и несвободные словосочетания в языке дари. М, 2014.
6. *Милославский И.Г.* Морфологические категории современного русского языка. М., 1981.
7. *Островский Б.Я.* Вопросы грамматической семантики глагола языка дари. М., 2004.
8. *Расторгуева В.С., Керимова А.А.* Система таджикского глагола. М., 1964.
9. *Рубинчик Ю.А.* Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.

10.02.19

В.И. Миколайчик д-р филол. наук

ФГКВОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации,
кафедра средневосточных языков,
Москва, mikolai4ik@yandex.ru

«ИНВАРИАНТ» КАК ИНСТРУМЕНТ НАУЧНОГО АППАРАТА В ИССЛЕДОВАНИЯХ МООРФОЛОГИИ

Положительно оценивая результаты применения теории инварианта в теоретической грамматике, автор считает необходимым учитывать, что полифункциональная грамматическая форма в речи находится под решающим воздействием семантически однородных с ней неграмматических средств, доминирующих благодаря конкретности своей семантики.

Ключевые слова: *вариант, инвариант, научный аппарат, оппозиция, полифункциональная форма, грамматическая, семантика, морфологический уровень*

На протяжении значительного этапа развития лингвистики в исследованиях проблематики внутренней структуры языка достаточной популярностью пользуются подходы, сформировавшиеся под влиянием знаменитой Пражской фонетической школы, многие понятия которой, в первую очередь стараниями Романа Якобсона, были распространены на область грамматики. Речь идет о таких основополагающих понятиях и терминах, как «вариант», «инвариант», «оппозиция» (бинарная, привативная, эквиполентная). Притягательная сила этих понятий состояла в том, что лингвистика, в недрах которой обрели популярность идеи структурализма, испытывала потребность в критериях объективного характера, способствующих преодолению некоторого субъективизма, свойственного классической филологии. Это естественное стремление лингвистов к использованию в своих исследованиях терминов и понятий, свойственных научному аппарату точных наук, явилось решающим фактором популярности терминов «вариант», «инвариант», «оппозиция» в среде исследователей грамматического уровня языка.

Надо сказать, что активному восприятию грамматистами названных терминов способствовал тот факт, что сами эти понятия попали здесь на уже достаточно подготовленную почву. Новые понятия достаточно органично вписались в систему взглядов на роль и место грамматической формы в речевых процессах взаимодействия с языковыми средствами других уровней, которые созрели в недрах самой грамматики и к тому времени уже стали достаточно популярными среди исследователей.

Механизм взаимодействия грамматических форм с неграмматическими средствами нашел свое осмысление в теории общих и частных значений грамматических форм. Начало ее концептуального оформления относится к периоду конца XIX и начала XX веков и связано в первую очередь с такими именами, как Н.П. Некрасов, Ф.Ф. Фортунатов, А.М. Пешковский и др. Суть теории в целом сводилась к тому, что под влиянием контекстуального окружения семантика грамматической формы преобразуется, модифицируется и предстает в виде набора комбинаторных значений. Форма выступает как главное средство выражения соответствующего категориального значения, неграмматические средства способствуют реализации семантического потенциала формы. Такое представление о функционировании форм, как видим, вполне согласуется с понятиями «вариант», «инвариант», и эти термины были с энтузиазмом восприняты поклонниками применения точных критериев анализа в морфологии.

Однако, при детальном сравнении обнаруживается если не противоречие, то по крайней мере важная нестыковка. Новые термины «вариант», «инвариант» не просто стали использоваться для обозначения старых понятий «частное значение», «общее значение». Они привнесли на первый взгляд вроде бы не очень заметное, но принципиальное уточнение в содержание самих понятий. Теория общих и частных значений грамматических форм, объясняя сущность механизма взаимодействия грамматических и неграмматических средств, включая лексические, не содержала четко выраженного противопоставления разноуровневых языковых средств. Эта теория, в принципе, скорее выглядела как одно из возможных описаний механизма взаимодействия вербальных средств разных уровней, не отрицая прямо возможных других видов взаимодействия грамматической формы и контекста. А вот в теории инварианта иерархическое деление вербальных средств разных уровней детерминировано самой сущностью этого подхода. Ведь новые термины «инвариант» и «вариант» в морфологии могли применяться лишь по отношению к грамматической форме. Неграмматические средства, включая лексические, в эту новую концепцию могли вписаться лишь в качестве вспомогательных средств – инструментов актуализации семантического потенциала формы в виде ее семантических вариантов.

Сама же теория вариативности морфологических средств стала выступать в качестве грамматической составляющей общей теории вариативности языковых единиц, которая сторонниками такого подхода рассматривалась в качестве универсальной описательной модели структуры и функций всех языковых подсистем. Все контекстуальные варианты семантики формы рассматривались как варианты ее инвариантного значения, в реализации которых неграмматическим средствам уже просто не могла быть отведена другая роль, кроме вспомогательной роли актуализаторов, в крайнем случае модификаторов значения формы. В стройной теории вариативности и бинарных оппозиций другим видам взаимодействия грамматических и неграмматических средств одного семантического поля просто не находилось места.

В принципе, содержание традиционной методики грамматического анализа состояло в определении значений, при выражении которых использовалась форма, которые признавались компонентами ее семантики; контекст, лексические средства рассматриваются как вспомогательные средства, способствующие реализации ее потенциала. Поэтому идентификация выражаемых с участием грамматической формы значений логично выглядит итогом ее анализа.

Однако такой подход трудно согласовать с некоторыми довольно простыми и очевидными вещами. Для примера можно взять обычное для индоевропейского языкознания определение семантики претерита в работе Рубинчика Ю.А. «Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001». Трактовка семантики и функций этой формы состоит в том, что она выражает краткое однократное действие, но при наличии показателей длительности или многократности может выражать длительное и многократное действие. Поскольку согласно теории инварианта назначение неграмматических показателей, в том числе и лексических, состоит в актуализации семантического потенциала формы, то, следовательно, оба признака – и длительность, и краткость входят в число компонентов семантики формы. На данном этапе мы лишь видим, что краткость присуща форме в нейтральном контексте, в то время как длительность нуждается в актуализаторе. Но поскольку признаки противоположные, то актуализация одного означает нейтрализацию другого. В этом пока мы не видим ничего необычного. Сложнее выглядит ответ на логичный вопрос об инвариантном значении, то есть значении, объединяющем или каким-то другим образом связующем взаимоисключающие признаки. А то, что оба признака как-то с формой сосуществуют, сомнения не вызывает. Иначе бы форма в одном из двух контекстов была бы немыслима. Необходимо разобраться в сущности связи формы с обоими признаками. Можно предположить, что у формы есть и другой признак или признаки, совместимые или нейтральные по отношению к двум названным. Ставить подобный вопрос, на наш взгляд, вполне уместно. Но на данном этапе анализа формы на этот вопрос ответа нет. Логичен

вывод, что этот этап анализа, которым (в полном соответствии, кстати, с теорией инварианта) обычно заканчивается описание семантики и функций формы, нельзя считать конечным. Очевидно, исследование следует продолжить. Методика последующего этапа исследования формы в общем большой загадки не составляет. Необходимо проанализировать исчерпывающий перечень типовых контекстов, представляющих сочетания формы со всеми типами лексических средств однородного с формой семантического поля. Результатом детального анализа этой совокупности диагностических контекстов должно стать разграничение вклада формы и неграмматических средств в формировании общего значения и, на этой основе, идентификация собственной семантики грамматической формы.

Таким образом, теория инварианта, которая в своем нынешнем виде сводит анализ к установлению перечня значений, при выражении которых употребляется форма и не предполагает точного разграничения вклада языковых средств разных уровней в формирование общего значения, нас не вполне удовлетворяет.

В принципе, подход, основанный на теории вариативности в настоящее время хотя и не может характеризоваться как всеобщий и всеми признанный, но, тем не менее, может быть назван самым распространенным. И представляет собой единственную цельнооформленную концепцию, выступающую в качестве универсального средств объяснения устройства и функционирования языкового механизма. Другой такой цельнооформленной концепции, построенной на других принципах, в грамматике не существует. Несмотря на то, что универсальность и всеислие теории инварианта в грамматике еще пока не нашли убедительного подтверждения, многие исследователи верят в его объяснительную силу. Например, Черткова М.Ю. в работе «Грамматическая категория вида в современном русском языке. М., 1996 г.» (с. 10) пишет: «По сути дела, только в морфологии пока еще последовательно не формализован – в отношении всех грамматических и лексико-грамматических категорий – доказавший свою методологическую и когнитивную ценность принцип инвариантности».

Однако, надо сказать, что теория инварианта никогда не пользовалась всеобщим одобрением среди грамматистов, критическое отношение к ней в целом и по отношению к отдельным элементам проявлялось практически с самого момента ее формирования, хотя прямого критического анализа всех составляющих ее принципов пока не сделано.

Набор аргументированных положений, совершенно расходящихся с принципами теории инварианта, содержится в работе Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. «Грамматико-лексические поля в современном немецком языке» (М., 1969). Авторы работы в своем подходе исходят из того, что «при изучении грамматики оказывается практически невозможным замкнуться в кругу грамматических форм, изолируясь от их употребления в естественной речи, где грамматические формы взаимодействуют друг с другом и с окружающей и наполняющей их лексикой». «Грамматические формы выражают отношения между явлениями объективной действительности в наиболее общем и поэтому, как правило, неопределенном виде». Основная идея автора работы состоит в признании важной роли лексических средств, их принципиального равноправия с морфологическими средствами. Эту мысль авторы подчеркивают терминологически, предлагая термин «грамматико-лексическое поле».

В этой работе, таким образом, отвергается один из двух базовых принципов теории инварианта – вспомогательная роль лексических средств. Данный принцип детерминировал преувеличение роли грамматических форм и недооценку неграмматических, в частности, лексических средств в речевых процессах межуровневого взаимодействия. Грамматической форме приписывались те значения, которые реально выражались лексическими средствами поля и контекстом. Об этом четко сказал видный современный русист И. Г. Милославский в работе «Морфологические категории современного русского языка. М., 1981, (с. 212): «Приписывание морфологической категории тех номинативных элементов значения, которые выражены другими языковыми средствами, не способствует прогрессу в представлениях об устройстве русского языка».

Вторым базовым положением теории инварианта является прямо не постулируемое, но неизбежно вытекающее из сути концепции представление, что грамматическая форма идентична самой себе во всех или, по крайней мере, в своих основных функциях. Это положение, однако, трудно применимо по отношению к полифункциональным, широкоупотребительным грамматическим формам.

Кстати, в упомянутой работе Гулыги Е.В. и Шендельс Е.И., в этом отношении интересно обращение к концепции организации языкового материала Фердинанда Брюно (F. Brunot. *La pensée et la langue*. Paris, 1965), который считает, что при описании языка нельзя исходить из самих форм, ввиду того что каждая из них выступает во множестве ролей, между которыми невозможно установить связи. Аналогичные мысли высказывает Шарль Бали.

Расширение функций и семантики имеющихся выразительных средств можно с полным основанием считать общей закономерностью в развитии языка. Это относится как к единицам номинативного уровня, так и других уровней, включая грамматический. В лексике, в частности, это ведет к полисемии, крайним проявлением которой является возникновение омонимов.

В отношении грамматических форм можно отметить аналогичные процессы расширения функций. Термины «многозначность», «полифункциональность», «транспозиция» часто и свободно фигурируют при описании функций и семантики грамматических форм. Расхождение в значении и функциях и здесь очень часто достигает уровня, который совершенно определенно может характеризоваться как предел, за которым форму нельзя считать идентичной исходному варианту. То есть, перед нами уже другая форма, по лексикологической терминологии – омоним. Теория инварианта в общем не акцентирует внимания на данном факте. Хотя в исследованиях по этой методике в принципе предполагается более-менее определенный функциональный вариант формы, исключаются, например, случаи использования индикативных форм в синтаксических конструкциях косвенной модальности. Но и в рамках индикатива контекстуальные варианты сочетания формы с влияющими на нее неграмматическими средствами поля, семантическое разнообразие оформляемых слов, которые тоже могут сильно воздействовать на форму, настолько значительны, что возникает сомнение в идентичности формы во всех этих случаях даже и в рамках индикатива, возникает предположение о ее полифункциональности даже и в этих условиях.

Таким образом, в различных условиях употребления грамматическая форма, находясь под воздействием контекста, предстает в настолько различных функциях, что их невозможно свести к какому-то единому инварианту.

Это, однако, не означает отрицательного отношения к понятию инварианта в целом. Ведь сам вывод о невозможности свести все функции полифункциональной формы к инварианту есть очень важный с теоретической точки зрения результат применения этой теории. Добавим к этому, что применение теории инварианта в несколько другой интерпретации оказывается вполне плодотворным в отношении функционирования формы в рамках ее первичных, обычно важнейших из ее многочисленных функций. Но это тема отдельного серьезного разговора.

Список литературы

1. Всеволодова М.В. Поля, категории и концепты в грамматической системе языка. //Вопросы языкознания. № 3, 2009 г.
2. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. 1969 г.
3. Идеографические аспекты русской грамматики. Под редакцией В.А. Белошапковой и И.Г. Милославского. Изд-во МГУ, 1988 г.
4. Ломов А.М. Очерки по русской аспектологии. Воронеж, 1977 г.
5. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Ленинград, 1984 г.
6. Краткая русская грамматика. Под редакцией Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. М., «Русский язык», 1986 г.
7. Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. М., 1981 г.
8. Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. Новый лингвистический учебник. Эдиториал УРСС, М., 2000 г.
9. Современный русский язык (под ред. В.А. Белошапковой). 2-е изд., М., 1989 г.
10. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960 г.
11. Филлмор Ч. Дело о падеже.// Зарубежная лингвистика, III, «Новое в лингвистике». Избранное. Перевод с английского, немецкого и французского». Издательская группа «Прогресс», М., 1999 г.
12. Черткова М.Ю. Грамматическая категория вида в современном русском языке. М., 1996 г.

10.02.19

К.А. Покаякова канд. филол. наук, А.Н. Чугунекова д-р филол. наук

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии,
Абакан, karina_p.84@mail.ru, chugunekowa@yandex.ru

ОБРАЗ РОДИТЕЛЕЙ В РУССКОМ И ХАКАССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

В статье рассматривается образ мира русских и хакасов на примере анализа вербальных ассоциаций на стимульные слова «отец» и «мать». В современной отечественной психолингвистике актуальны исследования, направленные на исследование языкового сознания носителей разных языков, поскольку они позволяют выявить универсальное и специфическое в их образах мира, что способствует эффективности межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: *языковое сознание, образ мира, ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, этнокультурная специфика языкового сознания, образ родителей.*

Одним из актуальных направлений развития отечественной психолингвистики является изучение этнокультурной специфики языкового сознания. В 70-е годы XX столетия данная проблематика стала разрабатываться в рамках исследования национально-культурной специфики речевого общения [4, с. 205]. С начала 90-х годов XX века в Московской психолингвистической школе формируется «новая методологическая база для этнопсихолингвистических исследований: центральной проблемой становится изучение национально-культурной специфики языкового сознания, а главной причиной непонимания при межкультурном общении признается различие национальных сознаний коммуникантов» [4, с. 206].

Убедительным представляется обобщенное определение языкового сознания (далее ЯС), предложенное Е. Ф. Тарасовым: «Языковое сознание – это образы сознания, овнешняемые языковыми средствами: отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами, как совокупностью этих полей» [3, с. 3].

Одним из признанных и эффективных видов исследования особенностей языкового сознания является свободный ассоциативный эксперимент (далее САЭ), который позволяет создавать совокупности ассоциативных полей, составляющих своеобразную модель этнокультурной специфики ЯС человека, включая глубинные психические слои индивидуального и коллективного сознания.

В нашем САЭ приняли участие 2 группы испытуемых (400 человек) в возрасте от 16 до 75 лет: хакаские респонденты («ХР» – 200 чел.) и русские респонденты («РР» – 200 чел.). Участникам САЭ было предложено написать первое слово, пришедшее на ум, на стимульные слова *отец* и *мать*.

Классификация полученных ассоциаций на стимульные слова «отец» и «мать» проведена на основе методики семантического гештальта Ю.Н. Караулова с уточнением смысловой и лексико-грамматической дифференциации ассоциативных полей по материалам нашего САЭ [1].

Проведенный анализ соотношения долей парадигматических и синтагматических схем ассоциирования, отраженных в АП «отец/паба» и АП «мать/іче/mother», показал:

- преобладание парадигматической модели ассоциирования в АП слов-стимулов «отец» и «мать» (72,5% и 59,5% соответственно);
- доминирование синтагматических реакций в хакаских ассоциативных полях (82% в АП «паба» и 77% в АП «іче»).

Обратимся к рассмотрению содержания выделенных трех семантических зон.

СЗ «Кто». В данной СЗ в АП «отец» самыми частотными реакциями являются синонимичные ассоциаты *papa* (13 ассоциаций) и *абам* 'мой папа' (2 ассоциации). В АП «мать» доминирует ассоциации *мама* (7) и *ичем* 'моя мама' (3). Вторыми по частотности являются противоположные по смыслу реакции: *мать/иче* (8; 3) в АП «отец» и *отец/паба* (7; 2) в АП «мать». В русском АП (далее РАП) «отец» выделяются стереотипные ассоциации, подчеркивающие «мужские» виды деятельности: *глава* (7), *глава семьи* (4), *хозяин* (3), *защитник* (2), *кормилец*, *добытчик* и др.

Оттенок личного отношения респондентов придает характерное для хакасских АП (далее ХАП) маркирование реакций данной СЗ аффиксальными указателями принадлежности: *абам* (*адам*) 'мой папа', *ичем* 'моя мама', *пабаң* 'твой папа', *ничем* 'моя сестра', *палам* 'мой ребенок' и т.д. Этнокультурную специфику языкового сознания этноса выражает также наличие в хакасском АП «отец» ассоциата *алып* 'богатырь' (2).

СЗ «Какой/какая». В данной СЗ преобладают реакции-характеристики внешних качеств и психологических характеристик матери и отца. В АП стимула «паба» обнаруживается высокая доля реакций с указанием на физическую и моральную силу мужчины. Так, например, ассоциация *күстіг* 'сильный' (46) занимает первое место по частотности в АП, составляя 23%, лидируя в синонимическом ряду: *махачы* 'смелый' (24), *хатыг* 'твердый' (4), *пик* 'крепкий' (3), *изестіг* 'надежный', *матыр* 'смелый'. В РАП присутствует характеристика сильного отца, но она менее частотна: *сильный* (3).

20% ассоциаций данной СЗ в ХАП «мать» составляют две синонимические реакции, характеризующие женскую красоту: *сіліг* 'привлекательная' (20), *абахай* 'красивая' (19).

К немаловажной характеристике отца относится его ум, интеллект: *хыйга* (13); *умный* (2), *мудрый* и др.

Среди доминант АП «мать» следует указать следующие положительные характеристики, связанные с материнской нежностью, теплотой, лаской, добротой, проявлением любви к ней: *любимая* (9), *любящая* (3), *дорогая* (3), *хорошая*, *любящая*, *заботливая*, *самая добрая* и др.; *чылыг* 'теплая' (9), *хынган* 'любящая' (5), *паарсах* 'нежная' (6), *чалахай* 'ласковая' (5), *нымзах* 'мягкая' (3), *өрінстіг* 'радостная' и др. Следует отметить, что доля таких ассоциаций составляет 33,5% в ХАП и 25% в РАП.

СЗ «Что». Содержательный анализ частотных реакций рассматриваемых ассоциативных полей показал, что в языковом сознании РР стимул «отец» вызывает, прежде всего, реакцию *опора* (7). Для них также отец – это *строгость* (6), *уважение* (6), *надежность* (4), *ответственность* (4), *помощь* (3), *поддержка* (2), *сила* (2), *стена* (2). В языковом сознании ХР отец ассоциируется с силой (*күс* 4), защитой (*арачыланьс*), доверием (*киртеніс*), счастьем (*часка*), уважением (*улуғлас*) и др. Для всех трех групп респондентов отец – это *семья/сөбіре/family*.

Ведущей семантической доминантой в русском, хакасском и американском АП «мать» являются ассоциации *любовь/хыныс* (7; 13). В целом, образ матери ассоциируется позитивными характеристиками: в РАП – *забота* (7), *защита* (6), *нежность* (2), *поддержка* (2), *доброта*, *теплота* и т.д.; в ХАП – *часка* 'счастье' (6), *паарсас* 'ласка' (2), *чүрек* 'сердце', *өрініс* 'радость' и т.д.

СЗ «что» представлена блоком реакций, выявляющих сохранность и актуализацию архетипов хакасской традиционной ментальности и культуры. В состав этих реакций входит название небесного светила *күн* 'солнце' (3) и фитонима *чахайах* 'цветок' (3). С традиционной хакасской культурой полукочевого типа связаны реакции-зоонимы *ат* 'лошадь' (3) и *аба* 'медведь'. К примеру, лошадь была олицетворением незаменимого верного друга и помощника мужчины [2, с. 305].

Таким образом, приведенный выше анализ структуры и содержания ассоциативных полей «отец» и «мать», сформированных по итогам проведенного САЭ с участием русских и хакасских респондентов, позволяет сделать следующие выводы относительно их общности и этнокультурной специфики:

1. Основными семантическими зонами в структуре АП рассматриваемых стимулов во всех двух языках являются «кто», «какой (какая)» и «что».
2. В хакасских ассоциативных полях синтагматическая когнитивная модель ассоциирования закрепила как самая продуктивная. В русских АП доминируют парадигматические реакции.
3. Общность восприятия образов отца и матери в двух группах респондентов включает доминанту позитивной оценки, номинацию *родителей* и *семьи*; представления о *силе, надежности, интеллекте* отца; *любви, счастье, защите, ласке, тепле, доброте* матери и *т.д.*; более 1/2 позитивных реакций.
4. В русском АП «отец» присутствуют реакции, указывающие на стереотипные «мужские» виды деятельности: роли *главы семьи, защитника, добытчика, кормильца*.
5. Специфика образов отца и матери заключается в:
 - более высокой доле ассоциаций позитивной оценки образов матери и отца в русских ассоциативных полях;
 - сохранении этнокультурных констант хакасского традиционного мировоззрения через названия особо почитаемых небесных светил (*к'үн* 'солнце'), животных (*ат* 'лошадь', *аба* 'медведь'), название главного героя героических эпосов (*алыптыг нымахтар*) (*алып* 'богатырь'), маркирование реакций аффиксальными указателями принадлежности (*абам* 'мой папа', *i чeм* 'моя мама').

Список литературы

1. Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира, 2000 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ilingan.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-1.html (дата обращения: 15.10.2013).
2. Покоякова К.А. Особенности бинарной оппозиции «мужчина-женщина» во фразеологии и паремиологии хакасского языка // Мир науки, культуры и образования. – Горно-Алтайск, 2015. – №3(52). – С. 304–306.
3. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. Сб. ст. / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 1996. – С. 7–22.
4. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. – М., Калуга: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.

10.02.19

¹А.Р. Шайдуллина д-р педагог. наук, ²Э.К. Сабеева канд. филол. наук¹Альметьевский государственный нефтяной институт,¹кафедра «Иностранные языки»,²кафедра «Гуманитарное образование и социология»,

Альметьевск, albina-plus@mail.rukfn_agni@rambler.ru

ПАРЕМИИ КАК ЯЗЫКОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КАРТИНЫ МИРА: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

Научная статья посвящена изучению специфики лингвистического и лингвокогнитивного анализа паремий сквозь призму лингвистической когнитивистики рассматривается их когнитивно-прагматическая характеристика. Анализ когнитивно-прагматических особенностей паремий рассматривается как особый лингвокультурологический статус в силу яркого отражения в них синтеза языкового и лингвокультурного значений. В качестве иллюстративного материала послужили словари фразеологизмов, пословиц, поговорок, афоризмов на русском и английском языках, интернет-источники. В качестве метода изучения паремий релевантным для статьи представляется лингвокультурологический метод, включающий лингвокультурологический комментарий.

Ключевые слова: паремиологическое пространство, лингвокультурология, универсальные аспекты, речевая коммуникация, языковая реализация.

Филологическое исследование паремий является востребованным в силу развития гуманитарного знания, становления и развития ряда новых отраслей языкознания, таким образом, активно внедряются достижения таких дисциплин, как семиотика, лингвокультурология, психология, социолингвистика, прагматика, теория речевых актов, когнитивная лингвистика, теория дискурса.

Интеграция лингвокогнитивистики и лингвокультурологии способствует обнаружению в паремиях национально-культурной специфики (культурной коннотации), и требует от реципиента обширных знаний и умственных усилий для полного и адекватного понимания смыслов. Так как в данной статье акцент делается на семантические особенности языковых единиц.

Паремии способны оказать воздействие на слушателя/читателя, и как отмечает Е.И. Селиверстова, «служат средством повышения экспрессивности текста, средством выражения оценки и характеристики ситуации, эмоционального и/или прагматического отношения» (Селиверстова 2010, с. 11); таким образом, для полного понимания оценочного компонента следует проанализировать их семантическую структуру, которая представляет собой «симбиоз предметно-логического (сигнификативно-денотативного) и эмоционально-экспрессивного аспектов содержания» (Кравцов 2008, с. 14).

Использование паремий имеет определенную коммуникативную стратегию, таким образом, структура коммуникативной стратегии паремий является: интенция - информация - аргументация - убеждение - воздействие – перлокутивный эффект. В паремиях отражаются межличностные отношения и определенный минимум практических навыков поведения. Так, многие паремии предупреждают или дают рекомендации оптимального поведения, или указывают пути выхода из нее. Данные выражения (*яблоко от яблони недалеко падает: рыбак рыбака видит издалека; что в лоб, что по лбу; чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться*) являются оценочно-модальным, коннотативным маркером, тогда как в плане лингвистической прагматики такой репликой начинается и/или завершается конфликт в речевом общении.

Конфликтность является отдельным аксиологическим аспектом картины мира, в том числе языковой картины мира. Культурно-маркированных блока (мотивационный, оценочный и эмотивный) интерпретируются в категориях культуры и содержат «сумму активных и пассивных знаний о внешнем порядке вещей и внутреннем мире человека» (Фархутдинова 2000, с. 100). Именно лингвокультурологический подход должен применяться при сопоставительных исследованиях языковых единиц; вместе с методом когнитивной интерпретации он позволяет адекватно и полно постичь многослойность смысловой структуры паремий.

Помимо тождественных паремий существует большое количество паремий относительно устойчивыми по семантике языковыми единицами и отличаются небольшими коннотациями. В паремийном фонде англичан отражено осознание национальной черты, стремление выяснять отношения, что отражено в весьма характерной поговорке: *When two Englishmen meet, then comes the tug of war.* - *Когда встречаются два англичанина, начинается тяжба.*

Возможно выделить следующие семантические группы английских паремий: *A friend's frown is better than a foe's smile* (Лучше хмурое лицо друга, чем улыбка врага), *Tread on a worm and it will turn* (Наступи на червяка и он вернется), *A fly in the ointment* (Муха в бальзаме), *Put not your hand between the bark and the tree* (Не клади руки между корой и деревом), *Forbearance is no acquaintance* (Терпимость не освобождает от обязательств, долга). В английских и в русских паремиях содержатся рекомендации по оптимальному поведению. В английских паремиях представлены гендерно обусловленные факторы конфликта (негативная оценка женщин), социально и эмоционально обусловленные факторы конфликта.

Существуют одинаковые лексические и семантические для английского и русского языков выражения; встречающиеся незначительные различия относятся к синтаксической структуре. Помимо тождественных паремий существует большое количество паремий соотносительных т.е. они переводятся аналогичными по семантике устойчивыми языковыми единицами и отличаются нюансами, коннотациями.

Коммуникативно-прагматическая функция заключается в оказании воздействия и в формировании ироничного отношения к традиционным английским ценностям, к стремлению строго их соблюдать. Устойчивые единицы русского и английского языков, включающие национально-специфические черты в ироническом ключе и отражающие столкновение стереотипов мышления служат манипулятивными средствами. Таким образом, между английской и русской соотносительными паремиями присутствует изменение образности: в русских паремиях в гораздо выражен негатив и характерны слова из бытового обихода, а в английских - изысканная лексика. Ярче всего разница в эмоционально-экспрессивных компонентах видна в следующей паремии: *It's not the gay coat that makes the gentleman* - *Нарядная одежда не делает джентльменом.* Ср.: «По бороде - апостол, а по зубам - собака». Присутствие некоторых лексем в паремиях не всегда можно объяснить национальными традициями: *The last straw breaks the camel's back* - *Последняя соломинка переламывает хребет верблюда.* Ср.: «Последняя капля переполняет чашу».

В число прагматических характеристик паремий присутствует языковое исполнение как межличностного аспекта, отражающего напряженность межличностных коммуникативную отношений, а также содержат информацию о национально-специфичных особенностях мышления и поведения. Коммуникативно-прагматический эффект паремий является оценочно-модальным, коннотативным маркером, т.е. данный факт маркирует речевую деятельность. Анализ паремий позволяет предположить, что менталитет русских людей ближе к американскому, чем к английскому. Нет абсолютно тождественных понятий в системе ценностных представлений разных национальностей.

Список литературы

1. *Алефиренко Н.Ф.* Введение в когнитивную фразеологию/Н.Ф. Алефиренко – LAP LAMBERT Academic Publishing. - 2011 – 152 с.
2. *Буслаев Ф.И.* Русские пословицы и поговорки, собранные и объединенные. М., 1954.
3. *Ганиева Й.Н., Нурутдинова А.Р.* Анализ социолингвистических и лингво-культурологических факторов в системе высшего языкового образования. Журнал “Общественные науки” № 1/2017. С. 65 -74.
4. *Григорьева Е.В., Солодкова И.М.* Концепция фразеологических единиц и паремии: изображение языка. Казанская наука. 2018. №6. С. 61-65.
5. *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. Изд-е 7-е, стереотип. М.: Рус. Яз., 2000. 544 с.
6. *Кацюба Л.Б.* Определение паремии (лингвистический аспект дефиниции) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2013. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-paremii-lingvisticheskiy-aspekt-definititsii> (дата обращения: 28.09.2019).
7. *Копыленко М.М.* Очерки по общей фразеологии. М., 1989.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. Ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. 688 с.
9. *Молотов А.И.* Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. Изд-е 2-е, стереотип. М.: Советская энциклопедия, 1968. 543 с.
10. *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 236 с.
11. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. Сост. Зимин В.И., Спирин А.С. - М.: «Сюита». – 1996.
12. *Сидоркова Г.Д.* Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия: монография. Краснодар: КГУ, 1999. 250 с.
13. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингво-культурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
14. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М. - 2000.
15. *Хайруллина Р.Х., Айчичек М., Бозташ А.* Универсальные культурные концепты в контексте межкультурной коммуникации. // Вестник Адыгейского государственного университета. – Серия «Филология и искусствоведение». – Вып.3. – Майкоп. – 2011. – с.197-202.
16. *Solodkova I.M., Ismagilova L.R., Nurutdinova A.R., Dmitrieva E.V.* The translation complexity of semantic structures in phraseological units with onomastic component (case study: the english language). Казанская наука. 2018. №10. С. 121- 126.

АННОТАЦИИ
ABSTRACTS

Р.Р. Хуснулина

ФОНЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ
КИТАЙСКИМИ СТУДЕНТАМИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.*Ключевые слова:* произношение, звук, разновидность, окружение, существительное, глагол.

Вырабатывая навыки произношения английского языка, китайские студенты адаптируют китайские звуки для произнесения ряда английских. Возникает новая разновидность английского языка. В данной статье рассматриваются произносительные особенности китайской разновидности английского языка, которые в научной литературе исследованы незначительно.

Т.Н. Воронина

СЕНОКОС В СИСТЕМЕ МОТИВОВ ПОВЕСТИ
В. И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»*Ключевые слова:* В.И. Белов, региональный текст, деревенская проза, мотив, сенокос.

В работе представлен анализ мотивов повести В. И. Белова, связанных с сенокосными работами. Выявляются место сенокоса в сюжете и семантика данного художественного образа. Делается вывод относительно связи исследуемой трудовой операции с социальной и онтологической проблематикой повести, раскрывающейся через систему мотивов запрета и его нарушения, испытания (трудной задачи), утраты, экзистенциального кризиса и жизненного круга.

Т.Ю. Климова

ГЕНОМ МЕТАТЕКСТОВОСТИ В ПОВЕСТИ
В. МАКАНИНА «ПОГОНЯ» (1977)*Ключевые слова:* В.С. Маканин, метатекст, «Светик-роман», повесть «Погоня», повествовательные стратегии.

Статья исследует уровни метатекста в прозе В. Маканина, связывающие повести «Погоня» и «Старые книги» в ансамбль «Светик-роман», и рассматривает условия его размыкания в творческую систему автора. Выделены фабула поиска счастья; синтез авантюрного жанра, притчи и анекдота; тип героя (авантюрист, срединный герой, маленький человек, писатель); культурные коды (икона, книга); мотивы портрета, несвободы, обмена, голосов, луны, а также устойчивая аксиология и приемы повествования. Комбинации этих элементов составляют фундамент авторского «я».

М.В. Мелихов

«ПОД ОТЕЧЕСТВЕННЫМ НЕБОМ СТРАНСТВУЮ С
МИРНОЙ ДУШОЮ»: ПРИРОДА РОССИИ В ЗАПИСКАХ
РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ КОНЦА XVII – НАЧАЛА
XVIII ВВ.*Ключевые слова:* путевые записки, описания природы, картина мира в записках путешественников, документальность.

В статье рассматриваются особенности художественного мира путевых записок авторов конца 17– начала 18 вв. В. Атласова, С. П. Крашенинникова. Их произведения имеют важное значение для изучения истории жанра путевых заметок, предшествовавших жанру литературного путешествия.

Л.А. Нигматуллина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕКСТОВ НОБЕЛЕВСКИХ ЛАУРЕАТОВ
В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРЫ НА ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО
ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ РЕЧИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ КАК
СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ЧИТАТЕЛЬСКИХ
КОМПЕТЕНЦИЙ И КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ*Ключевые слова:* Нобелевские лауреаты, коммуникативная культура, культура речи, культурный уровень, художественная литература, учебный процесс, средства массовой

R.R. Khusnulina

THE PHOENETIC ASPECTS OF PERCEPTION OF ENGLISH
LANGUAGE BY CHINESE STUDENTS*Keywords:* pronunciation, sound, variety, distribution, noun, verb.

Developing the pronunciation skills of the English language, the Chinese students adept the Chinese sounds for the pronunciation of a certain number of English. That's why there appears a new kind of the English language. This article discusses the pronouncing features of the Chinese variety of the English language, which are studied in the scientific literature rather slightly.

T.N. Voronina

HAYMAKING IN THE MOTIVE SYSTEM OF THE NOVEL
BUSINESS AS USUAL BY VASILY BELOV*Keywords:* V.I. Belov, Local text, Village prose, motive, haymaking.

The paper presents a motive analysis of the haymaking tasks in the novel written by Vasily Belov. The author acknowledges the place of haymaking in the plot and the meaning of this artistic image and draws to conclusion that it is connected with the social and ontological issues of the novel, which are revealed through the system of motives for the prohibition and its violation, quest (difficult task), loss, existential crisis and the life circle.

T.Yu. Klimova

THE GENOME OF METATEXTUAL IN THE TALE OF
V. MAKANIN "THE CHASE" (1977)*Keywords:* V. Makanin, metatext, "Svetik-Novel", the tale "The Chase", narrative strategies.

The article is devoted to the study of the Makanin's metatext, linking the stories "The Chase" and "Old Books" to the ensemble "Svetik-Novel" and the conditions for its opening into the author's creative system. Highlights, in particular, are the plot for the search for happiness, the synthesis of an adventurous genre, parable and anecdote; type of hero (adventurer, middle hero, small person, writer); cultural codes (icon, book); motifs of portraiture, non-freedom, exchange, voices, the moon, as well as stable axiology and storytelling techniques. Combinations of these elements make up the foundation of the author's self.

M.V. Melikhov

"UNDER THE DOMESTIC SKY I TRAVEL WITH A
PEACEFUL SOUL": NATURE OF RUSSIA IN THE NOTES
OF RUSSIAN TRAVELERS OF THE LATE XVII-EARLY
XVIII CENTURIES*Keywords:* travel notes, descriptions of nature, picture of the world in the writings of travelers in the documentary.

The article discusses the features of the artistic world of travel notes of the authors of the late 17th-early 18th centuries. V. Atlasov, S. P. Krasheninnikova. Their works are important for the study of the history of the genre of travel notes that preceded the genre of literary travel.

L.A. Nigmatullina

THE USE OF NOBEL LAUREATES' TEXTS IN THE FIELD
OF LITERATURE USED IN RUSSIAN LANGUAGE AND
THE CULTURE OF SPEECH CLASSES IN A TECHNICAL
UNIVERSITY AS A WAY OF FORMING READING
COMPETENCIES AND COMMUNICATIVE CULTURE*Keywords:* Nobel Laureates, communicative culture, speech culture, cultural level, including texts of "masters of the word" (specifically Nobel Laureates in Literature), raise speech culture

коммуникации.

Произошли изменения за последние десятилетия в таких разновидностях русского языка, как язык художественной литературы, политики, публицистики, средств массовой информации. Речью СМИ во многом создает современное общественное настроение, формирует массовое сознание, современную речевую культуру и отношение к самой речи. Задача современности – посредством введения в учебный процесс новых пособий, включающих тексты выдающихся мастеров слова (а именно Нобелевских лауреатов в области литературы) повысить речевую культуру и престиж русского языка в целом.

И.О. Прокофьева, Г.Г. Рамазанова, Ю.Б. Тютченко
ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ «ЖЕНСКОЙ» ПРОЗЫ
С. ЧУРАЕВОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «ЧУДЕСА
НЕСВЯТОЙ МАГДАЛИНЫ»)

Ключевые слова: уфимская «женская» проза, система образов, библейские мотивы, своеобразие сюжета и композиции.

В данной статье выявляется специфика «женской» прозы уфимского писателя С. Чуровой, раскрывается своеобразие сюжета и композиции, системы образов, функции библейских мотивов, идейно-эстетического содержания рассказа «Чудеса несвятой Магдалины».

О.В. Сизых, С.Ф. Желобцова
АВТОРСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРОВЫХ ЛОКАЦИЙ В
ПОЭТИКЕ КИНОСЦЕНАРИЯ: В. СОРОКИН «МОСКВА»

Ключевые слова: киносценарий, В.Г. Сорокин, «Москва», жанр, хронотоп.

Статья посвящена актуальной проблеме анализа поэтики киносценария как художественного текста. Новизна статьи связана с исследованием авторской трансформации жанровых локаций современным писателем В. Сорокиным. Киносценарий «Москва» входит в значимый ряд произведений 90-х годов русской литературы, представляющий сложный, противоречивый этап литературного процесса. Авторы статьи раскрывают стиль художника, манеру осмысления действительности, отмечают спорные позиции и его вклад в расширение жанрового пространства киносценария.

А.А. Шатовкина, Н.Ю. Желтова
«ЗАНАВЕС» М.И. ЦВЕТАЕВОЙ КАК ЛИРИЧЕСКАЯ
АВТОПРЕЗЕНТАЦИЯ

Ключевые слова: литература русского зарубежья, «После России» М.И. Цветаевой, стихотворение «Занавес», статья «Световой ливень», Б.Л. Пастернак.

В статье исследуется специфика художественного и историко-биографического пространства концептуального стихотворения М.И. Цветаевой «Занавес», входящего в эмигрантскую книгу поэта «После России». В работе метафора «занавеса» рассматривается как способ многоплановой самопрезентации личности поэта. Обращается внимание на тот факт, что Цветаева использовала свои яркие впечатления от знакомства с книгой Б. Пастернака «Сестра моя жизнь» как повод для творческой саморефлексии как в стихотворении «Занавес», так и в статье «Световой ливень». Доказывается, что «Занавес» является фактически лирическим переложением содержания «Светового ливня».

С.В. Аникиенко, М.А. Тугаева
РОЛЬ ЖУРНАЛИСТИКИ В ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МУЗЫКОВЕДА В.М. ЩЕГЛОВА

Ключевые слова: В.М. Щеглов, музыкальная журналистика, музыкальное просветительство, региональная музыкальная культура.

В статье рассматривается публицистическое наследие музыковеда В.М. Щеглова (краснодарский период деятельности ученого). Делается вывод о преемственности традиций русского музыкального просветительства в его журналистском творчестве.

and prestige of the Russian language in total.

Over the past decades such Russian language varieties as fiction, political journalism and the media have drastically changed. We can see, that it is the media's discourse that creates current public mood, shapes mass consciousness, modern culture of speech and the attitude to the speech itself.

The purpose of modernity is raise speech culture and prestige of the Russian language in total, by introduction new schoolbooks including texts of "masters of the word" (specifically Nobel Laureates in Literature)

I.O. Prokofieva, G.G. Ramazanova, J.B. Tutchenko
POETICS FEATURES OF THE "FEMALE" PROSE BY
S.CHURAEVA (BASED ON THE STORY "MIRACLES OF
UNHOLY MAGDALENE»)

Keywords: Ufa "female" prose, system of images, biblical motifs, originality of the plot and composition.

This article deals with the specificity of the "female" prose of the Ufa writer S. Churaeva, revealing the originality of the plot and composition, the system of images, the function of biblical motifs, the ideological and aesthetic content of the story "Miracles of the Unholy Magdalene".

O.V. Sizykh, S.F. Zhelobtsova
AUTHOR TRANSFORMATION OF GENRE LOCATIONS IN
THE POETICS OF THE screenplay: V. SOROKIN "MOSCOW"

Keywords: screenplay, V.G. Sorokin, "Moscow", genre, chronotope.

The article is devoted to the actual problem of analyzing the poetics of the screenplay as a literary text. The novelty of the article is connected with the study of the author's transformation of genre locations by modern writer V. Sorokin.

The screenplay "Moscow" is included in a significant number of works of the 90s of Russian literature, representing a complex, controversial stage of the literary process. The authors of the article reveal the artist's style, manner of understanding reality, note the controversial positions and his contribution to the expansion of the genre space of the Moscow screenplay.

A.A. Shatovkina, N.U. Zheltova
"CURTAIN" BY M. I. TSVETAIEVA AS LYRICAL AUTO
PRESENTATION

Keywords: literature of the Russian abroad, "After Russia" by M.I. Tsvetaeva, the poem "Curtain", article "Light rain", B.L. Pasternak.

The article explores the specifics of the artistic and historical-biographical space of the conceptual poem "Curtain" by M.I. Tsvetaeva, part of the poet's immigrant book "After Russia". The metaphor of the "Curtain" is considered as a way of multifaceted self-presentation of the poet's personality. Attention is drawn to the fact that Tsvetaeva used her vivid impressions of acquaintance with book "Sister My Life" by B. Pasternak as an occasion for creative self-reflection both in the poem "Curtain" and in the article "Light rain". It is proved that the "Curtain" is actually a lyrical arrangement of the content of "Light rain". It is indicated that in the lyric work there are two plans: explicit and hidden, having a biographical basis, which is expressed in the form of encrypted insert structures.

S.V. Anikienko, M.A. Tugaeva
THE ROLE OF JOURNALISM IN THE CREATIVE
ACTIVITY OF MUSICOLOGIST VLADIMIR SHCHEGLOV

Keywords: Vladimir Shcheglov, music journalism, musical enlightenment, regional musical culture.

The journalistic heritage of the musicologist Vladimir Shcheglov (1917-1978) for the first time falls into the sphere of scientific research. The materials published in the Krasnodar period of the scientist's activity were studied. The conclusion is drawn about the continuity of the traditions of Russian musical enlightenment in the journalistic work of a musicologist.

А.П. Данилов, А.А. Данилов
ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ОСНОВ
ЧУВАШСКОГО НАРОДА В ПУБЛИЦИСТИКЕ
И.Я. ЯКОВЛЕВА И ЕГО ШКОЛЫ ЭТНИЧЕСКОЙ
ЖУРНАЛИСТИКИ

Ключевые слова: И.Я. Яковлев, этническая журналистика, средства массовой информации, Чувашия, история, культура. В работе проанализированы особенности отражения духовно-нравственных основ чувашского народа в публицистике И.Я. Яковлева и деятельность его школы этнической журналистики. Особое внимание уделено активной издательской и переводческой деятельности И.Я. Яковлева. В работе анализируется деятельность Симбирской чувашской школы, ее выпускников, впоследствии работавших в редакциях газет и журналов.

Р.В. Даутова
ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОГРАММ
НА РЕСПУБЛИКАНСКОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ ТАССР
(СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД)

Ключевые слова: новости, республиканское телевидение, репортаж, телевизионный журнал, публицистичность, оперативность. В статье представлены результаты исследования основных этапов развития информационных программ на Татарском телевидении в советский период. Автор проанализировал новостные передачи и итоговые информационные журналы республиканского телевидения и выявил основные тематические направления и жанровые формы.

М.А. Тугаева, Ф.М. Шак
НЕОФИЦИАЛЬНАЯ РОК-ПРЕССА
В АСПЕКТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАЧЕНИЙ
СОВЕТСКОЙ РОК-МУЗЫКИ

Ключевые слова: неофициальная пресса, рок-музыка, цензура, андеграунд, тематическая пресса, советский рок. В статье рассматриваются социокультурные аспекты функционирования неофициальной музыкальной прессы как фактор становления и развития советского рока. Особое внимание уделяется соотношению официальной и так называемой тематической прессы в освещении музыкальных событий в контексте смена политического строя, отмены цензуры и развития новых экономических отношений.

Г.М. Ханнанова, Л.Р. Надыршина
ТЕМА ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В ЛИРИКЕ Г. ТУКАЯ:
МОТИВЫ И ЖАНРОВЫЕ СТРАТЕГИИ

Ключевые слова: Г.Тукай, лирика, мотив, тема периодической печати, жанровая стратегия. В статье исследуется лирика Г.Тукая, посвященная татарской периодической печати. Основное внимание акцентируется на функционально-семантическом анализе мотивов в корпусе стихотворений, объединенных темой периодической печати, определена жанровая природа стихотворений этой тематической группы.

Л.Х. Галаева
СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ ОРНИТОНИМОВ
В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: орнитомы, принципы номинации, названия птиц, цветовые особенности, термины. В данной статье отражены основные понятия лексической номинации слов, рассмотрены способы номинации птиц в ингушском языке. Важным является тот факт, что изучение способов номинации дает возможность раскрыть закономерности образования наименований. Это, в свою очередь, способствует выяснению происхождения названий, утративших свои первичные значения.

A.P. Danilov, A.A. Danilov
REFLECTION OF SPIRITUAL AND MORAL
FOUNDATIONS THE CHUVASH PEOPLE IN THE
JOURNALISM OF I.YA. YAKOVLEV AND HIS SCHOOL OF
ETHNIC JOURNALISM

Keywords: I.Ya. Yakovlev, ethnic journalism, mass media, Chuvashia, history, culture.

The paper analyzes the features of reflection of the spiritual and moral foundations of the Chuvash people in the journalism of I. Ya. Yakovlev and the activities of his school of ethnic journalism. Special attention is paid to the active publishing and translation activities of I. Yakovlev. The paper analyzes the activities of the Simbirsk Chuvash school, its graduates, who later worked in the editorial offices of Newspapers and magazines.

R.V. Dautova
FORMATION OF INFORMATION PROGRAMS ON THE
REPUBLICAN TELEVISION OF THE TASSR
(SOVIET PERIOD)

Keywords: news, republican television, reporting, television magazine, journalism, efficiency.

The article presents the results of a study of the main stages of the development of information programs on Tatar television in the Soviet period. The author analyzed news programs and final news magazines of the republican television and identified the main thematic areas and genre forms.

M.A. Tugaev, F.M. Shak
UNOFFICIAL ROCK PRESS IN THE ASPECT OF THE
SOCIOCULTURAL VALUES OF SOVIET ROCK MUSIC
Keywords: unofficial press, rock music, censorship, ande-ground, thematic press, Soviet rock.

The article discusses the socio-cultural aspects of the functioning of the unofficial music press as a factor in the formation and development of Soviet rock. Particular attention is paid to the correlation of the official and the so-called thematic press in covering musical events in the context of a change in the political system, the abolition of censorship and the development of new economic relations.

G.M. Khannanova, L.R. Nadyrshina
ON THE PERIODICAL PRINT IN TUKAY'S LYRIC:
MOTIVES AND GENRE STRATEGIES

Keywords: G.Tukay, lyrics, motive, theme of periodicals, genre strategy.

The article discusses the lyrics of Gabdulla Tukay, dedicated to the Tatar periodical. The main focus is on the functional-semantic analysis of motives in the body of poems, united by the theme of the periodical press. The genre nature of the poems of this thematic group is determined.

L.H. Galaeva
WAYS TO NOMINATE ORNITHONYMS IN THE INGUSH
LANGUAGE

Keywords: ornithomes, nomination principles, bird names, color features, terms.

This article reflects the basic concepts of lexical nomination words, considered ways of nominating birds in the Ingush language. Important is the fact that learning how the nomination makes it possible to reveal the laws of education titles. This, in turn, helps to clarify the origin of names that have lost their primary meaning.

Ф.Г. Фаткуллина, Л.М. Салимова, Д.К. Саяхова
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ
ТЕКСТОВ МАССМЕДИА

Ключевые слова: массмедийные тексты, публицистический стиль, медиалингвистика, лингвокультурология, образ автора. В статье рассматриваются особенности изучения текстов современных СМИ с точки зрения лингвокультурологии. Подчеркивается, что при всём многообразии точек зрения на методы изучения языка СМИ можно обнаружить нечто объединяющее их, а именно – признание стилистического своеобразие массмедийного текста, ориентированного на передачу социально значимой информации, представленной как выражение языковыми средствами жизненной позиции автора.

Г.Р. Фахарова
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ
МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ФОРМУЛАХ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА
(НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.А. БУНИНА)

Ключевые слова: глаголы межличностных отношений, формулы речевого этикета, положительное отношение.

В статье анализируются особенности функционирования глаголов межличностных отношений в формулах речевого этикета на примере произведений И.А. Бунина. Актуальность данного исследования обусловлена изучением глагольных форм с позиции лингвистики текста. Обращение к текстам произведений И.А. Бунина позволяет воссоздать многослойную картину взаимоотношений между людьми и выявить особенности авторского стиля.

И.В. Шерстяных
ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТАТУС СЛОВ КАТЕГОРИИ
СОСТОЯНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: диахронная трансформация, переходность, трансформационный потенциал, слова категории состояния, вторичная часть речи.

Статья посвящена современному осмыслению грамматического статуса слов категории состояния в современном русском языке. В работе обзорно представлены особенности квалификации слов категории состояния в научной, лексикографической литературе и в школьном курсе русского языка. В научной лингвистике, вузовской и школьной грамматиках нет терминологического единообразия и согласованности относительно квалификации лексико-грамматической природы слов категории состояния, а также их устойчивого статуса среди других частей речи, что негативно отражается на школьной лингводидактике и итогах обучения.

К.Н. Антонова
ФЕНОМЕН У.БЛЕЙКА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ
МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТИ

Ключевые слова: мультимодальность, интермедийный дискурс, художественная картина мира, поликодовый текст, романтизм.

В статье обосновывается, почему именно поэтические тексты У.Блейка, в частности, его «Пророческие книги» могут рассматриваться как результаты объективации интермедийного дискурса в форме мультимодального поликодового текста, обеспечивая тем самым участие читателя в процессе творчества и реализуя принцип диалогичности произведения.

И.Ж. Винокурова, Л.К. Первушина
ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОЦЕНОЧНОСТИ В
ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: оценочность, интернет дискурс, кинокритика, лингвостилистические средства, коммуникация.

В работе представлены результаты анализа лингвостилистических средств выражения оценочности в Интернет-дискурсе. Данная тема представляется актуальной

F.G. Fatkullina, L.M. Salimova, D.K. Sayakhova
LINGUOCULTURAL APPROACH TO STUDYING MASS
MEDIA TEXTS

Keywords: mass media texts, journalistic style, medialogistics, linguoculturology, image of the author.

In the article, the authors discuss the features of studying the texts of modern media from the point of view of linguoculturology. It is emphasized that with all the variety of points of view on the methods of studying the language of the media, one can find something that unites them, namely, recognition of the stylistic feature of the mass media text, focused on the transmission of socially significant information, presented as an expression of the author's life position by language means.

G.R. Fakharova
FEATURES OF FUNCTIONING VERBS OF
INTERPERSONAL RELATIONS IN THE FORMULAS OF
SPEECH ETIQUETTE (ON THE EXAMPLE OF WORKS OF
I.A. BUNIN)

Keywords: verbs of interpersonal relations, formulas of speech etiquette, positive attitude.

The article analyzes the features of the functioning of the verbs of interpersonal relations in the formulas of speech etiquette on the example of the works of I. A. Bunin. The relevance of this study is due to the study of verb forms from the position of the linguistics of the text. Appeal to the texts of the works of I.A. Bunin allows you to recreate a multi-layer picture of the relationship between people and identify features of the author's style.

I.V. Sherstyanykh
GRAMMATICAL STATUS OF WORDS OF THE
CATEGORY OF STATE IN MODERN RUSSIAN

Keywords: diachronic transformation, transitivity, transformational potential, the category of state words, secondary part of speech.

The article is devoted to the modern understanding of the grammatical status of the category of state words in the modern Russian language. The paper presents the features of the qualification of the category of state words in the scientific, lexicographic literature and in the school course of the Russian language. In scientific linguistics, university and school grammars there is no terminological uniformity and consistency regarding the qualification of the lexical and grammatical nature of the category of state words, as well as their stable status among other parts of speech, which negatively affects the school linguistics and learning outcomes.

K.N. Antonova
THE PHENOMENON OF W. BLAKE IN THE CONTEXT OF
THE THEORY OF MULTIMODALITY

Keywords: multimodality, intermedial discourse, artistic picture of the world, polycode text, romanticism.

The article substantiates why the poetic texts by W. Blake and his "Prophetic books", in particular, can be considered as the results of objectification of the intermedial discourse in the form of a multimodal polycode text, thereby ensuring the participation of the reader in the process of co-creation and thus realizing the principle of dialogue in his work.

I.Zh. Vinokurova, L.K. Pervushina
LINGOSTYLISTIC MEANS OF EXPRESSING
EVALUATION IN INTERNET DISCOURSE

Keywords: evaluation, Internet discourse, stylistic means, movie reviews, communication.

The article is devoted to the study of evaluation means in Internet discourse. The theme seems to be relevant and topical in connection with the overall prevalence and influence of this type

в связи с всеобщей распространённостью и влиянием данного вида дискурса на общество. Материалом исследования послужили пользовательские кинорецензии, отобранные методом сплошной выборки из англоязычных сайтов.

К.Н. Гафиуллина

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С
ЛЕКСИЧЕСКИМИ КОМПОНЕНТАМИ «LAW», «CRIME»,
«COURT», «JUSTICE»

Ключевые слова: фразеологическая единица, английский язык, правовой, анализ, лексико-семантический.

В работе представлены результаты лексико-семантического анализа фразеологических единиц английского языка, в которые входят лексические компоненты, отражающие ключевые понятия юриспруденции - «law», «crime», «court», «justice». В ходе исследования определяются семантические и стилистические особенности данных правовых фразеологизмов, приводится их классификация в зависимости от положительного или отрицательного отношения человека к понятиям и явлениям, связанным с рассмотренными лексическими компонентами.

В.В. Гурин, Н.Р. Кириченко

АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ
«SURPRISE» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, удивление, дефиниционный анализ, английский язык, ядро, периферия.

В статье исследуется лексико-семантическое поле «Surprise» в английском языке. Авторами предпринята попытка выделить и проанализировать лексемы, входящие в данное поле. Проведенный анализ позволил выявить 32 лексические единицы, имеющие в своей семантической структуре компонент удивления, а также продемонстрировать связь данного феномена с познанием, интеллектуальной деятельностью человека.

К.Е. Кохонова, А.Л. Буранин, Ю.А. Зеремская
ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАЙМСТВОВАННЫХ
ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КИТАЙСКОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СИСТЕМЕ АНГЛИЙСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: английский литературный язык, китайские заимствования, язык-источник, язык-реципиент, язык-посредник.

В данной работе дан этимологический анализ пласта китайских заимствований в системе английского литературного языка. Заимствованные адстраты в структуре языка-реципиента имеют черты тех языков, которые, в той или иной степени, принимали участие в процессе заимствования. Таким образом, определение языков-источников и языков-посредников в контексте межкультурной коммуникации представляет ценность для изучения системы английского языка как языка-реципиента.

Т.Е. Краутман

СИСТЕМАТИЧНОСТЬ АНГЛИЙСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ
ТЕРМИНОВ В ТЕКСТЕ ЗАКОНА

Ключевые слова: перевод, систематичность, текст закона, юридический термин.

Статья посвящена изучению систематичности терминологии в английском тексте закона. Рассматриваются подходы к выделению критериев систематичности. Анализируются тексты законов на английском языке, выделяются основные проблемы терминосистем при переводе текста закона с английского языка на русский.

А.А. Кулыева, Д.Р. Гилязова

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЧЕСКАЯ
ПАРАДИГМА ГЛАГОЛА TO WORK

Ключевые слова: когнитивный подход, лексико-

of discourse on society. The analysis of linguistic stylistic means of forming evaluation has been made on the basis of movie reviews written by ordinary users of Internet.

K.N. Gafiullina

A LEXICO-SEMANTIC ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL
UNITS IN THE ENGLISH LANGUAGE WITH LEXICAL
COMPONENTS «LAW», «CRIME», «COURT», «JUSTICE»

Keywords: phraseological unit, English language, legal, analysis, lexico-semantic.

The paper presents the results of lexical and semantic analysis of phraseological units in the English language, which include lexical components reflecting the key concepts of jurisprudence – ‘law’, ‘crime’, ‘court’, ‘justice’. In the course of the study, semantic and stylistic features of these phraseological units are determined and their classification is given. It depends on the positive or negative attitude of a person to the concepts and phenomena associated with legal lexical components.

V.V. Gurin, N.R. Kirichenko

ANALYSIS OF THE LEXICO-SEMANTIC FIELD
“SURPRISE” IN THE ENGLISH LANGUAGE

Keywords: lexical-semantic field, surprise, definitional analysis, the English language, core, periphery.

The problem of the lexical-semantic field “Surprise” in the English language is investigated in the article. The authors attempted to indicate and analyze the lexemes included in this field. The analysis made it possible to identify 32 lexical units that have a component of surprise in their semantic structure, and to demonstrate the connection of this phenomenon with cognition, intellectual activity of a person.

K.Y. Kokhonova, A.L. Buran, Yu.A. Zeremskaya
ETYMOLOGICAL ANALYSIS OF LEXICAL UNITS OF
CHINESE ORIGIN IN THE SYSTEM OF THE ENGLISH
LITERARY LANGUAGE

Keywords: English literary language, Chinese borrowings, source-language, recipient language, transmission language.

This paper presents etymological analysis of a layer of Chinese borrowings in the system of the English literary language. The borrowed layers in the recipient language structure are characterized by the same features as those languages more or less involved in the borrowing process. Thus identifying the source languages and the transmission languages in the context of cross-cultural communication is valuable for studying the system of English as a recipient language.

T.E. Krautman

SYSTEMATICITY OF ENGLISH LEGAL TERMS IN THE
LAW TEXT

Keywords: translation, systematic, text of the law, legal term.

The article is devoted to the study of systematic terminology in the English text of the law. Various approaches to the identification of systematic criteria are considered. The texts of laws in English are analyzed, the main problems of term systems in translating the text of the law from English into Russian are highlighted.

A.A. Kulyeva, D.R. Gilyazeva

LEXICO-PHRASEOLOGICAL SYNONYMIC PARADIGM
OF THE VERB TO WORK

Keywords: cognitive approach, lexico-phraseological paradigm,

фразеологическая парадигма, синонимический ряд, понятие, ономазиологический аспект.

Статья раскрывает и описывает когнитивную модель семантического поля, состоящего из лексико-фразеологического синонимического ряда с доминантой - to work. В статье анализируются глагольные единицы. С помощью ономазиологической интерпретации словарные определения раскрываются по двух или трех аспектной характеристике: референтной+относительной или референтной + относительной+описательной. По качественному и количественному параметрам проводится анализ всех аспектов характеристики синонимического ряда.

Е.Н. Морозова, И.Э. Федюнина

ИССЛЕДОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Ключевые слова: фразеологизм, прагматический эффект, оценочная коннотация, внутренняя форма, контекст, финансовый статус.

В работе представлены результаты изучения фразеологизмов английского языка, характеризующих финансовый статус человека. Выявляются факторы, определяющие ситуативную специфику их прагматического эффекта. Делается попытка выявить взаимосвязь прагматического содержания фразеологизмов с нормами и тенденциями англоязычной культуры, установками и приоритетами её носителей.

А.Ф. Петренко, С.А. Петренко, Н.А. Орлова

О МНОГОПЛАНОВОСТИ ПРИЕМА ПОВТОРА-ПОДХВАТА В ДИСКУРСЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Ключевые слова: повтор, анадиплосис, когерентность, текстообразование

В статье на примере вида повтора анадиплосиса рассматривается проблема достижения связности и цельности текста. Анадиплосис получает описание как средство реализации структурного наполнения текста. Выявляются многоплановые функции, выполняемые повтором-подхватом в дискурсе художественного произведения.

С.А. Стройков

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО ГИПЕРТЕКСТА

Ключевые слова: лингвосемиотический анализ, электронный гипертекст, макро/микроструктура, информационная единица, гипертекстовая ссылка, гиперкаркас, интро, элементы параграфемии.

В работе представлены результаты методологического исследования макро- и микроструктурных элементов электронного гипертекста с точки зрения лингвосемиотики. Изучены понятия малоформатного и крупноформатного электронного гипертекста, описаны термины «информационная единица», «гипертекстовая ссылка», «гиперкаркас», «интро», «заголовок», «электронный хедлайн» в качестве структурных элементов электронного гипертекста. Выявлено, что информационные единицы электронного гипертекста могут включать в себя невербальные элементы, которые автор относит к элементам параграфемии.

А.О. Харабаева

ОБРАЗ ЯКУТИИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Ключевые слова: образ региона, имидж региона, Республика Саха (Якутия).

Проанализированы наиболее популярные источники англоязычных электронных СМИ для понимания, проводимой республикой работы по позиционированию региона за пределами Российской Федерации. Предметом исследования стали статьи и корреспонденция, репортажи, посвященные общественно-политической и культурной жизни Якутии.

synonymic row, concept, onomasiological aspect.

The article reveals and describes the cognitive model of the semantic field consisting of a lexico-phraseological synonymic row with a synonymic dominant verb to work. Verbal units are analyzed in the article. Vocabulary definitions are revealed with a help of onomasiological interpretation according to two or three aspect characterization: referential+relative and referential+relative+descriptive. The analysis of all aspects of characterization is carried out on qualitative and quantitative parameters.

E.N. Morozova, I.E. Fedyunina

STUDY OF ENGLISH IDIOMS FOR FINANCIAL STATE: COGNITIVE-PRAGMATIC APPROACH

Keywords: idiom, pragmatic impact, evaluative connotation, inner form, context, financial state.

The paper deals with English idioms for financial state. The research seeks to single out the factors which affect pragmatic impact of the idioms under study in particular communicative situations. The authors also seek to find out whether pragmatic impact is linked to the rules and trends of English-speaking cultures, the mentality and priorities of native speakers.

A.Ph. Petrenko, S.A. Petrenko, N.A. Orlova

ON MULTIPLE FUNCTIONS OF ANADIPLOSIS IN THE DISCOURSE OF A LITERARY TEXT

Keywords: repetition, anadiplosis, coherence, text formation.

The article examines the problem of achieving coherence and integrity of the text using the example of such type of repetition as anadiplosis. Anadiplosis receives a description as a means of implementing the structural content of the text. The authors reveal multidimensional functions, performed by anadiplosis in the discourse of literary works.

S.A. Stroykov

LINGUOSEMIOTIC ANALYSIS OF THE ENGLISH ELECTRONIC HYPERTEXT STRUCTURE

Keywords: linguosemiotical analysis, electronic hypertext, macro/microstructure, information unit, hyperlink, hypercarcass, intro, paragraphemic elements.

This paper contains the results of the complex methodological analysis of macro- and microstructure elements of the electronic hypertext from the linguosemiotical point of view. The author analyses small format and big format electronic hypertext structures as well as the terms "information unit", "hyperlink", "hyper carcass", "intro", "title", "electronic headline" as the main structural elements of the electronic hypertext. The author has also revealed that information units of the electronic hypertext can contain nonverbal elements that are considered to be paragraphemic elements.

A.O. Kharabaeva

IMAGE OF YAKUTIA IMAGE OF YAKUTIA IN ENGLISH MEDIA

Keywords: image of the region, Republic of Sakha (Yakutia).

The most popular sources of English electronic media are analyzed for the better understanding of the work carried out by the republic on positioning the region outside the Russian Federation. The subject of the research were articles and correspondence, reports on the socio-political and cultural life of Yakutia.

Л.Г. Юсупова
КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ В ИССЛЕДОВАНИЯХ
ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

Ключевые слова: значение слова, лексическое значение, семантический инвариант, денотативный и сигнификативный аспекты значения.

В статье сформулированы представления о значении слова. Автор рассматривает исследовательские подходы в изучении лексического значения слова и отмечает, что все аспекты лексического значения слова составляют смысловое поле слова (смысл), которое можно представить как набор минимальных содержательных единиц - сем. В качестве особенности лексического значения слова автор выделяет опосредованную связь семантики слова с предметами, явлениями, процессами, действиями, имеющими место в реальной действительности. Автор разделяет мнение о том, что лексическое значение как закрепление разной степени сложности и важности структурированных совокупностей признаков (свойств и отношений)

Р.К. Ахметгареева, М.К. Гулкян
МОДЕЛИРОВАНИЕ И ВНЕДРЕНИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ПРОЦЕСС ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ
ИНТЕГРАТИВНЫХ ЗАДАЧ

Ключевые слова: профессионально значимые интегративные задачи, образовательный процесс, иноязычная среда.

В данной статье раскрывается модель внедрения в образовательный процесс профессионально значимых интегративных задач. Данный подход предусматривает моделирование и внедрение в образовательный процесс гибких моделей интегративных задач, ориентированных на личность будущего специалиста. Задачный подход эффективен при формировании умений свободно и уверенно общаться и действовать в иноязычной среде, получать, обрабатывать и передавать информацию на иностранном языке.

Н.В. Возмищева, Г.Е. Поторочина, М.Н. Смирнова
К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ОБУЧЕНИЯ
АКСИОЛОГИЧЕСКИМ АСПЕКТАМ ПЕРЕВОДА

Ключевые слова: аксиологическое переводоведение, лингвокультурная адаптация, гармония, дисгармония, адекватный перевод.

В работе представлены результаты изучения проблемы необходимости обучения переводу с точки зрения лингвокультурной и аксиологической адаптации текста к принимающей культуре. Подчеркивается важность подготовки специалистов, способных к успешной межкультурной коммуникации. А также рассматривается ряд трудностей перевода аутентичных текстов, содержащих интертекстуальные включения.

А.Ф. Давлетбаева
ОСОБЕННОСТИ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ 配 И 值得
В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: модальность, модальный глагол, оценка, коммуникативная ситуация.

Статья посвящена исследованию модальных глаголов 配 и 值得 в китайском языке, выражающих оценку. В работе мы рассматриваем разные виды коммуникативных ситуаций, в которых функционируют модальные глаголы 配 и 值得, способы перевода данных слов на русский язык и их грамматические особенности.

Н.В. Зотова
ГРАФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ J. LANCHESTER
«CAPITAL»

Ключевые слова: эмотивность, эмоция, синтаксис, эмотивный текст.

Работа посвящена рассмотрению особенностей использования

L.G. Yusupova
COGNITIVE ASPECT IN RESEARCH OF LEXICAL
MEANING OF THE WORD

Keywords: word meaning, lexical meaning, semantics, semasiology, semantic invariant, sign, denotative and significative aspects of meaning.

The article formulates ideas about the meaning of the word. The author considers the research approaches in the study of the lexical meaning of the word and notes that all aspects of the lexical meaning of the word constitute the semantic field of the word (meaning), which can be represented as a set of minimal content units. As a feature of the lexical meaning of the word, the author singles out the indirect connection of the semantics of the word with objects, phenomena, processes, actions taking place in reality. Semasiological approach to the interpretation of lexical meaning, which is of interest for this study can be represented by the following basic directions: functional, relational and aspect. The author defines lexical meaning as fixing of different degree of complexity and importance of structured sets of signs (properties and relations).

R.K. Akhmetgareyeva, M.K. Gulkanyan
MODELING AND INTRODUCTION OF PROFESSIONALLY
SIGNIFICANT INTEGRATIVE TASKS IN THE
EDUCATIONAL PROCESS

Keywords: professionally significant integrative tasks, educational process, foreign language environment.

The article reveals the model of introduction of professionally significant integrative tasks in the educational process. This includes the modeling and implementation of flexible models of integrative tasks in the educational process, focused on the personality of the future specialist. The task-based approach is effective in the formation of skills to communicate clearly and confidently and act in a foreign language environment, to receive, process and transmit information in a foreign language.

N.V. Vozmishcheva, G.E. Potorochina, M.N. Smirnova
TO THE PROBLEM OF AXIOLOGICAL TRANSLATION
ASPECTS TEACHING ADVISABILITY

Keywords: axiological theory of translation, linguistic-cultural localization, harmony, disharmony, appropriate translation.

This article represents the results of translation teaching necessity studies from the position of linguistic-cultural and axiological text localization in the host culture. The importance of training specialists capable of intercultural communication is highlighted. Some typical difficulties of authentic texts with intertextual components translation are also regarded.

A.F. Davletbaeva
FEATURES OF MODAL VERBS 配 AND 值得 IN CHINESE
Keywords: modality, modal verb, evaluation, communicative situation.

The article is devoted to the study of modal verbs 配 and 值得 in Chinese, expressing the evaluation. In this paper, we consider different types of communicative situations in which modal verbs 配 and 值得 function, ways of translating these words into Russian and their grammatical features.

N.V. Zotova
GRAPHICAL MEANS OF REALIZATION OF THE
EMOTIVE CATEGORY IN «CAPITAL» BY J. LANCHESTER
Keywords: emotiveness, emotion, syntax, emotive text.

The paper deals with the consideration of peculiarities of graphical means using for representation of emotions in a literary text in English. Literary text «Capital» by J. Lanchester

графических средств для иллюстрации эмоций в художественном тексте на английском языке. В качестве материала исследования использовано художественное произведение J. Lanchester «Capital». В рамках исследования выявлены наиболее активно используемые графические средства выражения эмотивности.

Е.В. Максименко, О.Б. Анисимова, Е.В. Сивакова
К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПРИ
ПЕРЕВОДЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ключевые слова: перевод научно-технической литературы, лингвистический анализ, термин, терминология, переводчик, логико-грамматические конструкции.

В статье поднимается вопрос об особенностях перевода научно-технической литературы, особенно её терминологической составляющей. Авторы приводят примеры перевода терминологических словосочетаний из различных областей знания, дают профессиональные рекомендации по переводу патентной литературы. Рассматривая сложности перевода научно-технической литературы, авторы анализируют особенности перевода текстов на разных уровнях восприятия: лингвистическом, логико-грамматическом, лексическом.

has been used as a material for research. The analysis identified the most productive means of expressing emotiveness with the help of graphical means.

E.V. Maksimenko, O.B. Anisimova, E.V. Sivakova
TO THE ISSUE OF TRANSLATORS' COMPETENCE IN
TRANSLATION OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL
LITERATURE

Keywords: translation of scientific and technical literature, linguistic, term, terminology, translator, logical and grammatical constructions.

The article raises the issue of the scientific and technical literature translation peculiarities, especially its terminological component. The authors give examples of the terminological phrases translation from various fields of knowledge, give professional advice to translators about patent literature translation. Considering the difficulties in translation of scientific and technical literature, the authors analyze the peculiarities of texts translation at different levels of their perception: linguistic, logical and grammatical as well as lexical.

В.И. Миколайчик
СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА С ДЕРИВАТИВНОЙ ФУНКЦИЕЙ
В ЗАПАДНОИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: словообразовательное средство, деривативный аффикс, аналитическое слово, структура словоформы, лексическая конструкция.

Спецификой словообразования западноиранских языков является широкое использование исходно знаменательных слов в деривативной функции. Это особенно характерно для глагольного словообразования, где полное отсутствие аффиксации обусловило появление массы лексем в виде аналитических слов, в которых роль словообразовательного средства выполняет исходно знаменательное слово.

V.I. Mikolaichik
STRUCTURAL SEMANTIC TYPES OF EQUIVALENTS OF
RUSSIAN POLYSEMOUS VERBS IN WESTERN IRANIAN
LANGUAGES

Keywords: semantic differentiation, derivative affix, structural type, verbal monolexemic, the semantic equivalent.

The verbal lexicon of Western Iranian languages characterized by extreme semantic undifferentiation. This makes them radically different from the Russian language, where the extremely developed derivative affixation allows expressing several components of the semantics of denotational and connotative levels in one verbal monolexem. The article classifies the means of Western Iranian languages, allowing to create semantic equivalents of Russian polysemous verbs.

В.И. Миколайчик
«ИНВАРИАНТ» КАК ИНСТРУМЕНТ НАУЧНОГО
АППАРАТА В ИССЛЕДОВАНИЯХ МООРФОЛОГИИ

Ключевые слова: вариант, инвариант, научный аппарат, оппозиция, полифункциональная форма, грамматическая, семантика, морфологический уровень.

Положительно оценивая результаты применения теории инварианта в теоретической грамматике, автор считает необходимым учитывать, что полифункциональная грамматическая форма в речи находится под решающим воздействием семантически однородных с ней неграмматических средств, доминирующих благодаря конкретности своей семантики.

V.I. Mikolaichik
"INVARIANT" AS A TOOL OF SCIENTIFIC APPARATUS
IN STUDIES OF MORPHOLOGY

Keywords: variant, invariant, scientific apparatus, opposition, polyfunctional form, grammatical semantics, morphological level.

Positively evaluating the results of the invariant theory application in theoretical grammar, the author considers it necessary to take into account that the polyfunctional grammatical form in speech is under the decisive influence of semantically homogeneous non-grammatical means dominating due to the concreteness of its semantics.

К.А. Покоякова, А.Н. Чугункова
ОБРАЗ РОДИТЕЛЕЙ В РУССКОМ И ХАКАССКОМ
ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Ключевые слова: языковое сознание, образ мира, ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, этнокультурная специфика языкового сознания, образ родителей.

В статье рассматривается образ мира русских и хакасов на примере анализа вербальных ассоциаций на стимульные слова «отец» и «мать». В современной отечественной психолингвистике актуальны исследования, направленные на исследование языкового сознания носителей разных языков, поскольку они позволяют выявить универсальное и специфическое в их образах мира, что способствует эффективности межкультурной коммуникации.

K.A. Pokoyakova, A.N. Chugunekova
THE IMAGE OF PARENTS IN THE RUSSIAN AND
KHAKAS LANGUAGE CONSCIOUSNESS

Keywords: language consciousness, image of the world, associative experiment, associative field, ethnocultural specificity of language consciousness, image of parents.

The article considers the image of the world of Russia and Khakas respondents by the example of the analysis of verbal associations on the stimulus words "father" and "mother". In modern Russian psycholinguistics, studies aimed at analyzing the language consciousness of native speakers of different languages are relevant, since they allow us to identify the universal and specific in their images of the world, which contributes to the effectiveness of intercultural communication.

А.Р. Шайдуллина, Э.К. Сабаяева

ПАРЕМИИ КАК ЯЗЫКОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КАРТИНЫ
МИРА: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ
АСПЕКТЫ

*Ключевые слова: паремиологическое пространство,
лингвокультурология, универсальные аспекты, речевая
коммуникация, языковая реализация.*

Научная статья посвящена изучению специфики лингвистического и лингвокогнитивного анализа паремий сквозь призму лингвистической когнитивистики рассматривается их когнитивно-прагматическая характеристика. Анализ когнитивно-прагматических особенностей паремий рассматривается как особый лингвокультурологический статус в силу яркого отражения в них синтеза языкового и лингвокультурного значений. В качестве иллюстративного материала послужили словари фразеологизмов, пословиц, поговорок, афоризмов на русском и английском языках, интернет-источники. В качестве метода изучения паремий релевантным для статьи представляется лингвокультурологический метод, включающий лингвокультурологический комментарий.

A.R. Shaidullina, E.K. Sabaeva

PAROEMIAS AS A LANGUAGE COMPONENT OF THE
WORLD: LINGUOCOGNITIVE AND LINGUOCULTURAL
ASPECTS

Keywords: paroemiological space, linguoculturology, universal aspects, speech communication, language implementation.

A scientific article is devoted to the study of the specifics of the linguistic and linguo-cognitive analysis of paroemias through the prism of linguistic cognitive science, their cognitive-pragmatic characteristic is considered. The analysis of the cognitive-pragmatic characteristics of paroemias is considered as a special linguocultural status due to the vivid reflection of the synthesis of linguistic and linguocultural meanings in them. Dictionaries of phraseological units, proverbs, sayings, aphorisms in Russian and English, and internet sources served as illustrative material. As a method for studying paroemias, the linguoculturological method, including the linguoculturological commentary, seems relevant for the article.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Рашин Сайнс» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрчным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№10 2019

www.kazanscience.ru

Реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 - 75730

Подписано в печать 14.11.2019

Формат А4. Печать цифровая.

Дата выхода в свет 14.11.2019

10,3 усл.печ.л. 12,6 уч.изд.л. Тираж 500 экз. Заказ 3050.

Учредитель: ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Адрес редакции, издательства, типографии – ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Цена – договорная

© Рашин Сайнс

тел.(843) 216-30-35

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Рашин Сайнс»